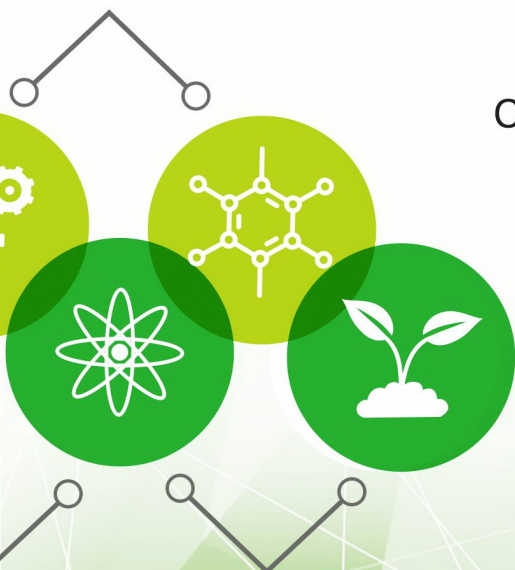

ISSN 2524-0986

 iScience

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 10(30)
Часть 3

Переяслав-Хмельницкий
2017

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ВЫПУСК 10(30)
Часть 3

Октябрь 2017 г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выходит –12 раз в год (ежемесячно)
Издается с июня 2015 года

Включен в наукометрические базы:

РИНЦ http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58411

Google Scholar

<https://scholar.google.com.ua/citations?user=JP57y1kAAAAJ&hl=uk>

Бібліометрика української науки

http://nbuviap.gov.ua/bpnu/index.php?page_sites=journals

Index Copernicus

<http://journals.indexcopernicus.com/++++,p24785301,3.html>

Переяслав-Хмельницький

УДК 001.891(100) «20»

ББК 72.4

A43

Главный редактор:

Кошур В.П., доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии педагогических наук Украины

Редколлегия:

Базалук О.А.	д-р филос. наук, профессор (Украина)
Боголиб Т.М.	д-р экон. наук, профессор (Украина)
Кабакбаев С.Ж.	д-р физ.-мат. наук, профессор (Казахстан)
Мусабекова Г.Т.	д-р пед. наук, профессор (Казахстан)
Смирнов И.Г.	д-р геогр. наук, профессор (Украина)
Исак О.В.	д-р социол. наук (Молдова)
Лю Бинцянь	д-р искусствоведения (КНР)
Тамулет В.Н.	д-р ист. наук (Молдова)
Брынза С.М.	д-р юрид. наук, профессор (Молдова)
Мартынюк Т.В.	д-р искусствоведения (Украина)
Тихон А.С.	д-р мед. наук, доцент (Молдова)
Таласпаева Ж.С.	канд. филол. наук, профессор (Казахстан)
Чернов Б.О.	канд. пед. наук, профессор (Украина)
Мартынюк А.К.	канд. искусствоведения (Украина)
Воловык Л.М.	канд. геогр. наук (Украина)
Ковальська К.В.	канд. ист. наук (Украина)
Амрахов В.Т.	канд. экон. наук, доцент (Азербайджан)
Мкртчян К.Г.	канд. техн. наук, доцент (Армения)
Стати В.А.	канд. юрид. наук, доцент (Молдова)
Бугаевский К.А.	канд. мед. наук, доцент (Украина)

Актуальные научные исследования в современном мире: XXX Междунар. научн. конф., 26-27 октября 2017 г., Переяслав-Хмельницкий. // Сб. научных трудов - Переяслав-Хмельницкий, 2017. - Вып. 10(30), ч. 3 – 131 с.

Языки издания: українська, русский, english, polski, беларуская, казакша, o'zbek, limba română, кыргыз тили, Հայերէս

В сборнике представлены результаты актуальных научных исследований ученых, докторантов, преподавателей, аспирантов и студентов - участников Международной научной конференции "**Актуальные научные исследования в современном мире**" (Переяслав-Хмельницкий, 26-27 октября 2017 г.).

Сборник предназначен для научных работников и преподавателей высших учебных заведений. Может использоваться в учебном процессе, в том числе в процессе обучения аспирантов, подготовки магистров и бакалавров в целях углубленного рассмотрения соответствующих проблем. Все статьи сборника прошли рецензирование, сохраняют авторскую редакцию, всю ответственность за содержание несут авторы.

УДК 001.891(100) «20»

ББК 72.4

A43

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алымбеков Бактыбек Маданбекович (Бишкек, Кыргызская Республика) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	6
Алымбеков Бактыбек Маданбекович (Бишкек, Кыргызская Республика) НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	12
Атабеков Кайрат Кулбакович (Бишкек, Кыргызская Республика) ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН КАК СОДЕРЖАНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО ТИПА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КЫРГЫЗСТАНА.....	16
Атабеков Кайрат Кулбакович (Бишкек, Кыргызская Республика) ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	22
Исабеков Айбек Арстанбекович (Бишкек, Кыргызская Республика) ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	26
Исабеков Айбек Арстанбекович (Бишкек, Кыргызская Республика) МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА.....	32
Pavliuc Ghenadie Iosif (Chişinău, Republica Moldova) CU PRIVIRE LA UNELE PROBLEME CARE APAR ÎN PRACTICA DE APLICARE A ART. 369 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA	38
Pavliuc Ghenadie Iosif (Chişinău, Republica Moldova) PRACTICA DE APLICARE A RĂSPUNDERII CONFORM ART. 368 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA: OBSERVAȚII CRITICE ȘI CONCLUZII.....	44
Сагынтаева А.А., Тайшыбаева А.С. (Актобе, Республика Казахстан) ДЕЙСТВИЯ И ПРИЕМЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ.....	50
Stati Vitalie Anatol (Chişinău, Republica Moldova) REFLECȚII PE MARGINEA HOTĂRĂRII CURȚII CONSTITUȚIONALE A REPUBLICII MOLDOVA NR. 12 DIN 28.03.2017 PRIVIND EXCEPȚIA DE NECONSTITUȚIONALITATE A ART. 307 DIN CODUL PENAL (RĂSPUNDEREA PENALĂ A JUDECĂTORILOR).....	54

Stati Vitalie Anatol (Chişinău, Republica Moldova) SPĂLAREA BANILOR (ART. 243 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA) ŞI FINANŢAREA TERORISMULUI (ART. 279 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA): DEOSEBIRILE DINTRE COMPONENTELE DE INFRACTIUNI.....	61
Тагаев Нурдин Амшыбекович (Бишкек, Кыргызская Республика) ТАМОЖЕННЫЕ ОРГАНЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	67
Вехов Виталий Борисович (Москва, Россия) КОМПЛЕКТАЦИЯ ПЕРЕДВИЖНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ДЛЯ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ В «ПОЛЕВЫХ» УСЛОВИЯХ.....	72
Газаев Асхат Ибрагимович, Кунтуганкызы Айнур, Сугирбеков Серик Избасарович (Тараз, Казахстан) ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОБУЖДЕНИЯ К СУИЦИДУ.....	77
Мәсәлімқызы Меруерт (Алматы, Қазақстан) ШЕТЕЛДЕ ЖЕҢІЛДЕТІЛГЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАЗА ИНСТИТУТЫНЫҢ ТҮСІНІГІ.....	80

СЕКЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bexultanova D.B. (Astana, Kazakhstan) ISIS AND ITS THREATS TO THE MODERN WORLD.....	85
Davletyarova Makpal Alibekovna (Astana, Kazakhstan) THE ROLE OF FREEDOM OF EXPRESSION, PARTICULARLY, FREEDOM OF THE MEDIA IN AUTHORITARIAN STATES.....	91

СЕКЦИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зубенски Екатерина (Кишинэу, Молдова) CONTRIBUŢIA UNOR AUTORI IN CERCETAREA INTELIGENŢEI COPIILOR CU TULBURARI INTELECTUALE.....	96
Зубенски Екатерина (Кишинэу, Молдова) PROBLEME SOCIALE ŞI ASISTENŢIALE DE INCLUZIUNE ŞCOLARĂ A COPIILOR CU TULBURĂRI PSIHICE.....	102
Белановская Ольга Викторовна (Минск, Беларусь) ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ У ЖЕНЩИН ВОЗРАСТА РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ.....	108
Жуматова Гульзат Мухаметкаримовна, Жумаканова Улпан Сериккановна (Қарағанды, Қазақстан) ЖАСӨСПІРІМДЕР АРАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ.....	114
Карачевцев Ярослав Николаевич (Харьков, Украина) ВЛИЯНИЕ НОВОСТЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	116

СЕКЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Альжанова Гульзада Бахыткалиевна (Караганда, Казахстан)

ИСТИНА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ..... 121

Рахимжанова С.К. (Астана, Казахстан)

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА..... 124

ИНФОРМАЦИЯ О СЛЕДУЮЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ..... 129

СЕКЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.9:351(575.2)(044.4)

Алымбеков Бактыбек Маданбекович
Учебно-научно-производственный комплекс
Международного университета Кыргызстана
(Бишкек, Кыргызская Республика)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

***Аннотация.** В своей статье автор анализирует уголовно-процессуальную деятельность органов внутренних дел Кыргызской Республики. Раскрывает в соответствии с законодательством понятие и сущность такого вида деятельности. Исследует задачи и функции органов внутренних дел в сфере уголовного судопроизводства. Предлагает пути совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. Дает характеристику правоприменительной деятельности органов внутренних дел.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное законодательство, реформирование, органы внутренних дел, статья, правоохранительные органы.*

*Alymbekov Baktybek Madanbekovich
Educational scientifically production complex
of the International university of Kyrgyzstan
(Bishkek, Kyrgyz Republic)*

CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES LAW-ENFORCEMENT BODIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC

***Summary.** In the article the author analyzes criminal procedure activities of law-enforcement bodies of the Kyrgyz Republic. Opens a concept and an entity of that type of activity according to the legislation. Researches tasks and functions of law-enforcement bodies in the sphere of criminal legal proceedings. Offers ways of enhancement of criminal procedure activities of law-enforcement bodies. Gives the characteristic of law-enforcement activities of law-enforcement bodies.*

***Keywords:** criminal procedure legislation, reforming, law-enforcement bodies, article, law enforcement agencies.*

В соответствии со ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики [1] органами дознания являются: органы внутренних дел; начальники исправительных учреждений и следственных изоляторов – по делам о преступлениях, совершенных сотрудниками этих учреждений в связи с исполнением ими служебных обязанностей, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных частей; командиры воинских частей, соединений и начальники военных учреждений; органы национальной безопасности; командиры пограничных частей; начальники

геологоразведочных партий, экспедиций и начальники зимовок в отдаленных местностях; таможенные органы; органы по борьбе с экономическими преступлениями и органы Государственной противопожарной службы.

Вместе с тем, ст. 5 уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики не дает однозначного определения, что по нашему мнению является упущением законодателя. Анализ научной литературы позволяет нам сдать попытку дать понятие органов дознания в уголовном судопроизводстве, как государственных органов и их должностных лиц, уполномоченных в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом осуществлять процессуальную деятельность.

По данным официальной статистики, органы внутренних дел, выполняют до 80% всего объема функций органов дознания в Кыргызстане.

Органы внутренних дел являются многофункциональным и комплексным самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

С учетом этих критериев функции органов внутренних дел образуют три группы:

- 1) основные;
- 2) обеспечивающие нормальный ход уголовного судопроизводства;
- 3) вспомогательные.

Осуществление органами внутренних дел основных уголовно-процессуальных функций связано с движением уголовного дела, развитием следственной ситуации, стадиями уголовного судопроизводства, принятием процессуальных решений.

В число обеспечивающих нормальный ход уголовного судопроизводства функций органов внутренних дел относятся:

- обеспечение регистрации заявлений, сообщений о совершенном преступлении;
- принятие мер к сохранению следов происшествия;
- принятие оперативно-розыскных мер для пресечения преступлений, а также для обнаружения лиц, его совершивших [2];
- проведение неотложных следственных действий по делам, по поручению следователя;
- предоставление прокурору и следователю, действующих в пределах своей компетенции, требуемые ими сведения и материалы;
- организация выполнения поручений прокурора и следователя, в том числе поручений о производстве отдельных следственных действий и применении мер защиты потерпевших, свидетелей, других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве;
- выполнение поручений суда;
- осуществление контроля за соблюдением меры пресечения, избранной следователем, прокурором, судом в отношении обвиняемого, за исключением меры пресечения в виде заключения под стражу
- принятие мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления;
- участие в качестве специалиста или эксперта по уголовным делам;

– непосредственное оказание международной правовой помощи по уголовным делам.

– розыск обвиняемого по поручению суда, прокурора, следователя и др.

Вспомогательными уголовно-процессуальными функциями органов внутренних дел являются такие направления ее деятельности, в рамках которых различными службами милиции осуществляются действия, хотя прямо и не влияющие на конечные результаты уголовного судопроизводства и движение уголовного дела, но находящиеся с ним в непосредственной связи [3, с. 107].

Из-за недостаточной законодательной урегулированности проблемы процессуальной деятельности органов внутренних дел и остающейся вследствие этого их фактической ведомственной подчиненности своим непосредственным и прямым начальникам на практике часто возникают негативные последствия в виде нарушений прав и свобод человека и гражданина в ходе их процессуальной деятельности [4, с. 232]. При этом объем процессуальных полномочий и процессуальное положение органов внутренних дел не зависят от ведомственной принадлежности последнего, они равнозначны для всех сотрудников органа дознания, правомочных либо уполномоченных начальников органа дознания осуществлять процессуальную деятельность, и определяются уголовно-процессуальным законом Кыргызской Республики. Каждый сотрудник органа внутренних дел обязан руководствоваться предписаниями законодателя о содержании и направлениях его деятельности. Его долг заключается в охране интересов государства, прав и законных интересов граждан.

С учетом международного опыта, национальный уголовный процесс нуждается в процедуре упрощенного и ускоренного производства по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, которая максимально сокращала бы промежуток времени между совершением преступления и принятием по нему соответствующего судебного решения при соблюдении законных прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Для теории и практики уголовного судопроизводства весьма актуальна в настоящее время разработка предложений по совершенствованию нормативного регулирования в УПК Кыргызской Республики вопросов процессуального статуса органов дознания в целом, и органов внутренних дел в частности.

Органы внутренних дел, как правило не подменяет другой орган дознания, к компетенции которого относится решение вопроса о возбуждении уголовного дела и производстве дознания по первичному материалу о преступлении. Но в определенных случаях, только органы внутренних дел могут принять меры по установлению и закреплению следов происшествия, охране места происшествия, принять оперативно-розыскные меры для пресечения преступлений, а также обнаружения лиц их совершивших; принимает неотложные меры в целях отыскания похищенного имущества, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств, предоставляет прокурору и следователю действующих в пределах своей компетенции, истребуемые ими сведения и материалы; организует выполнение поручения следователей и прокурора о производстве отдельных следственных действий и применения мер защиты потерпевших,

свидетелей, других лиц участвующих в судопроизводстве; выполняют поручения суда; осуществляют контроль за соблюдением меры пресечения, избранной следователем, прокурором или судом в отношении обвиняемого, за исключением меры пресечения в виде заключения под стражу [5].

Основными задачами органов внутренних дел как органа дознания является выявление, предупреждение, пресечение и расследование подследственных преступлений, а также осуществление розыска лиц скрывшихся от расследования и суда.

Правоприменительная практика показывает, что законодательство регламентирующее полномочия органов дознания по производству неотложных следственных действий еще нуждается в совершенствовании. Необходимо законодательно определить перечень неотложных следственных действий как общее правило, согласно которому органам дознания предоставлялось бы производить следственные действия по закреплению и фиксации следов преступления, которые могут оказаться неотложными в конкретном деле, так как не представляется возможным заранее определить, какое действие является неотложным в том или ином случае. В данном случае речь идет о тех следственных действиях, которые направлены на обнаружение и фиксацию доказательств по горячим следам.

После того как дело передано в следственные органы, органы дознания действует в зависимости от результата проведенного дознания. Если в процессе дознания было установлено лицо совершившее преступление, орган дознания может проводить оперативно-розыскные мероприятия или следственные действия [6].

Анализ действующего законодательства регламентирующего полномочия органов дознания позволяет сделать вывод о том, что деятельность этих органов является факультативной. Орган дознания не правомочен приостановить или прекратить дело, так как его полномочия исчерпываются производством неотложных следственных действий [7, с. 43].

То есть сущность дознания по делам, по которым следствие обязательно состоит в выполнении поручений и указаний следователя о производстве оперативно-розыскных и следственных действий, в оказании содействия следователю при производстве им отдельных следственных действий.

В контексте проводимых в государстве реформ правоохранительных органов, уголовного и уголовно-исполнительного, административного законодательства Кыргызской Республики 06 февраля 2017 года Президентом Кыргызской Республики был подписан Уголовно - процессуальный кодекс Кыргызской Республики. Данный кодекс был разработан экспертной рабочей группой в рамках деятельности направленной на реформирование судоустройства и в целях реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике» от 8 августа 2012 года № 147.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс вступит в свою законную силу 1 января 2019 года. В новом кодексе имеются существенные изменения, в отличие от действующего законодательства. Произошло реформирование стадии возбуждения уголовного дела. Данная стадия в рамках досудебного производства начинается с момента регистрации в

Едином реестре заявления (сообщения) о преступлениях и проступках. Следствие по уголовным делам и производство по делам о проступках обозначенные как «досудебное производство», рассматриваются как формы единого процесса. Все процессуальные действия могут совершаться лишь после начала уголовного производства по делу. То есть, в правоохранительных органах будет создан Единый реестр преступлений и проступков. В конечном счете, произойдет унификация органов дознания и следствия в рамках нового «досудебного производства» с параллельным расширением функций судебного контроля за деятельность органов дознания и следствия.

Определенным новшеством нового законопроекта является придание оперативно-розыскным действиям проводимых в рамках расследуемого уголовного дела процессуальной формы.

В уголовный процесс был введен новый институт «процессуальное соглашение». В настоящее время в ныне действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса имеется упрощенный порядок производства в связи с согласием обвиняемого с предъявленным обвинением. Новая редакция закона имеет три вида процессуального соглашения: процессуальное сотрудничество; соглашение о признании вины; соглашение о примирении сторон. В Разделе XI Пересмотр приговоров, определений, постановлений судов, вступивших в законную силу, в новом УПК кассационное производство отнесено к ведению Верховного суда, где дело рассматривается в составе трех судей. В Разделе XII Возобновление производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам действующего законодательства были дополнены «новыми обстоятельствами». В УПК включен новый Раздел «Особый порядок уголовного судопроизводства» который включил в себя совершенно новые институты «Особенности производства в отношении юридических лиц», «Особенности уголовного производства в отношении отдельных категорий лиц».

Также введен новый институт уголовного судопроизводства «Производство по делам о проступках» необходимый для реализации норм нового Кодекса о проступках Кыргызской Республики. В новом УПК закреплена процедура ведения производства по делам о проступках.

В новом УПК хорошо освещена состязательная модель уголовного процесса с участием присяжных заседателей. Собранным по делу доказательствам не будет придаваться заранее установленная сила. Коллегия присяжных решает вопросы самого факта, а судья определяет размер и вид наказания.

Еще одним из многочисленных новшеств является новое понятие «уведомление о подозрении». При наличии достаточных доказательств, дающих основания для подозрения лица в совершении преступления (проступка) следователь, орган дознания уведомляет лицо о подозрении в совершении преступления (проступка) и разъясняет ему права подозреваемого.

В новый Уголовно - процессуальный кодекс Кыргызской Республики вводится институт следственного судьи. Следственный судья - это судья, применяющий меры, ограничивающие права и свободы подозреваемого, обвиняемого, осуществляющий судебный контроль за законностью

процессуальных действий и решений уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора. Также введены дополнительные гарантии для подозреваемых и обвиняемых.

Вместе с тем, обозначенные проблемы свидетельствуют о том, что в настоящее время законодательство регулирующее вопросы компетенции органов внутренних дел, как органов дознания недостаточно совершенно и требует дальнейшего реформирования. Хочется надеяться на то, что оптимальные решения, направленные на совершенствование процессуальной деятельности органов внутренних дел, как органов дознания, которые нашли свое отражение во вновь принятом УПК Кыргызской Республики, разрешат проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел в сфере уголовного судопроизводства

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики введен в действие Законом Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года. № 63. В редакции Закона Кыргызской Республики от 2 июля 2013 года. № 109.
2. Закон Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 октября 1998 г. №131.
3. Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования (Общая характеристика основных элементов). – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1976. - 107 с.
4. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000. - 232 с.
5. Закон Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел» от 11 января 1994 года №1360-XII;
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики. - Б.: 2004-681.
7. Табалдиева В.Ш. Концептуальные вопросы реформирования уголовного судопроизводства Кыргызской Республики. – Б.: 2013. – 43 с.

УДК 343.9:351(575.2)(043.3)

Алымбеков Бактыбек Маданбекович
Учебно-научно-производственный комплекс
Международного университета Кыргызстана
(Бишкек, Кыргызская Республика)

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Автором в данной статье рассматриваются нравственные начала реформирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики. В этой связи автор обращается к сущности обеспечения оперативно-розыскной деятельности, ее нормативно-ценностного содержания, определения роли нравственности в оперативно - деятельности органов внутренних дел, выявлении границ допустимости применения оперативных средств, изучении возможностей нравственных факторов в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, законодательство, милиция, правоохранительные органы, органы внутренних дел.

*Alymbekov Baktybek Madanbekovich
Educational scientific industrial complex of the International university of Kyrgyzstan
(Bishkek, Kyrgyz Republic)*

MORAL BEGINNINGS OF REFORMING OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF LAW-ENFORCEMENT BODIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Summary. The author in this article considers the moral beginnings of reforming of operational search activities of law-enforcement bodies of the Kyrgyz Republic. In this regard the author addresses an entity of support of operational search activities, its normative and valuable contents, determination of a role of morality in quickly - activities of law-enforcement bodies, detection of boundaries of validity of application of operational means, a study of opportunities of moral factors in fight against crime.

Keywords: operational search activities, legislation, militia, law enforcement agencies, law-enforcement bodies.

Процесс реформирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел не может быть решен без соответствующих моральных предпосылок и условий, поскольку главная цель-создание демократического, правового государства, где защита прав каждого гражданина является его смыслом и содержанием всей деятельности.

Указом Президента Кыргызской Республики от 5 января, 2017 год объявлен Годом нравственности, воспитания и культуры. Как сказано в Указе главное богатство страны - это ее граждане. Поэтому, важнейшей задачей

государства на современном этапе в Указе Президента Кыргызской Республики определено формирование современной образовательной, культурной и образовательной информационной политики, системы воспитания с опорой на собственную историю и культуру. В целях реализации задач стратегического развития Кыргызской Республике, концентрация усилий государства и общества должна быть сосредоточена непосредственно на человеке, его духовности, нравственности и уровне культуры [1, с. 14-16]. В связи с чем, с учетом мнения общественности, были выработаны следующие рекомендации:

– координировать усилия государственных органов и общества по формированию гражданина, сочетающего в себе духовно-нравственные ценности народа Кыргызстана и современное мировоззрение;

– популяризацию позитивных примеров поведенческой и правовой культуры, взаимоуважения, взаимопомощи и гражданской солидарности.

Динамика развития общества сегодня требует от оперативных сотрудников Министерства внутренних дел не просто высокого профессионализма, но и высоких социальных качеств: моральных, государственно-правовых, организационно-управленческих, коммуникативных, что обуславливает необходимость формирования нового образа сотрудника оперативного подразделения. Все это предполагает дальнейшее совершенствование системы подготовки кадров, формирование профессионально необходимых социально-нравственных качеств будущего сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики.

Подготовка высокопрофессионального, всесторонне и гармонически развитого оперативного сотрудника МВД Кыргызской Республики должны включать в себя интеллектуальное, физическое, нравственное, эстетическое, волевое воспитание.

Под нравственным воспитанием понимается процесс последовательного расширения и укрепления ценностно - смысловой сферы личности, формирование нравственных качеств личности, способности оперативного сотрудника сознательно выстраивать и оценивать отношение к себе, другим людям, обществу, государству, окружающему миру в целом.

В процессе освоения мира формируется ценностное отношение к окружающему миру, людям, к самому себе. Важнейшими источниками нравственности являются наука, искусство, образование, религия, национальные культурные традиции.

Главной целью нравственного воспитания оперативных сотрудников органов внутренних дел должна стать «чистота совести, победа над страстями и пороками, стремление к добродетели, правдивость, честность, святость в чувствованиях и побуждениях, мудрость и решимость, важность в предприятиях, воздержанность среди изобилия, довольство среди скудости, умеренность и кротость на высочайших степенях знаменитости и славы, непоколебимое мужество и бодрость в несчастьях и опасностях и во всем течении подвигов жизни непрестанно присутствующий пред умными очами и всю душу наполняющий светлый вид бессмертия» [2, с.20].

Таким образом, нравственные качества необходимые оперативному работнику органов внутренних дел формируются и поддерживаются в процессе повседневной жизни с ее сложностями и противоречиями. Кроме

того, личность формируется под влиянием этического просвещения, в процессе которого личность получает определенную сумму знаний, ориентирующих на соблюдение моральных норм.

Оперативно-розыскная деятельность предъявляет высокие требования к способностям оперативного сотрудника. У него должны быть сформированы на достаточно высоком профессиональном уровне когнитивные, коммуникативные, организаторские и иные способности, а также необходимые для оперативной деятельности устойчивые социально обусловленные черты личности [3, с. 30]. Эмоционально-волевая сфера деятельности должны быть устойчивой по отношению к многочисленным факторам оперативно-розыскной деятельности, оказывающим отрицательное воздействие на его психику. Речь идет о формировании достаточного уровня эмоционально-волевой устойчивости, что имеет особое значение для работы в экстремальных условиях [4, с. 47-50].

Профессиональное мастерство - это комплекс свойств сотрудника, обеспечивающий высокий уровень самоорганизации профессиональной деятельности. Он представляет собой сложное психическое образование, в основе которого лежит профессионально значимые знания, навыки и умения, морально-психологические качества, обеспечивающие в совокупности успешное выполнение задач в любых условиях. Мастерство связано с такой профессиональной подготовленностью, которая позволяет наилучшим образом использовать способы и приемы, средства и психологический потенциал личности для достижения целей деятельности.

Несомненно, деятельность сотрудника органов внутренних дел носит определенно творческий характер. Законы, уставы, положения, инструкции и другие нормативные акты регламентируют их поведение при выполнении служебных задач, деятельность нередко бывает связана с ситуациями риска, выход которых требует нестандартного решения, а единственным советчиком будет мораль, нравственные качества человека.

В деятельности органов внутренних дел моральный фактор играет первостепенное значение, а нравственные качества, являются составляющими их профессиональной пригодности. Обеспечение общественного порядка и безопасности требуют в условиях реформирования органов внутренних дел от всего личного состава Министерства внутренних дел высокой боевой и психологической готовности для успешного выполнения поставленных задач.

Оперативно-розыскная деятельность как вид социально полезной деятельности вызывает в обществе неоднозначную нравственную оценку, поскольку ее содержание включает в себя некоторые элементы принуждения и властных отношений, связанных с ограничением конституционных прав и свобод. Подобное мнение может быть не совсем объективным. Закон Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» носит общий характер; подзаконные нормативно правовые акты, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность, содержат предписания поведение оперативного работника; специфичность средств и методов оперативно-розыскной деятельности внешне обуславливаются как бы присутствующее нравственное противоречие между «благой» целью и «низкими» средствами ее достижения.

Однако, при рассмотрении сущности оперативно-розыскной деятельности прослеживается специфичность данной деятельности. В тоже время вопрос о нравственных началах оперативно - розыскной деятельности является достаточно острым, что в свою очередь, обусловлено целым рядом реально существующих объективных противоречий. Так, оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел, хотя и осуществляется путем проведения преимущественно негласными методами, тем не менее, применяется только в исключительных случаях и в исключительных целях в сфере противодействия преступности, в связи с чем оперативно-розыскная деятельность должна соответствовать моральным принципам. С формально-логической позиции оперативно-розыскная деятельность, будучи предусмотрена законом, уже нравственна, поскольку закон - это высшая форма общественной морали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Атабеков К.К. Актуальные проблемы криминологической политики Кыргызстана // Российская юстиция 2017. №6 С. 14-16
2. Сохакый П.А. Слово о главной цели воспитания.- Сб.речей императорского Общества истории и древностей Российских. М.,1793. С. 1, 20.
3. Табалдиева В.Ш. Подготовка кадров для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Высшее образование сегодня 2004. №5. С. 30
4. Хрестоматия по курсу учебной дисциплины «Психология профессиональной деятельности» под общей редакцией к.п.н., доцента Наумова Б.Ю., М., 2004. С. 47-50.

УДК 343.13(575.2)(043.3)

Атабеков Кайрат Кулбакович
Кыргызско–Российский Славянский Университет
(Бишкек, Кыргызская Республика)

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН КАК СОДЕРЖАНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО ТИПА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. Судебная деятельность имела и имеет большое значение в государственном управлении. Ей всегда уделялось самое пристальное внимание. Еще мыслители древности считали, что судебная деятельность должна осуществляться на основе справедливости. В XVIII - начале XIX века были разработаны демократические основы судебной деятельности в плане ее возможностей защиты личности. В XIX-XX вв. деятельность суда рассматривалась как средство установления баланса интересов между личностью и обществом.

Вопрос о положении суда в уголовном состязательном процессе, являясь одним из наиболее дискуссионных в теории и на практике, приобрел еще большую остроту в связи с необходимостью принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, принцип состязательности, равноправие сторон, суд, баланс интересов, функции.

Atabekov Kairat Kulbakovich
Kyrgyz-Russian Slavic University
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PROCEEDINGS AND EQUALITY OF THE PARTIES AS THE CONTENTS OF THE ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS KYRGYZSTAN TYPE

Annotation. Judicial activities had and has great importance in the public administration. It has always been given the highest priority. Still thinkers of antiquity believed that the trial should be done on the basis of equity. In the 18th and early 19th century were developed the democratic foundations of judicial activity in terms of its ability to protect the identity of. In XIX-XX centuries. the Court was seen as a means of establishing a balance of interests between the individual and society. The question of the situation of the Court in a criminal adversarial process, being one of the most discussion in theory and practice, has become even more acute owing to the need to adopt a new code of criminal procedure of the Kyrgyz Republic.

Keywords: Criminal proceedings, the principle of adversarial proceedings, equality of the parties, the Court, the balance of interests, functions.

Состязательность, являясь сложным правовым явлением, также имеет свою структуру, систему признаков. Законодатель указывает на следующие из них: 1) функция обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены

друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч.2. ст.15); 2) суд не является органом преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч.3ст.15) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Несмотря на то, что реализация данных признаков имеет определенную специфику на каждой стадии уголовного судопроизводства, только те процессуальные действия (процедуры) и стадии процесса носят состязательный характер, в которых указанные выше признаки полностью включены в содержание протекающих в их рамках уголовно-процессуальных отношений.

Такое понимание принципа состязательности разделяется большинством ученых-процессуалистов [1, с. 58, с. 26, с. 74, с. 18-19].

Вместе с тем в теории уголовного процесса можно встретить и иные подходы в определении сущности и содержания принципа состязательности. Известный дореволюционный правовед А.Ф. Кони видел сущность принципа состязательности в равенстве прав сторон – прокурора, а также подсудимого и его защитника на участие в исследовании обстоятельств дела и отстаивание своих позиции перед независимым и беспристрастным судом [2, с. 18].

По мнению В.Г. Даева, «суть принципа состязательности заключается не просто в разделении функций участников судопроизводства, а в их противопоставлении, в выделении противоборствующих «состязающихся» групп, в обособлении особой функции обвинения как движущее силы процесса» [3, с. 71].

По мнению В.П. Смирнова, разделение основных процессуальных функций является главным принципом уголовного судопроизводства, а процессуальное равноправие сторон, наряду с принципом устности, гласности, непосредственности, служит обязательным атрибутом реализации состязательного начала и разрешения дела [4, с. 177].

А. Тушев полагает, что содержание принципа состязательности составляют материальные и идеальные элементы. К первым он относит: разделение функций на уголовное преследование, защитную и разрешения уголовного дела; законодательное закрепление конкретных субъектов уголовного процесса за сторонами обвинения и защиты; законодательное определение государственного органа – суда, который руководит состязанием и принимает окончательное решение по результатам этого состязания; наличие у сторон и иных субъектов процесса соответствующих прав и обязанностей, обеспечивающих соревновательные начала в их действиях; гарантии этих прав и обязанностей; предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством определенные процедуры, с помощью которых реализуется состязание (порядок заявления ходатайств, возражений, прений, обжалования и т.д.) [5, с. 33-34].

Идеальными элементами являются: наличие целей у сторон: например, у стороны обвинения основная цель – доказать виновность обвиняемого и чтобы он понес заслуженное наказание; у стороны защиты – отвергнуть незаконное обвинение, выявить смягчающие обстоятельства, чтобы наказание было назначено в строгом соответствии с законом. Существуют и промежуточные цели, зависящие от стадии уголовного процесса. Так, в стадии

предварительного расследования при рассмотрении в суде жалобы на действия следователя у прокурора и следователя цель – доказать законность и обоснованность произведенных действий, а у защитника наоборот – их незаконность; наличие конкретных интересов в исходе дела у представителей сторон – прокурора, потерпевшего, гражданского истца, подсудимого и т.д. Прокурор, основываясь на своем внутреннем убеждении достаточности собранных обвинительных доказательств, тщательной подготовке к участию в судебном разбирательстве, заинтересован в выигрыше дела. Потерпевший заинтересован в возмездии обвиняемому за совершенное в отношении него преступление, возмещении причиненного вреда. Гражданский истец заинтересован в возмещении ему причиненного ущерба. Обвиняемый, как правило, стремится избежать уголовной ответственности или понести максимально мягкое наказание и т.д. По мнению М.С. Строговича. Состязательность состоит в том, что суд рассматривает дело с участием сторон – обвинения и защиты, причем всеми правами стороны пользуется обвиняемый (подсудимый). Стороны – обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, а также гражданский истец и гражданский ответчик и их представители – наделены равными процессуальными правами для отстаивания перед судом своих требований и утверждений, для оспаривания, опровержения требований и утверждений других сторон. Функции сторон – обвинения и защиты – отделены от функции суда, который в судебном разбирательстве, не являясь стороной. Наделен руководящей и решающей ролью [6, с. 107].

По нашему мнению, уголовно-процессуальная сущность и содержание принципа состязательности охватывают те же самые элементы (наличие равноправных сторон, разделение основных процессуальных функций, наличие беспристрастного арбитра – суда, призванного разрешать возникающие процессуальные конфликты сторон). Исключение любого из указанных элементов – признаков не только сделало бы содержание рассматриваемого принципа неполным, но и поставило бы под сомнение саму возможность утверждать о его существовании. Такой вывод следует из системного подхода к анализу уголовно процессуальной сущности принципа состязательности. Как известно, любая система представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, и отсутствие одного из них ведет к разрушению всей существующей системы.

Некоторые авторы отрицательно относятся и к теории трех процессуальных функций. В середине прошлого столетия отдельные ученые указали на то, что советскому уголовному судопроизводству вообще не свойственны уголовно-процессуальные функции. Обосновывалось это тем, что функция уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела покоятся на принципе состязательности и присущи буржуазному уголовному процессу. Неприемлемость их для советского процесса связывалась с их несовместимостью и принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [7, с. 85-87]. Указанная концепция уже тогда не получила широкой поддержки и подверглась обоснованной критике со стороны большинства ученых процессуалистов. Вместе с тем некоторые современные ученые процессуалисты также полагают необоснованным выделение отдельных процессуальных функций. В

частности, по мнению В. Джатиева, в уголовном процессе нет и не может быть никакой функции обвинения. Есть лишь функции предварительного расследования преступления, правосудия и прокурорского надзора. Обвинение представляет собой обоснованное утверждение дознавателя, следователя, прокурора о виновности обвиняемого в совершении преступления, составляющее предмет внутреннего убеждения каждого из них. При этом перед обвинителем не ставится задача во что бы ни стало добиться осуждения обвиняемого [8, с. 17]. С изложенным мнением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, уголовно-процессуальный закон хотя и называет субъектов функции обвинения, тем не менее их деятельность не носит узконаправленный обвинительный характер. В частности, дознаватель, следователь, прокурор, осуществляя производство по уголовному делу, должны установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, в число которых входят и обстоятельства исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Кроме того, прокурор согласно ч.5 с.37 УПК Кыргызской Республики вправе в порядке и по основаниям, которые установлены уголовно-процессуальным законом, отказаться от осуществления уголовного преследования. Однако именно необходимость уголовного преследования обуславливает начало уголовно-процессуальных отношений. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «... без обвинения (уголовного преследования) не может быть ни защиты, ни самого уголовного дела, а следовательно, и уголовного процесса» [9, с. 77].

По мнению некоторых ученых-процессуалистов нет оснований рассматривать в качестве самостоятельной функцию разрешения уголовного дела. Так, например, Л.А. Мариупольский и Г.Р. Гольст считают, что единой и для следователя и для суда функции разрешения дела не существует. Суд, решая дело и внося приговор, осуществляет правосудие. Поэтому необходимо отказаться от понятия функция разрешения дела и признать, что в уголовном процессе существует функция правосудия, присущая суду и только суду, функция, содержание которой значительно богаче и многообразнее той, которая ныне охватывается понятием разрешения дела [10, с. 114].

С.П. Ефимичев также указывает на то, что «разрешение уголовного дела - это вообще не функция. Если так понимать функцию и относить ее только к суду, то получается, что прокурор, органы предварительного следствия и дознания функцию разрешения дела вообще не исполняют. А как тогда понимать деятельность этих органов, все их решения, связанные с возбуждением уголовных дел, с отказом в возбуждении уголовных дел, с прекращением уголовного дело реабилитирующим и не реабилитирующим основаниям? Получается, что вся эта деятельность входит в понятие выполнения функции обвинения. Это же абсурд, как абсурдно и понимание функции разрешения дела делает только судом. Суд, рассматривая уголовное дело, убеждаясь, что собранные доказательства подтверждают виновность лица, постановляют обвинительный приговор. Что это, как не выполнение функции обвинения? И наоборот, нет доказательств или их недостаточно – суд постановляет оправдательный приговор. Это иначе, как реализацию функции

защиты расценить нельзя. Следовательно, разрешение дела – это не функция. У суда есть единственная функция, она предусмотрена ст.118 Конституции КР и называется «правосудием» [11, с. 41].

П.С. Элькинд напротив, полагает, что разрешение уголовного дела является самостоятельной уголовно-процессуальной функцией, осуществлять которую уполномочен только суд, поскольку, «во –первых, ... в смысле распределения прав и обязанностей между различными участниками уголовного процесса, в смысле их правового положения функция рассмотрения и разрешения уголовного дела, как таковая, вручается только суду. Разрешение уголовных дел другими органами государства (путем их прекращения) – возможный результат осуществления других процессуальных функций (например, расследования). Рассмотрение и разрешение дела судом составляет содержание процессуальной функции, выражающий специальное назначение и компетенцию именно суда как органа осуществления правосудия. Во-вторых, только суд... вправе разрешать уголовные дела не только в направлении признания подсудимых виновными, их осуждения и назначения наказания. В третьих, только суд полномочен рассматривать и разрешать уголовные дела в судебных заседаниях, с участием сторон, при наиболее полно и последовательно выраженных демократических принципах уголовного судопроизводства (гласности, устности, непосредственности, состязательности и др.).

По нашему мнению, в качестве самостоятельной процессуальной функции следует выделять не функцию разрешения уголовного дела и не функцию правосудия, а функцию юстиции, поскольку суду отводится главная роль в обеспечении справедливости при разрешении процессуальных конфликтов сторон. При это судебно-контрольная деятельность правосудием не является, равно как и не является разрешением уголовного дела. Понятие «юстиция» является более широким по отношению к «правосудию» и «разрешению уголовного дела». Кроме того, такой подход позволит не только подчеркнуть важную роль суда в уголовном процессе, но и не будет отрицать влияния иных участников уголовно-процессуальных отношений на их возможный исход.

Современный уголовный суд – активный участник процесса доказывания во всех его аспектах (собрание, проверка и оценка доказательств), выполняющий руководящую (организационно-контрольную) роль в этой сфере уголовно-процессуальной деятельности. Однако инициатива суда в собирании и исследовании доказательств ограничена действием принципа состязательности, требующего от суда не вмешиваться в спор сторон, предоставлять им самостоятельность и сохранять нейтралитет в процессе доказывания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого – М.,1997. – С.58.; Панько Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности – Воронеж, 2000.- С.26; Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы// Законодательство. – 2001. -

- №3.- С.74.; Смирнов А.В. Состязательный процесс. – СПб., 2001. – С. 18-19.
2. Кони А.Ф. Избранные труды и речи/ Сост. И.В. Потапчук – Тула, 2000 - С. 18.
 3. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве// Правоведение. – 1974. - №1. – С.71
 4. Смирнов В.П. Разделение основных процессуальных функций и равноправие сторон – принципы уголовного процесса // Правоведение.- 1999. - №3.- С.177.
 5. Тушев А. Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе//Рос. Юстиция. – 2003. -№4. – С.33-34.
 6. Строгович М.С. О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. - 1962. - №2. – С. 107.
 7. Чельцов М.А, О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Ученые записки ВЮЗИ. – Вып.6.- М., 1958. – С. 85-87.
 8. Джатиева В. Обвинение и защита // Росс.юстиция. – 1995. - №2. – С.17.
 9. Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях// Правоведение. – 1973. - №5. – С. 77.
 10. Мариупольской Л.А., Гольст Г.Р. К вопросу о процессуальных функциях следователя // Сов.гос. и право. – 1963. - №6. - С. 114.
 - 11.Ефимичев С.П. Обеспечение прав личности, интересов общества и государства. – Приоритетная составляющая судебно-правовой реформы // Журн.рос.права. – 2001. - №11. – С. 41

УДК 343.14(575.2)(043.3)

Атабеков Кайрат Кулбакович
Кыргызско–Российский Славянский Университет
(Бишкек, Кыргызская Республика)

ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Особое положение в связи с этим занимают в уголовном судопроизводстве подозреваемый и обвиняемый, как те участники судопроизводства, в отношении которых ведется уголовное преследование, уголовно-процессуальное принуждение. Наряду с этим, деятельность органов преследования должна быть соразмерной правам и свободам человека и гражданина.

Достижение данной цели обеспечивается эффективным осуществлением уголовного преследования, состоящего в подготовке, выдвигении и обосновании обвинения - официального утверждения о совершении конкретным лицом общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, уголовное преследование, привлечение лица в качестве обвиняемого, обвиняемый, подозреваемый, органы преследования.

Atabekov Kairat Kulbakovich
Kyrgyz-Russian Slavic University
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

THE VALUE AND CONTENT OF THE INSTITUTE ATTRACT A PERSON AS AN ACCUSED IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Annotation. Criminal procedure is intended to protect the rights and legitimate interests of individuals and organizations, victims of crimes. The special situation in this regard, in criminal proceedings, the suspect and the accused as participants in the proceedings under criminal prosecution, criminal coercion. Along with this, the activity of persecution should be commensurate with human and civil rights and freedoms.

Keywords: Criminal proceedings, criminal prosecution, engaging person as an accused, suspect, accused authorities of harassment.

Современное состояние кыргызского уголовного судопроизводства о привлечении лица в качестве обвиняемого – результат исторического развития не только правовых норм, регламентирующих порядок привлечения лица к ответственности за совершенное преступление, но и уголовно-процессуальной науки. Каждый исторический период характеризовался своими особенностями политического устройства государства, что,

безусловно, отражалось на состоянии уголовно-процессуального законодательства государства, многие нормы которого, дойдя до наших дней, претерпели значительные преобразования.

Статья 24 Конституции Кыргызской Республики гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность. Это положение Конституции КР полностью соответствует ст. 9 Всеобщей Декларации прав человека [1, с. 6-12], ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах [2, с. 44-49], являющихся правовым фундаментом соблюдения основных прав, свобод человека и гражданина в обществе, в том числе сфере уголовного судопроизводства.

В свою очередь Уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики (гл. 26 УПК КР) привлечение лица в качестве обвиняемого относит к наиболее значимым актам государственной власти в уголовном судопроизводстве, тесным образом связанного с ограничением конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Отдельные авторы рассматривают сущность привлечения в качестве обвиняемого в достаточности собранных доказательств. По мнению российского ученого Н.А. Громова, сущность привлечения лица в качестве обвиняемого состоит в наличии собранных по делу доказательств относительно того, что преступление совершено определенным лицом и на основании сведений о фактах, оно привлекается в качестве обвиняемого [3, с. 315]. Ю.В. Францифоров утверждает, что «Привлечение в качестве обвиняемого - это сложное процессуальное действие, осуществляемое следователем при наличии достаточных доказательств, подтверждающих причастность лица к совершенному преступлению». По мнению Р.Г. Сердечной, сущность привлечения лица в качестве обвиняемого состоит в том, что при доказанности обстоятельств, содержащих признаки состава преступления, установлении события преступления, виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого преступления и отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу, лицо привлекается в качестве обвиняемого [4, с. 29].

По мнению А.П. Рыжакова сущность данного понятия определена «его назначением и местом данного этапа в уголовном процессе – решить вопрос о привлечении лица в качестве обвиняемого и оформить это постановлением» [5, с. 367]. По мнению А.А. Орловой привлечение лица в качестве обвиняемого – это один из важнейших центральных этапов стадии предварительного расследования, «совокупность действий специально уполномоченного должностного лица, направленных на раскрытие преступления, непосредственно связанных с решением о привлечении лица к уголовной ответственности, принятым на основании и в строгом соответствии с законом» [6, с. 179]. В.Ш. Харчикова рассматривает привлечение в качестве обвиняемого как этап формирования обвинения на стадии предварительного расследования. По ее мнению сущность привлечения в качестве обвиняемого в том, что это качественный скачок в формировании обвинения, когда оно от утверждения о наличии события преступления переходит в утверждение о виновности отдельного лица в совершении преступления [7, с. 68], при этом автор возбуждение уголовного дела считает первоначальным обвинением.

А.И. Трусов определил привлечение в качестве обвиняемого как «предварительное определение содержания уголовно-правового спора между государством в лице конкретных представляющих его органов и гражданином (обвиняемым) о праве государства на привлечение обвиняемого к уголовной ответственности» [8, с. 230].

По мнению С.П. Серебровой «привлечение в качестве обвиняемого - это урегулированная УПК деятельность лица, в производстве которого находится уголовное дело, по осуществлению совокупности строго следующих друг за другом процессуальных действий и констатации совершения преступления другим лицом» [9, с. 404]. Б.И. Сазонов указывает, что привлечение в качестве обвиняемого «есть начало реализации принадлежащего государству «права обвинения» - права требовать признания совершившего преступление виновным с тем, чтобы обоснованно и в соответствии с судебным решением справедливо его наказать» [10, с. 404]. В своей работе Р.Г. Сердечная, помимо вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предъявления обвинения и допроса обвиняемого, ссылаясь на важность норм по организации вызова обвиняемого, обеспечении участия защитника, разъяснении прав обвиняемого, а также изменении и дополнении обвинения, предлагает семичленную структуру института привлечения в качестве обвиняемого [11, с. 19-20].

С.П. Ефимичев это определение дополняет требованием о допросе обвиняемого [12, с. 16]. Наиболее верной нам представляется позиция Л. М. Карнеевой, подразумевающей под привлечением в качестве обвиняемого не только вынесение следователем мотивированного постановления, но и предъявление этого постановления лицу, привлекаемому в качестве обвиняемого [13, с. 310].

Таким образом, анализ вышеуказанных мнений позволяет нам сделать вывод о том, что каждый автор, определяя сущность привлечения в качестве обвиняемого в той или иной степени прав, и каждый из них имеет право на существование.

О сущности и значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого В.К. Случевский применительно к Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. отмечал «... обнаружение виновного, составляя желанную, но не главную цель производимого до возбуждения преследования дознания, вводится в состав главной цели, преследуемой предварительным следствием. Около личности обвиняемого сосредоточивается интерес всего предварительного следствия. Процессуальный момент привлечения его к делу, допрос его и предъявление следственного производства являются существенными и необходимыми частями достигшего своей цели предварительного следствия» [14, с. 287].

Подытоживая сказанное о сущности привлечения в качестве обвиняемого можно прийти к выводу о том, что привлечение в качестве обвиняемого - это центральный этап уголовного судопроизводства, который сводится к тому, что при наличии достаточных доказательств (достаточность которых определяется внутренним убеждением лица, производящего производство по делу) выдвигается первоначальное обвинение в отношении лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние.

Основываясь на проведенном анализе теоретической литературы, законодательства, а также обобщении правоприменительной практики следственных подразделений ОВД Кыргызской Республики, следует отметить, что привлечение лица в качестве обвиняемого является важным этапом стадии производства следствия, ключевой элемент которого заключается в своевременном вынесении мотивированного постановления.

С момента привлечения лица в качестве обвиняемого расширяются полномочия следователя на применение мер уголовно-процессуального принуждения.

Необоснованное затягивание вопроса предъявления обвинения может иметь негативные последствия: будет ограничено право обвиняемого на защиту; оно лишит следователя возможности активных действий по собиранию доказательств, применению мер уголовно-процессуального принуждения и выполнению других задач уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г. // Права человека: сб. межд. документов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 6-12.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Права человека: сб. межд. документов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1986. – С. 44-49.
3. Громов А.Н. Уголовный процесс России. - М. 1998. С. 315.
4. Сердечная Р.Г. Привлечение в качестве обвиняемого и осуществление принципов уголовного процесса. Дисс. канд. юрид. наук. - Волгоград. 1999. С. 29.
5. Рыжаков А.П. Уголовный процесс. - М. 2003. С. 367.
6. Орлова А.А. Процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого // Уголовный процесс. Сборник учебных пособий. Вып. 2. - М., 2002. С. 179.
7. Харчикова В.Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России: Дисс. ...канд. юрид. наук. - Кемерово, 2004. С. 68
8. Трусов А.И. предъявление обвинения и допрос обвиняемого// Уголовный процесс./ Под ред. К.Ф. Гуценко. - М., 1998. С. 230.
9. Сереброва С.П. Привлечение в качестве обвиняемого // Уголовный процесс России. / Под ред. В.Т. Томина. - М., 2003. С. 404.
10. Сазонов Б.И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ Под общ. ред. В.И. Радченко. - М., 203. С. 404.
11. Сердечная Р.Г. Привлечение в качестве обвиняемого и осуществление принципов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 19-20.
12. Ефимичев С.П. Предварительное расследование и его роль в реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Л., 1987. С. 16.
13. Карнеева Л.М. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого. Советский уголовный процесс / Под ред. В.С. Бородина. М., 1982. С. 310.
14. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Часть 2. Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. - М., 2008. С. 287.

УДК: 343.23 (575.2) (043.3)

Исабеков Айбек Арстанбекович
Главное управления государственной службы специализированной
охраны Министерства внутренних дел Кыргызской Республики
(Бишкек, Кыргызская Республика)

ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *Расследование и рассмотрение судами уголовных дел в большинстве случаев сопровождается применением в отношении определенной категории лиц мер принудительного характера. Эти меры существенно ограничивают права и законные интересы личности, однако без их применения невозможно осуществление уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим важное теоретическое и практическое значение приобретает исследование вопросов о понятии и сущности мер пресечения, целях их применения и значении для решения задач уголовного судопроизводства, о действенности процессуальных средств, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовный процесс. Автор в своей работе анализирует одну их таких мер как подписка о невыезде.*

Ключевые слова. *Подписка о невыезде, мера пресечения, уголовное преследование, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное принуждение, меры принудительного характера.*

Isabekov Aibek Arstanbekovich
Main Department for State service of specialized
Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

RECOGNIZANCE NOT TO LEAVE AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Annotation. *Investigation and consideration of criminal cases by the courts in most cases accompanied by the use of certain categories of persons in respect of measures of a coercive nature. These measures greatly restrict the rights and legitimate interests of the person, but without their use impossible the implementation of the criminal procedure. In this regard, an important theoretical and practical significance of the study on the concept and nature of preventive measures for their application and significance for the decision of tasks of criminal proceedings, on the efficiency of the procedural means, to ensure respect for the rights and legitimate interests of citizens involved in criminal proceedings. In his work the author analyses one such measures as a recognizance not to leave.*

Keywords. *Recognizance not to leave, penalty, prosecution, criminal procedure, criminal coercion, coercive measures.*

Мерами пресечения в уголовном судопроизводстве называются установленные законом меры государственного (процессуального)

принуждения, с помощью которых путем ограничения личных прав и личной свободы обвиняемого, получения имущественных гарантий, личного или общественного поручительства, а также наблюдения за обвиняемым устраняется для последнего возможности скрыться от следствия, суда, отлучаться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения, предупреждается, пресекается, нейтрализуется и устраняется неправомерное противодействие со стороны обвиняемого установлению по делу истины, обеспечиваются его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременная явка по вызовам органов расследования, прокурора, суда, а также исполнение приговора [1, с. 19].

В УПК Кыргызской Республики понятие мер пресечения дано в ст.101, где сказано, что мерами пресечения являются принудительные меры, применяемые только к обвиняемому для предотвращения его ненадлежащего поведения в ходе производства следствия и разбирательства по уголовному делу и обеспечения исполнения приговора.

В ст.102 УПК говорится, что следователь и суд в пределах своих полномочий вправе применить одну из мер пресечения при наличии следующих достаточных оснований:

- 1) обвиняемый или подсудимый скроется от следствия или суда;
- 2) воспрепятствует установлению истины по уголовному делу;
- 3) будет заниматься преступной деятельностью;
- 4) в целях обеспечения исполнения приговора.

При разрешении вопроса о необходимости применить меру пресечения определении ее вида следователь, суд учитывают помимо обстоятельств, указанных в ст. 102 УПК, также тяжесть предъявленного обвинения, личность обвиняемого, подсудимого, род их занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (ст.103 УПК).

Избранная мера пресечения должна быть соразмерна тем целям, которые ставятся при избрании меры пресечения конкретному обвиняемому. Поэтому закон дает возможность выбора мер пресечения, указывая их виды от менее к более строгим.

О применении меры пресечения следователь, судья выносят мотивированное постановление, а суд — мотивированное определение. В этом постановлении (определении) указываются фамилия, имя и отчество, год и место рождения обвиняемого, подсудимого, сущность обвинения, статья уголовного закона, по которой предъявлено обвинение, вид избранной меры пресечения и ее основания.

Постановление следователя об избрании меры пресечения объявляется обвиняемому под роспись, копия - направляется прокурору.

Меры пресечения, как отмечено выше, по своему содержанию обладают принудительными свойствами, поскольку они удерживают обвиняемого в определенных рамках, ограничивают его личную свободу, свободу передвижения и занятий, а в случае залога ограничивают и имущественные права. В этой связи при выборе и применении меры пресечения данные обстоятельства следует учитывать, стремиться к тому, чтобы мера пресечения если и причиняла обвиняемому вред, то минимальный, тем более следует исключить из практики произвол со стороны

следователей, прокуроров, судей, нередко оправдывающих использование мер пресечения не подкрепленными конкретными доказательствами, соображениями необходимости, целесообразности, допускающих неоправданное предпочтение публичных интересов уголовного процесса и ведомства частных граждан, их правам и свободам.

Конституцией КР гарантируются права, законные интересы и личная свобода граждан. Допускаемое законодательством применение мер пресечения всегда связано со стеснением личных прав и ограничениями личной свободы обвиняемых, поэтому органам следствия, прокурорам, судам необходимо всегда неукоснительно соблюдать требования закона, устанавливающие основания, условия и порядок применения мер пресечения, постоянно заботиться о соблюдении процессуальных и иных гарантий личности, попавшей в орбиту уголовного судопроизводства.

Весьма распространенными в уголовно-процессуальной теории является следующее суждение: «Любая процессуальная обязанность может быть осуществлена под принуждением, если субъект не выполняет ее добровольно» [2, с. 4].

Меры пресечения значительным образом стесняют права личности, некоторые из них граничат с мерами уголовного наказания. И, тем не менее, нельзя утверждать, что меры пресечения – это меры уголовного наказания. Во-первых, различны цели мер пресечения и мер уголовного наказания. Цели мер уголовного наказания – это применение кары за совершенное преступление, исправление и перевоспитание осужденных. Меры пресечения не являются карой или средством перевоспитания обвиняемого за совершенное преступление. В отличие от мер уголовного наказания, назначаемых за уже совершенное общественно опасное деяние, в порядке возмещения вреда, причиненного этим деянием, меры пресечения носят охранительный характер, они применяются для предупреждения ожидаемой опасности, возможного противоправного поведения обвиняемого.

Во-вторых, меры уголовного наказания применяются к осужденным, т.е. к тем лицам, которые призваны виновными в совершении преступлений вступившими в законную силу приговорами судов. В отличие от этого меры пресечения применяются не к тем, кто уже осужден и признан виновным, вступившим в законную силу приговором суда, а к обвиняемым, которые могут быть впоследствии признаны и невиновными.

В-третьих, меры пресечения могут быть применены не только судом, но и другими органами уголовного судопроизводства: следователем, прокурором.

В-четвертых, применение судом уголовного наказания порождает для гражданина такие негативные последствия, как признание его судимым. Применение мер пресечения подобными юридическими последствиями не сопровождается.

УПК Кыргызстана предусматривает следующие виды мер пресечения: подписка о невыезде (ст. 105); личное поручительство (ст.106); наблюдение командования воинской части за военнослужащими (ст.107); передача несовершеннолетнего под присмотр (ст.108); залог (ст.109); домашний арест (109 – 1); заключение под стражу (ст.110-114);

В качестве элементов процессуальной характеристики каждой меры пресечения являются: понятие, сущность, значение, цели данной меры

пресечения, соотношение с другими; общие, особенные и в необходимых случаях единичные основания и порядок ее избрания, изменения, отмены; пределы правомерного применения и использования; временные пределы юридической силы; особенности процессуального документирования; права и обязанности субъектов правоотношений, содержание правоотношений при применении меры пресечения; исполнение решения о мере пресечения, преследующее реализацию исключительно уголовно-процессуальных целей; обязанности органов следствия и соответствующих структур правоохранительных органов содействовать реализации процессуальных решений о мере пресечения.

С учетом различных степеней эффективности мер пресечения, предусмотренных действующим законодательством, следует полагать, что все они обладают достаточным потенциалом для решения стоящих перед ними целей, но с условием определенной модернизации законодательства о их применении.

В зависимости от субъекта, к которому применяются меры пресечения, все они могут быть подразделены на две группы: общие меры пресечения, которые могут быть применены к обвиняемым без учета того, наделены или не наделены они уголовно-процессуальным законом специфическим уголовно-процессуальным статусом; специальные меры пресечения, которые могут быть применены к строго определенному в законе кругу обвиняемых, обладающих специальным уголовно-процессуальным статусом. Во втором случае имеются в виду такие меры пресечения, как наблюдение командования воинской части, заключение под стражу и отдача несовершеннолетнего под присмотр. Наблюдение командования воинской части как мера пресечения применяется к специальному субъекту уголовного процесса – к обвиняемому (подозреваемому), являющемуся военнослужащим. Отдача несовершеннолетнего под присмотр как мера пресечения применяется также к специальному субъекту уголовного процесса – к подозреваемому и обвиняемому, являющемуся несовершеннолетним на момент принятия решения о применении к нему меры пресечения. Остальные меры пресечения являются общими, они могут применяться к любому обвиняемому при наличии к тому оснований, в том числе к военнослужащим и несовершеннолетним.

Подписка о невыезде является одной из наиболее распространенных мер пресечения в практике расследования и судебного разбирательства уголовных дел [3, с. 78].

Подписка о невыезде состоит в письменном обязательстве обвиняемого, подсудимого:

- 1) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения следователя, суда;
- 2) не препятствовать объективному ведению следствия и разбирательству дела в суде;
- 3) в назначенный срок являться по вызову (ст. 105 УПК). Местом временного нахождения лица будет пункт его пребывания вне постоянного места жительства (нахождение в длительной командировке, на учебе, лечении и т. д.).

Это мера пресечения может быть применена в отношении обвиняемого, подсудимого при отсутствии оснований опасаться, что, оставаясь на свободе, он скроется от органов, ведущих следствие, суда или воспрепятствует установлению истины. В самой подписке указывается место жительства или временного пребывания, с которого обвиняемый не может отлучаться без разрешения.

Нарушение подписки может при определенных условиях повлечь более строгую меру пресечения, о чем обвиняемый, подсудимый ставится в известность.

Подписка о невыезде — одна из наиболее часто применяемых мер пресечения.

Подписку о невыезде следует отличать от обязательства о явке к следователю или в суд, которое мерой пресечения не является, а заключается лишь в обязательстве обвиняемого являться по вызову и сообщать о перемене места жительства.

Статья 105 УПК КР не называет место жительства обвиняемого постоянным. Как место временного нахождения, так и место жительства могут быть не постоянными, а переменными, меняющимися в зависимости от ряда условий (трудности с жильем, например). Поэтому не имеет значения, располагает или не располагает обвиняемый постоянным местом жительства или у него место жительства переменное, мера пресечения может применяться к нему.

Подписка о невыезде как мера пресечения носит характер психического принуждения, так как ее нарушение, как это предусмотрено в ст. 105 УПК КР, может повлечь применение к обвиняемому более строгой меры пресечения.

Что является основанием и целью для избрания в качестве меры пресечения подписки о невыезде, в ст.105 УПК КР указаний на этот счет нет. Это позволяет многочисленным авторам полагать, что основания и цели для применения мер пресечения, установленные ст.102 УПК, лишь в отдельной их части являются таковыми и для применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде.

Так, авторы комментариев к УПК утверждают: «Подписка о невыезде может обеспечить лишь неуклонение обвиняемого от следствия и суда» [4, с. 203]. «Других целей она не предусматривает, и ее предупредительные возможности ограничены» [5, с. 8]. «Применением подписки о невыезде можно обеспечить лишь неуклонение обвиняемого от органов расследования и суда и нахождение его в определенном месте» [6, с. 89].

Следует согласиться с мнением В.А. Михайлова, который считает, что «Подписку о невыезде как меру пресечения правомерно и целесообразно применять в тех ситуациях, когда с учетом характера совершенного обвиняемым преступления и его личности, рода его занятий, возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств, установленных материалами уголовного дела, отобранное у обвиняемого обязательство не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения органа или лица в производстве которого находится уголовное дело, обладает реальной способностью упредить, пресечь возможности скрыться от следствия и суда; воспрепятствовать установлению

истины по уголовному делу; заниматься преступной деятельностью, уклоняться от исполнения приговора» [7, с. 67-68].

Итак, подписка о невыезде применяется в случаях, когда необходимо обеспечить присутствие обвиняемого в месте производства по уголовному делу при наличии оснований полагать, что он намерен отлучиться или отлучаться с места жительства или временного нахождения. Применением данной меры пресечения ограничивается свобода передвижения обвиняемого путем установления запрета отлучаться без разрешения органа следствия или суда. При этом подписка о невыезде обеспечивает не только нахождение обвиняемого в определенном месте и неуклонение от органов следствия и суда, но также его неуклонение от исполнения приговора, гарантируется этой мерой пресечения отчасти и в целом нормальный ход уголовного процесса, установление по делу истины за счет своевременной явки обвиняемого по вызовам, обеспечиваемой безотлучным нахождением его в месте жительства или временного пребывания. Помимо этого, подписка о невыезде предупреждает, пресекает возможности занятия обвиняемым преступной деятельностью, когда она связана с его отлучками с места жительства или временного нахождения. Под страхом применения более строгой меры пресечения подписка о невыезде призвана предупреждать совершение обвиняемым и других преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М., 1996 стр. 19.
2. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М., 1985 С. 4
3. Михайлов В.А. Уголовно – процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. - М., 1997. С. 78.
4. Научно-практический комментарий к УПК Кыргызской Республики – Бишкек., 2008 с. 203
5. Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного следствия). – Уфа, 1988. С. 8.
6. Браинин М.С. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе. – Свердловск. 1963. С. 89.
7. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. – М., 1996 С. 67 - 68.

УДК: 343.13:343.9(575.2) (043.3)

Исабеков Айбек Арстанбекович
Главное управления государственной службы специализированной
охраны Министерства внутренних дел Кыргызской Республики
(Бишкек, Кыргызская Республика)

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. Государственное принуждение по своему характеру и целям применения разнообразно. Оно может выступать и выступает не только в виде мер уголовно-правового, гражданско-правового, административного, дисциплинарного воздействия. Разновидностью государственного принуждения является уголовно-процессуальное принуждение. Последнее представляет собой совокупность всех предусматриваемых нормами уголовно-процессуального права мер принудительного воздействия, призванных обеспечить исполнение обязанностей участниками процесса в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел и надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства.

Ключевые слова. Меры процессуального принуждения, меры пресечения, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовная ответственность, уголовно-процессуальная ответственность.

Isabekov Aibek Arstanbekovich
Main Department for State service of specialized
Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

PREVENTIVE MEASURES IN A SYSTEM OF COERCIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS KYRGYZSTAN

Annotation. State coercion in nature and purposes of use. It can serve not only as measures of criminal law, civil law, administrative discipline. Kind of government coercion is coercing a criminal procedure. Last is a collection of all the envisaged rules of criminal procedural law enforcement measures, to implement the responsibilities of stakeholders in the course of the investigation and trial criminal cases and proper fulfilment of the tasks of the criminal proceedings.

Keywords. Coercive measures, preventive measures, criminal procedure, criminal procedure, criminal liability, the liability of criminal procedure.

Меры процессуального принуждения присущи уголовному процессу любого типа государства. Без них невозможно осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Однако действительное назначение мер процессуального принуждения, степень и характер выраженного в них принуждения и сфера применения принуждения определяются классовой природой государства. Тюрьмы и принудительные учреждения всякого иного рода есть вещественные придатки публичной власти, составляющей главный

признак государства. И то, как и в каких целях, публичная власть использует имеющиеся в ее распоряжении принудительные средства, зависит от сущности государства.

Если в уголовном процессе меры процессуального принуждения предусматриваются и применяются исключительно в интересах правосудия, то есть по своему прямому назначению, то это есть неукоснительное соблюдение законности, прав и свобод граждан.

Реальное обеспечение и все более широкое использование прав и свобод граждан демократических государств на современном этапе представляет собой одну из главных закономерностей развития, присущих всем странам, вступившим на путь построения и усовершенствования демократического общества. В демократическом государстве, где законы выражают волю народа, уголовный процесс поставлен на службу интересам всего общества. Он гарантирует защиту прав и законных интересов каждого гражданина от посягательств со стороны преступных элементов. Меры процессуального принуждения, хотя и связаны с определенным стеснением прав личности, которые направлены на обеспечение интересов общества, которые соответствуют законным интересам всех его членов.

Меры процессуального принуждения в уголовном процессе используются в силу необходимости, в строго определенных целях, в полном соответствии с законом. Они применяются только для устранения препятствий, возникающих на пути осуществления правосудия, в целях всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, обеспечения надлежащего выполнения задач уголовного судопроизводства.

Применение каждой меры процессуального принуждения всегда в итоге преследует цель — обеспечить быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновного, правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

На достижение результатов, имеющих значение для выполнения задач уголовного судопроизводства, направлено любое уголовно-процессуальное действие. И в этом отношении меры процессуального принуждения не составляют исключения. Но помимо этого они еще и обеспечивают возможность использования других процессуальных средств и получения при этом соответствующих результатов. Так, привод обеспечивает возможность производства допроса, экспертизы. Освидетельствование способствует получению сведений о наличии или отсутствии на теле обвиняемого и других лиц, особых примет или следов преступления и т. д.

Уголовно-процессуальное принуждение призвано способствовать также решению профилактических задач при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел» [1, с. 193].

Меры пресечения — это один из институтов превентивных мер принуждения, который регламентирован главой 12 УПК Кыргызской Республики. Меры пресечения представляют собой способ обеспечения деятельности правосудия в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Меры уголовно-процессуального пресечения составляют значительную часть мер уголовно-процессуального принуждения, и их

применение всегда связано со значительным ущемлением прав и свобод определенных категорий лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Будучи мерами уголовно-процессуального принуждения, они применяются исключительно в рамках уголовного процесса в отношении обвиняемого в совершении уголовно-наказуемого деяния, подсудимого при наличии условий и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, при применении института мер пресечения необходимо руководствоваться положениями Конституции Кыргызской Республики. Меры пресечения применяются также с учетом общепризнанных и ратифицированных Кыргызской Республикой норм международно-правовых актов, в которых закреплены принципы уважения чести и достоинства личности, право на личную свободу и иные гражданские права и свободы человека.

Меры пресечения имеют личностный, персонализированный характер. Они представляют собой ограничение личной свободы обвиняемого. Степень ограничения прав лица зависит от основательности опасений, ненадлежащего поведения обвиняемого.

В соответствии со ст. 16 Конституции Кыргызской Республики права и свободы человека являются высшей ценностью. Кыргызская Республика уважает и обеспечивает всем лицам, находящимся в пределах ее территории и под ее юрисдикцией, права и свободы человека. Данное положение имеет универсальное значение, определяет главные черты статуса всех членов общества, их можно определить как признаваемые, гарантируемые и охраняемые государством исходные начала, лежащие в основе осуществления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в обществе и государстве.

Меры пресечения – система специальных мер уголовно-правового принуждения, которые обладают всеми его признаками: принудительностью, превентивностью, факультативностью и срочностью (они носят временный характер). Меры пресечения, вопреки утверждениям некоторых ученых-процессуалистов, обладают свойством принудительности независимо от того, соответствует ли применение таковых мер желаниям и интересам лиц, подозреваемых в совершении преступления. Почти любая форма уголовно-процессуального принуждения всегда влечет за собой то или иное ограничение личной свободы граждан (свободы воли, неприкосновенности, передвижения).

Законное, обоснованное и целесообразное решение о применении меры пресечения эффективно содействует быстрому и полному раскрытию преступлений, предупреждению совершения других общественно опасных деяний, обеспечивает неотвратимость ответственности за содеянное.

Многие исследователи считают, что данный вопрос в правоприменительной практике должен рассматриваться таким образом, чтобы применение мер пресечения в интересах уголовного судопроизводства осуществлялось с одновременным максимальным гарантированием прав и законных интересов личности и других участников уголовного процесса. Мы считаем, что при применении мер пресечения права, свободы и законные интересы личности страдают весьма существенно, особенно когда в качестве меры пресечения избирается заключение под стражу.

Обеспечивая выполнение задач уголовного судопроизводства, меры пресечения, вместе с тем с очевидностью ограничивают права и реализацию законных интересов обвиняемых. Возникает коллизия: ведь на практику применения указанных мер действует презумпция невиновности. Полностью снять эту коллизию не удается и здесь, по существу, в своеобразной форме реализуется материально-правовой принцип крайней необходимости: причиняется меньшее зло для того, чтобы предотвратить возможность большего зла. Вместе с тем, частичную нейтрализацию ущерба личных и имущественных прав закон предусматривает, например, зачет времени заключения под стражу в срок отбытия наказания; восстановление нарушенных прав и интересов в случае признания уголовного преследования необоснованным. По нашему мнению вред, причиненный мерами пресечения, непоправим и не вознаграждаем, даже если невиновный обвиняемый и будет впоследствии реабилитирован.

Между тем, далеко не всегда принуждение способно обеспечить эффективное исполнение обвиняемым возложенных на него процессуальных обязанностей поскольку обвиняемые нередко уклоняются от исполнения обязанностей, в порядке протеста на некорректные, а порой грубые и нарушающие их права и законные интересы действия и решения органов уголовного судопроизводства, либо потому, что не считают себя обязанными следовать требованиям, предъявляемым к ним в связи с применением мер уголовно-процессуального принуждения.

Субъекты, обеспечивающие права и законные интересы личности, то есть следователь, прокурор, судья, должны быть внимательными к личности обвиняемого, применять к нему меры уголовно-процессуального пресечения лишь в тех случаях, когда основания для этого объективно существуют, и когда с помощью убеждения достичь целей уголовного судопроизводства, не представляется возможным. Они призваны охранять права обвиняемых, которые им гарантированы законом.

Институт мер уголовно-процессуального пресечения представляет собой элемент механизма обеспечения деятельности правосудия в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и подозреваемых в совершении преступления.

На сегодняшний день уголовно-процессуальный закон не содержит понятия мер пресечения. Данное понятие разрабатывается различными учеными-процессуалистами в рамках теории уголовно-процессуального права. Большое количество понятий и определений мер пресечения объясняется тем, что каждый автор акцентирует внимание на тех аспектах, которые на его взгляд, являются определяющими.

Наука уголовного процесса определяет меры пресечения как составную часть мер уголовно-процессуального принуждения. Однако, по мнению А.Д. Бурякова, меры пресечения носят неоднородный характер принуждения, следовательно, необходимо определять меры пресечения как систему предусмотренных законом мер процессуального принуждения и морального воздействия [2, с. 9].

Полагаем, что для наиболее четкого уяснения сущности каждого из рассматриваемых понятий, их необходимо систематизировать в зависимости от элементов и признаков, на которых основывается каждый из авторов.

Большинство авторов считают, что меры пресечения - это принудительные меры, средства, либо воздействие, применяемое в целях успешного осуществления задач уголовного судопроизводства. Данной точки зрения придерживается профессор М.С. Строгович, указывая, что «мерами пресечения называются установленные законом принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого в целях предотвращения для обвиняемого возможности: скрыться от дознания, предварительного следствия и суда; воспрепятствовать установлению истины по делу; продолжать совершение преступления» [3, с. 273]. Полагаем, что данное определение меры пресечения в полном объеме может быть отнесено только к мерам пресечения, связанным с лишением или ограничением свободы. Например, избирая такие меры, как залог и личное поручительство, государственные органы, не ограничивая свободы лица, к которому она применена, обеспечивают его надлежащее поведение путем материального или морально-психологического принуждения.

Мерами пресечения, считает П.М. Давыдов - выступают, принудительные меры, применяемые органами расследования, прокуратуры и суда в порядке, установленном уголовно-процессуальным правом, к подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и осужденным в целях предупреждения уклонения от следствия и суда и отбытия наказания, а также устранению препятствий раскрытия истины и общественной опасности нахождения этих лиц на свободе [4, с. 67].

И.Л. Петрухин дает следующее определение: меры пресечения – это способы принудительного воздействия на обвиняемого, а в исключительных случаях на подозреваемого, с тем, чтобы не допустить такого их поведения, которое бы препятствовало достижению задач уголовного судопроизводства [5, с. 3].

Мы полностью согласны с мнением профессора Петрухина И.Л., так как с помощью меры пресечения обеспечивается личное участие обвиняемого в судопроизводстве, его неуклонение от уголовного преследования, применение к нему мер наказания и взыскание с него материального ущерба за причиненный преступлением имущественный вред, а также меры пресечения выступают как меры безопасности, ограждающие иных участников уголовного судопроизводства от реального или возможного незаконного воздействия на них со стороны подозреваемых и обвиняемых, стремящихся избежать уголовной ответственности и наказания.

Характеризуя сущность мер пресечения в соответствии с УПК Кыргызской Республики, необходимо отметить, что они оказывают на обвиняемого моральное воздействие; оказывают превентивное воздействие не только на обвиняемых, но и на других участников процесса и в целом на граждан; это меры принудительные, они применяются вопреки воле и желанию обвиняемых, направлены на подавление воли и желаний, воздержаться, не совершать установленных законом деяний, либо, напротив, заставить обвиняемых совершать предусмотренные законом действия; и в конечном итоге оказывают на обвиняемых психологическое, физическое или материальное воздействие в целях обеспечения с их стороны надлежащего поведения при производстве по уголовному делу.

В теории уголовного процесса существуют различные критерии классификации мер пресечения. Классифицировать их можно по тем или иным основаниям, что дает возможность более глубоко проанализировать их сходство и различия.

Все меры пресечения можно разделить на две группы в зависимости от круга лиц, к которым они могут быть применены: общие меры пресечения, которые могут быть применены к любому обвиняемому, и специальные, применяемые к отдельным субъектам (военнослужащим или лицам, проходящим военные сборы, а также к несовершеннолетним). Общие меры – это подписка о невыезде, личное поручительство, залог, домашний арест, заключение под стражу; специальные – передача под наблюдение командования воинской части, передача несовершеннолетнего под присмотр родителей или лиц, и организаций их заменяющих.

На основании вышесказанного мы считаем, что меры пресечения, являясь составной частью мер принуждения, обеспечивают выполнение задач уголовного судопроизводства. Институт мер пресечения призван, с одной стороны, обеспечивать эффективное осуществление уголовного процесса, чтобы гарантировать надлежащее поведение обвиняемого (подсудимого) и его явку по вызовам в орган уголовного преследования и в суд, и с другой стороны обеспечивать гарантированные конституцией законные права и интересы обвиняемого (подсудимого). При этом необходимым условием применения мер пресечения являются их законность и обоснованность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлов, В.А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / В.А. Михайлов. - М.: Инс-т защиты предпринимателя, 1997. – 193 с.
2. Буряков, А.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Д. Буряков. - М., 1967. - С. 9
3. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1/ М.С. Строгович. - М., 1968. – С. 273
4. Давыдов П.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.М. Давыдов. - Л., 1953. – 67 с.
5. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. – М., 1985. – С. 3

УДК 344.135:340.132.626(478)

Pavliuc Ghenadie Iosif
Judecătoria Chişinău
(Chişinău, Republica Moldova)

CU PRIVIRE LA UNELE PROBLEME CARE APAR ÎN PRACTICA DE APLICARE A ART. 369 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA

Adnotare. În articol sunt analizate cele mai acute probleme legate de practica aplicării răspunderii penale pentru încălcarea regulilor statutare cu privire la relațiile dintre militari dacă între ei nu există raporturi de subordonare (art. 369 din Codul penal al Republicii Moldova). Se acordă atenție unor aspecte precum: stabilirea formei de vinovăție și a motivului infracțiunii examinate; cauzarea vătămării grave a integrității corporale sau a sănătății în contextul încălcării regulilor statutare cu privire la relațiile dintre militari dacă între ei nu există raporturi de subordonare; delimitarea concursului de infracțiuni de infracțiunea unică prelungită.

Cuvinte-cheie: încălcarea regulilor statutare; vinovăție; motiv; violență; cauzarea vătămării grave a integrității corporale sau a sănătății; concursul de infracțiuni; infracțiunea unică prelungită.

Павлюк Геннадий Йосифович
Суд Кишинева
(Кишинев, Республика Молдова)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 369 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Аннотация. В статье анализируются наиболее острые проблемы, связанные с практикой применения уголовной ответственности за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 369 Уголовного кодекса Республики Молдова). Внимание уделяется таким аспектам, как: установление формы вины и мотива данного преступления; умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью в контексте нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности; разграничение совокупности преступлений и единого длящегося преступления.

Ключевые слова: нарушение уставных правил; вина; мотив; насилие; причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью; совокупность преступлений; единое длящееся преступление.

Pavlyuk Gennady Y.
Chisinau Court
(Chisinau, Republic of Moldova)

REGARDING TO SOME ISSUES THAT ARISE TROUGH THE PRACTICE OF
APPLYING ART. 369 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF
MOLDOVA

Abstraction. *The article analyzes the most acute problems related to the practice of applying of the criminal liability for violation of statutory rules on relations between military personnel if there are no subordination relationships between them (art. 369 of the Criminal Code of the Republic of Moldova). Particular attention is focused to aspects such as: establishing the form of guilt and the reason of the offense researched; cause of serious injury to body integrity or health in the context of violation the statutory rules on relations between military if there is no relationship of subordination between them; the demarcation of the cumulation of offenses of the single prolonged crime.*

Keywords: *violation of statutory rules; guilt; reason; violence; cause of serious injury to body integrity or health; cumulation of offenses; single prolonged offense.*

Articolul 369 CP RM stabilește răspunderea pentru încălcarea regulilor statutare cu privire la relațiile dintre militari dacă între ei nu există raporturi de subordonare. În condițiile în care acest articol se aplică tot mai frecvent, cei implicați în înfăptuirea justiției penale interpretează uneori eronat prevederile art. 369 CP RM.

În primul rând, o asemenea interpretare eronată vizează latura subiectivă a infracțiunilor prevăzute la art. 369 CP RM.

De exemplu, într-o speță, C. A. a fost condamnat în baza lit. c) alin. (2) art. 369 CP RM. Legalitatea și temeinicia sentinței de condamnare a fost atacată cu apeluri de către apărătorii lui C. A. Aceștia au solicitat casarea sentinței de condamnare, cu pronunțarea unei noi hotărâri, prin care C. A. să fie declarat nevinovat. În motivarea apelurilor declarate apărătorii au invocat că lovitura asupra victimei M. L. a fost aplicată nu cu intenție, ci din glumă. Or, C. A. și M. L. practicau lupte marțiale și, uneori, exersau aplicarea loviturilor. De aceea, lipsește latura subiectivă a infracțiunii. Examinând apelurile, instanța de apel a ajuns la concluzia că lovitura asupra victimei a fost aplicată intenționat, astfel lipsind temeiul pentru a se considera că făptuitorul ar fi manifestat imprudență. Ulterior, instanța de recurs și-a exprimat acordul cu această concluzie a instanței de apel [1]. Într-o altă speță, S. Șt. a fost condamnat pentru concursul a șase infracțiuni prevăzute la alin. (1) art. 369 CP RM. Și de această dată s-a invocat că făptuitorul ar fi săvârșit fapta din glumă, iar instanța de fond, instanța de apel și instanța de recurs au obiectat împotriva unei astfel de poziții [2].

Considerăm că respingerea posibilității manifestării în cele două spețe a imprudenței ar fi trebuit să aibă la bază o motivație mai consistentă. În acest sens, cu ajustările de rigoare, se poate face analogie cu disocierea intenției de imprudență în cazul lipsirii persoanei de viață: „În general, intenția de a săvârși omorul se poate deduce din următoarele împrejurări de fapt: folosirea unor mijloace

apte de a produce moartea (ținând seama de felul mijloacelor, dimensiunile, soliditatea, greutatea acestora); locul sau regiunea corporală unde s-au aplicat loviturile ori asupra căreia s-a acționat; numărul, intensitatea și repetabilitatea loviturilor ori a altor acte de violență exercitate asupra victimei; perseverența făptuitorului în exercitarea violențelor; natura relațiilor dintre făptuitor și victimă anterioare săvârșirii faptei (normale, prietenești, de dușmănie); atitudinea făptuitorului după săvârșirea faptei (a încercat să dea un prim ajutor victimei sau a lăsat-o în starea în care a adus-o); locul și timpul săvârșirii infracțiunii; particularitățile victimei (vârsta, condiția fizică etc.); nivelul de instruire, experiența de viață, cunoștințele profesionale, aptitudinile făptuitorului; alte împrejurări preexistente, concomitente sau subsecvente” [3, p. 163]. În mod regretabil, în cadrul examinării judiciare a faptelor comise de C. A. și S. Șt., nu a fost verificată lipsa sau prezența unor asemenea împrejurări de fapt.

De asemenea, în cele două spețe, nu a fost examinată posibilitatea săvârșirii infracțiunii din motiv de teribilism. L. L. Kruglikov consideră teribilismul ca fiind un motiv neconcretizat [4, p. 217]. Deschizând parantezele, S. P. Mokrinski afirmă: „Teribilismul presupune o glumă proastă. Gluma se transformă în teribilism atunci când își pierde inofensivitatea, și, respectiv, se transformă în infracțiune atunci când interesele ocrotite de lege ale altor persoane încep să sufere din cauza acesteia” [5]. Nu este clar dacă, în spețele exemplificate *supra*, gluma s-a transformat în teribilism sau nu. De asemenea, nu este clar dacă interesele ocrotite de lege ale altor persoane au avut de suferit sau nu. Probabil, clarificarea unor astfel de aspecte ar fi exclus îndoielile care persistă în legătură cu forma de vinovăție manifestată de către făptuitorii C. A. și S. Șt.

O altă problemă, legată de calitatea interpretării art. 369 CP RM, ține de ipoteza cauzării vătămării grave a integrității corporale sau a sănătății în contextul săvârșirii infracțiunilor prevăzute la acest articol.

Astfel, într-o speță, P. I. a fost condamnat în baza alin. (4) art. 151 și lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM. În fapt, la 08.11.2009, aproximativ la ora 23.00, acesta se afla în cazarma Batalionului 3 al Unității Militare 1001, dislocată în mun. Chișinău. Observând că soldatul A. V. s-a culcat în patul inculpatului, acționând cu intenție directă, P. I. i-a aplicat o lovitură cu muchia palmei în regiunea posterioară a gâtului. În rezultat, A. V. a suferit o vătămare gravă care s-a soldat cu deces [6].

În această speță, vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății este cauzată o singură dată. Cu toate acestea, făptuitorul a fost sancționat dublu pentru aceeași vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății: prima dată – în contextul infracțiunii prevăzute la alin. (4) art. 151 CP RM; a doua oară – în contextul infracțiunii prevăzute la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM. Dubla sancționare a aceleiași fapte este inadmisibilă. În afară de aceasta, reținerea la calificare a lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM este lipsită de fundamentare. În ipoteza, prevăzută de această normă făptuitorul manifestă imprudență față de urmările grave. Spre o asemenea concluzie ne ghidează compararea sancțiunilor stabilite la alin. (1) art. 151 și alin. (3) art. 369 CP RM.

Suntem de acord cu S. Brînză și V. Stati care susțin: „Atunci când se comite încălcarea regulilor statutare cu privire la relațiile dintre militari, în timpul îndeplinirii serviciului militar – dacă între ei nu există raporturi de subordonare și dacă această încălcare s-a manifestat prin vătămarea intenționată gravă a integrității corporale sau a sănătății – calificarea urmează a fi făcută conform art. 151 CP RM. În acest

caz, nu este necesară calificarea suplimentară conform uneia dintre prevederile de la art. 369 CP RM” [7, p. 1201]. În concluzie, în speța reprodusă mai sus, P. I. urma să fie condamnat doar în baza alin. (4) art. 151 CP RM.

Aplicarea neuniformă a dispoziției de la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM o confirmă următoarea speță: B. V. a fost condamnat conform lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM. În fapt, la 20.09.2012, între orele 20.50-21.00, acesta se afla în camera cu lavoare a unității militare dislocate pe str. Pietrarilor 1, mun. Chișinău. În aceste condiții, B. V. s-a apropiat de militarul serviciului în termen al aceleiași unități militare, soldatul C. S. Sub pretextul că C. S. nu a ieșit la timp în holul companiei pentru aliniere, B. V. i-a aplicat intenționat patru lovituri cu cotul mâinii drepte în piept, trei lovituri cu pumnul în abdomen și trei lovituri în spate. În rezultat, lui C. S. i-a fost cauzată o vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății [8].

Spre deosebire de speța precedentă, de această dată, aceeași vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății nu este sancționată dublu. Or, lui B. V. nu i s-a imputat și comiterea infracțiunii prevăzute la art. 151 CP RM. Aceasta demonstrează inconsecvența și prezența unor standarde duble în ceea ce privește interpretarea de către practicieni a prevederii de la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM. Lipsa dublei sancționări a aceleiași vătămări grave a integrității corporale sau a sănătății nu înseamnă că fapta lui B. V. a fost calificată corect. Or, așa cum s-a menționat anterior, față de urmările grave consemnate la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM poate fi manifestată doar imprudența. Astfel, infracțiunea prevăzută la alin. (1) art. 151 CP RM este pedepsită cu închisoare de la 5 la 10 ani. Infracțiunea specificată la art. 157 CP RM se pedepsește cu amendă în mărime de până la 650 unități convenționale sau cu muncă neremunerată în folosul comunității de la 180 la 240 de ore, sau cu închisoare de până la 2 ani. La rândul său, infracțiunea prevăzută la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM se pedepsește cu închisoare de la 4 la 8 ani. Din simpla comparație a acestor cifre rezultă imposibilitatea manifestării intenției în raport cu urmările grave consemnate la lit. c) alin. (3) art. 369 CP RM.

Ultima problemă, legată de interpretarea art. 369 CP RM, se referă la deosebirea concursului de infracțiuni de infracțiunea unică prelungită. Potrivit alin. (1) art. 30 CP RM, „se consideră infracțiune prelungită fapta săvârșită cu intenție unică, caracterizată prin două sau mai multe acțiuni infracționale identice, comise cu un singur scop, alcătuiind în ansamblu o infracțiune”. În conformitate cu alin. (1) art. 33 CP RM, „se consideră concurs de infracțiuni săvârșirea de către o persoană a două sau mai multor infracțiuni dacă persoana nu a fost condamnată definitiv pentru vreuna din ele și dacă nu a expirat termenul de prescripție de tragere la răspundere penală, cu excepția cazurilor când săvârșirea a două sau mai multor infracțiuni este prevăzută în articolele părții speciale a prezentului cod în calitate de circumstanță care agravează pedeapsa”.

Se creează impresia că unii practicienii ignoră existența acestor două norme, neglijând semnificația delimitării corecte a concursului de infracțiuni de infracțiunea unică prelungită.

Astfel, într-o speță, M. M. a fost condamnat în baza lit. b) alin. (2) art. 369 CP RM. În fapt, între 27.02.2013-17.03.2013, acesta a încălcat regulile statutare cu privire la relațiile dintre militari, în timpul îndeplinirii serviciului militar, între ei lipsind raporturi de subordonare, cauzând prin aceasta dureri fizice soldaților C. D., B. D. și G. M. La concret, faptele împotriva acestor victime au fost săvârșite: la 27.02.2013, aproximativ la ora 19.20; la 02.03.2013, aproximativ la ora 21.00; la 13.03.2013 sau

14.03.2013, aproximativ la ora 20.30; la 14.03.2013 sau 15.03.2013, aproximativ la ora 15.30; la 17.03.2013, aproximativ la ora 19.00 [9].

Nu putem trece cu vederea că în speță lipsesc orice argumente care ar confirma că cele săvârșite de M. M. au la bază o intenție unică, caracterizată prin două sau mai multe acțiuni infracționale identice, fiind comise cu un singur scop, alcătuind în ansamblu o infracțiune. Apar îndoiele în legătură cu faptul că, înainte de episodul din 27.02.2013, intenția lui M. M. deja cuprindea următoarele patru episoade. În aceste condiții, nu este exclusă probabilitatea că toate sau o parte din episoadele infracționale, atestate în perioada 27.02.2013-17.03.2013, constituie un concurs de infracțiuni.

Aceeași probabilitate, deși având un grad mai redus, nu se exclude în următoarea speță: S. M. a fost condamnat conform lit. c) alin. (2) art. 369 CP RM. În fapt, la 04.09.2016, între orele 14.00-14.30, acesta, fiind caporal, militar al serviciului în termen al Brigăzii 2 Infanterie Motorizată, se afla pe teritoriul unității militare. În aceste condiții, S. M. s-a apropiat de muncitorul pe cantină, soldatul C. I. Sub pretextul că acesta l-a contrazis, S. M. i-a aplicat intenționat de la spate o lovitură puternică cu palma la urechea dreaptă. Ulterior, în jurul orei 14.30 a aceleiași zile, S. M. se afla în sala de deșeuri a cantinei ostășești de pe teritoriul unității militare. În aceste împrejurări, S. M. s-a apropiat de soldatul C. I. și, din același motiv, l-a împins cu mâinile în umărul drept, după care i-a aplicat intenționat o lovitură puternică cu palma la urechea stângă. În rezultatul acțiunilor violente, lui C. I. i-a fost cauzată o vătămare ușoară a integrității corporale [10].

Nu este clar dacă, înainte de a-i fi aplicat prima lovitură lui C. I., S. M. avea intenția sau nu de a-i aplica cea de-a doua lovitură. În cazul în care s-ar fi atestat o asemenea intenție, ne-am afla în prezența unei infracțiuni unice prelungite. Dacă însă o asemenea intenție ar fi lipsit, atunci am fi fost în prezența unui concurs de infracțiuni. În afară de aceasta, nu este clar dacă vătămarea ușoară a integrității corporale reprezintă rezultatul însumat al aplicării celor două lovituri sau constituie rezultatul exclusiv al uneia dintre aceste lovituri. Or, astfel de aspecte nu pot să nu influențeze soluția de calificare.

De soluțiile pronunțate în ultimele două spețe reproduse mai sus se deosebește soluția pronunțată în speța în care S. Șt. a fost condamnat pentru concursul a șase infracțiuni prevăzute la alin. (1) art. 369 CP RM. Cele șase infracțiuni au fost comise: la 01.04.2015, între orele 11.00-12.00; la 17.04.2015, aproximativ la ora 22.10; la 26.04.2015, între orele 18.45-19.00; la 03.05.2015, între orele 10.00-11.00; la 03.05.2015, aproximativ la ora 18.00; la 03.05.2015, între orele 18.30-19.00 [2].

Este abscons care anume criterii au prevalat atunci când aceste șase episoade au fost considerate infracțiuni distincte și nu părți ale aceleiași infracțiuni. Nu este clar de ce în ultima speță a fost atestat concursul de infracțiuni, în timp ce în penultima și antepenultima spețe a fost stabilită prezența unei singure infracțiuni. În acest fel, se poate afirma că, și sub aspectul delimitării concursului de infracțiuni de infracțiunea unică prelungită, procesul de aplicare a art. 369 CP RM se caracterizează prin lipsă de uniformitate.

BIBLIOGRAFIE:

1. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 24.02.2016. Dosarul nr. 1ra-414/2016. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=5843
2. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 30.03.2016. Dosarul nr. 1ra-426/2016. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=6130
3. Brînză S., Stati V. Tratat de drept penal. Partea Specială. Vol. I. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2015. – 1328 p.
4. Кругликов Л. Л. Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014. – 816 с.
5. Мокринский С. П. Озорство и хулиганство // Ежемесячник советской юстиции. – 1924. – № 37. – С. 879-880.
6. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 22.02.2012. Dosarul nr. 1ra-260/2012. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/archive_courts/cauta/index2.php
7. Brînză S., Stati V. Tratat de drept penal. Partea Specială. Vol. II. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2015. – 1300 p.
8. Decizia Colegiului penal lărgit al Curții Supreme de Justiție din 28.05.2013. Dosarul nr. 1re-165/2013. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/archive_courts/cauta/index2.php
9. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 04.06.2014. Dosarul nr. 1ra-822/2014. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/archive_courts/cauta/index2.php
10. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 14.06.2017. Dosarul nr. 1ra-770/2017. Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=9069

УДК 344.135:340.132.626(478)

Pavliuc Ghenadie Iosif
Judecătoria Chişinău
(Chişinău, Republica Moldova)

PRACTICA DE APLICARE A RĂSPUNDERII CONFORM ART. 368 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA: OBSERVAȚII CRITICE ȘI CONCLUZII

Adnotare. Scopul articolului constă în investigarea problemelor răspunderii penale pentru actele de violență săvârșite asupra militarului (art. 368 din Codul penal al Republicii Moldova). În articol sunt analizate unele soluții din practica judiciară, care provoacă îndoieli sub aspectul corespunderii acestora legii, precum și se formulează observații critice pe baza cărora sunt trasate concluzii. Articolul prezintă valoare științifică și practică considerabilă, deoarece constituie una dintre primele încercări de a supune examinării aspectele problematice de actualitate, ce țin de perfecționarea practicii de aplicare a art. 368 din Codul penal al Republicii Moldova.

Cuvinte-cheie: acte de violență; vătămarea integrității corporale sau a sănătății; lovire; exces de putere; urmări grave; militar.

Павлюк Геннадий Йосифович
Суд Кишинева
(Кишинев, Республика Молдова)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 368 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ВЫВОДЫ

Аннотация. Целью статьи является исследование вопросов применения уголовной ответственности за насильственные действия в отношении военнослужащего (ст. 368 Уголовного кодекса Республики Молдова). В статье осуществлен анализ некоторых судебных решений, вызывающих сомнения с точки зрения их соответствия закону, а также высказаны критические замечания, на основании которых сделаны выводы. Статья обладает значительной научной и практической ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть актуальные проблемные вопросы совершенствования практики применения ст. 368 Уголовного кодекса Республики Молдова.

Ключевые слова: насильственные действия; причинение телесных повреждений или вреда здоровью; нанесение побоев; превышение власти; тяжкие последствия; военнослужащий.

Pavlyuk Gennady Y.
Chisinau Court
(Chisinau, Republic of Moldova)

THE PRACTICE OF APPLYING OF LIABILITY ACCORDING TO ARTICLE 368 OF
THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA: CRITICAL
OBSERVATIONS AND CONCLUSIONS

Abstraction. *The purpose of the article is to investigate the problems of criminal liability for acts of violence committed against the military (art. 368 of the Criminal Code of the Republic of Moldova). The article analyzes some solutions from the judicial practice, which raise doubts concerning their conformity with the law, also the research analyzes critical remarks that are made on the basis of which conclusions are made. The article presents considerable scientific and practical value, since it is one of the first attempts to submit to the examination the problematic aspects of actuality, related to the improvement of the practice of applying the art. 368 of the Criminal Code of the Republic of Moldova.*

Keywords: *acts of violence; injury to body integrity or health; beat; excess of power; severe consequences; military.*

În art. 368 CP RM sunt incriminate actele de violență săvârșite asupra militarului. La concret, alineatul (1) al acestui articol prevede răspunderea pentru vătămarea intenționată ușoară a integrității corporale sau a sănătății ori lovirea subalternului de către șef, precum și a șefului de către subaltern în timpul când aceștia îndeplinesc obligațiile legate de serviciul militar. Conform alin. (2) art. 368 CP RM, răspunderea se agravează în cazul în care infracțiunea analizată: a) este săvârșită de două sau mai multe persoane; b) este săvârșită cu aplicarea armei; c) se soldează cu urmări grave; d) este săvârșită pe timp de război; e) este săvârșită în condiții de luptă.

Analiza practicii de aplicare a art. 368 CP RM demonstrează că nu întotdeauna se caracterizează prin exactitate determinarea și constatarea juridică a corespunderii între semnele faptei prejudiciabile săvârșite și semnele componenței infracțiunii, prevăzute de articolul în cauză.

Înainte de toate, ne referim la interpretarea defectuoasă a prevederilor de la lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM.

De exemplu, într-o speță, L. I. a fost condamnat în baza lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM. În fapt, acesta avea calitatea de militar prin contract în Brigada nr. 2 de infanterie motorizată, dislocată în mun. Chișinău, ocupând funcția de mecanic conducător superior, deținând gradul de sergent inferior. Într-o zi, aproximativ la ora 17.55, L. I. se afla în fumoarul de pe teritoriul unității militare în care își îndeplinea serviciul militar. În aceste împrejurări, L. I. a aplicat acte de violență asupra unui militar în termen al aceleiași unități militare, soldatul X. Acestuia i-a fost aplicată o lovitură puternică cu pumnul în regiunea lateroposterioară stânga a abdomenului, din motiv că ținea mâinile în buzunar. În rezultatul actelor de violență, victimei i-a fost cauzată o traumă închisă a abdomenului, manifestată prin lezarea splinei, soldată cu splinoectomie. Această traumă a fost catalogată ca vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății [1].

În legătură cu circumstanța agravantă prevăzută la lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM, S. Brînză și V. Stati susțin: „În sensul lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM, prin „urmări grave” trebuie de înțeles: vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății; decesul victimei. Față de aceste urmări faptei urmează manifestată imprudență” [2, p. 1196]. Din analiza speței enunțate mai sus, rezultă că L. I. a manifestat intenție față de urmarea prejudiciabilă exprimată în vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății. Dispoziția de la lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM poate fi aplicată doar în cazul în care făptuitorul ar comite cu intenție fie vătămarea intenționată ușoară a integrității corporale sau a sănătății, fie lovirea, care ar duce din imprudență la vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății, la decesul victimei sau la alte asemenea urmări grave. Vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății, cauzată de L. I., se află în legătură cauzală directă cu acțiunea de aplicare a loviturii, nu cu vătămarea ușoară a integrității corporale sau a sănătății. În plus, nu este posibil ca, în contextul aceleiași infracțiuni, să fie manifestată intenție atât față de vătămarea ușoară a integrității corporale sau a sănătății, cât și față de vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății. În cazul intenției față de vătămarea ușoară a integrității corporale sau a sănătății, realizarea acestei intenții ar marca consumarea infracțiunii. Dincolo de acest moment, ar putea fi realizată o altă intenție infracțională, însă n-ar fi posibilă continuarea intenției inițiale. La fel, compararea sancțiunilor de la art. 151, 157 și 368 CP RM conduce spre concluzia că lui L. I. nu i se putea fi imputa comiterea infracțiunii prevăzute la lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM. Cele săvârșite de L. I. urmau a fi calificate în baza alin. (1) art. 151 CP RM.

În altă privință, va fi examinată problema concursului dintre infracțiunile prevăzute la art. 368 și 370 CP RM. Este de menționat că art. 370 CP RM stabilește răspunderea pentru abuzul de putere, excesul de putere sau inacțiunea la exercitarea puterii. Astfel, într-o speță, C. I. a fost condamnat conform alin. (1) art. 368 și alin. (1) art. 370 CP RM. În fapt, acesta îndeplinea serviciul militar prin contract, având gradul de locotenent, deținând funcția de comandant adjunct pentru pregătirea de luptă al companiei de carabinieri cu dislocare în or. Căușeni a batalionului 3 mobil operativ cu dislocare în mun. Chișinău. La 08.01.2013, aproximativ la ora 11.20, C. I. i-a aplicat intenționat soldatului O. V. o lovitură puternică cu pumnul în piept, precum și două lovituri cu piciorul mai jos de genunchi. În aceeași zi, aproximativ la ora 19.00, C. I. i-a aplicat cu intenție caporalului V. Gh. cincisprezece lovituri puternice cu pumnul în cap. În aceeași zi, aproximativ la ora 21.00, C. I. le-a aplicat intenționat caporalului M. S. și soldatului G. C. câte o lovitură cu pumnul în piept. La 09.01.2013, aproximativ la ora 01.00, C. I. i-a aplicat intenționat lui V. Gh. o lovitură puternică cu pumnul în cap. La 11.01.2013, aproximativ la ora 13.30, C. I. i-a aplicat intenționat lui V. Gh. două lovituri puternice cu pumnul în piept. La 15.01.2013, între orele 12.30-13.00, C. I. i-a aplicat soldatului L. V. cu palma o lovitură medie în piept și o altă lovitură peste obraz. În aceeași zi, aproximativ la ora 15.00, C. I. l-a apucat pe C. V. de nas cu degetele și l-a strâns cu forța în decurs de circa 10 secunde, după care i-a aplicat intenționat o lovitură puternică cu pumnul în obraz și o altă lovitură în bărbie. În rezultatul celor săvârșite, victimelor nominalizate mai sus le-au fost cauzate dureri fizice. Pe lângă aceasta, în perioada 08.01.2013-15.01.2013, C. I. a admis intenționat un exces de putere. În urma acțiunilor excesive ale acestuia, au fost încălcate drepturile și interesele ocrotite de lege ale mai multor subalterni, a fost

perturbată ordinea regulamentară și încălcat programul zilei, a fost știrbită imaginea Forțelor Armate, fapt prin care intereselor de serviciu și victimelor le-au fost pricinuite daune în proporții considerabile [3]. Considerăm excedentară calificarea faptei lui C. I. în baza alin. (1) art. 370 CP RM. În această normă, în calitate de urmări prejudiciabile, sunt menționate daunele în proporții considerabile cauzate victimei sau intereselor de serviciu. Persistă îndoiele că perturbarea ordinii regulamentare și încălcarea programului zilei, precum și știrbirea imaginii Forțelor Armate ar putea fi considerate daune în proporții considerabile cauzate intereselor de serviciu. Considerăm că, într-o asemenea situație, luând în considerare regula stabilită la alin. (2) art. 3 CP RM, nu trebuie admisă interpretarea extensivă defavorabilă a prevederilor alin. (1) art. 370 CP RM. După S. Brînza și V. Stati, „dacă fapta de abuz de putere sau de serviciu, exces de putere sau depășire a atribuțiilor de serviciu ori inacțiune la exercitarea puterii nu implică producerea daunelor în proporții considerabile victimei sau intereselor de serviciu, atunci făptuitorului îi poate fi aplicată răspunderea disciplinară în conformitate cu prevederile Legii cu privire la aprobarea Regulamentului disciplinei militare” [2, p. 1255]. Așadar, perturbarea ordinii regulamentare și încălcarea programului zilei, precum și știrbirea imaginii Forțelor Armate ar fi urmat să fie sancționată potrivit dispozițiilor Legii nr. 52 din 02.03.2007 cu privire la aprobarea Regulamentului disciplinei militare. Cât privește daunele în proporții considerabile cauzate victimelor, aceste daune se concretizează în durerile fizice pe care le-au suportat victimele. Alte daune nu le-au fost cauzate. Și de această dată, este necesar să invocăm regula fixată la alin. (2) art. 3 CP RM. În afară de aceasta, atragem atenția asupra faptului că aceeași urmare prejudiciabilă nu se poate afla în legătură cauzală cu două fapte prejudiciabile diferite. Din aceste considerente, cele săvârșite de C. I. nu pot forma un concurs de infracțiuni. Acesta ar fi urmat să răspundă doar în baza alin. (1) art. 368 CP RM.

Speța următoare denotă abordarea neuniformă a problemei concursului dintre infracțiunile prevăzute la art. 368 și 370 CP RM. Astfel, L. A. și M. P. au fost condamnați conform lit. a) alin. (2) art. 368 CP RM. În fapt, L. A. avea calitatea de militar prin contract, ocupând funcția de comandant adjunct de batalion pentru pregătirea de luptă al batalionului 1 mobil-operativ cu dislocare pe lângă statul major al unității militare 1002 a Departamentului Trupelor de Carabinieri, deținând gradul de locotenent major. La rândul său, M. P. avea calitatea de militar prin contract, ocupând funcția de șef al statului major al aceleiași batalion, deținând gradul de locotenent major. La finele lunii februarie 2010, posibil la 24.02.2010, aproximativ la ora 21.00, L. A. i-a aplicat intenționat soldatului C. A. o lovitură puternică cu genunchiul în abdomen, după care 1-a împins spre perete, C. A. lovindu-se cu spatele. Apoi, L. A. i-a aplicat intenționat lui C. A. alte patru lovituri cu palma peste obraz. La 18.06.2010, aproximativ la ora 18.30, L. A. le-a aplicat intenționat sergenților inferiori D. B. și C. V. câte trei lovituri cu palma peste obraz. În aceleași împrejurări, M. P. le-a aplicat intenționat lui D. B. și C. V. câte trei-patru lovituri cu pumnul în cap. În una din zilele din perioada 24.08.2010-29.08.2010, aproximativ la ora 17.00, M. P. le-a aplicat soldaților F. A. și C. A. câte două lovituri cu pumnul în piept și câte o lovitură cu palma peste obraz. În rezultatul actelor de violență, victimelor menționate mai sus le-au fost cauzate dureri fizice, fapt prin care acestora și intereselor de serviciu le-au fost pricinuite daune în proporții considerabile [4]. Ca și în speța precedentă, în această speță, se pretinde

că ar fi fost cauzate daune în proporții considerabile intereselor victimelor și intereselor de serviciu. Cu toate acestea, spre deosebire de speța precedentă, în ultima speță nu se aplică suplimentar art. 370 CP RM. Cel mai probabil, aceasta se datorează tocmai conștientizării faptului că astfel de daune se exprimă în durerile fizice suportate de către C. A., D. B., C.V. și F. A. Susținem o asemenea abordare, nu cea potrivit căreia aceleași urmări prejudiciabile ar intra sub incidența atât a art. 368 CP RM, cât și a art. 370 CP RM.

Ultima problemă pe care o vom analiza este cea a diferențierii concursului de infracțiuni de infracțiunea unică prelungită în contextul calificării celor comise în baza art. 368 CP RM. Practica arată că, și în acest caz, interpretarea legii penale este neuniformă. De exemplu, într-o speță, C. A. a fost condamnat conform alin. (1) art. 368 CP RM. Acesta avea calitatea de militar în termen al unității militare 1002, ocupând funcția de comandant de grupă, deținând gradul de sergent. C. A. a aplicat acte de violență asupra subalternilor săi: între 15.07.2013-31.07.2013 și la 06.08.2013 asupra soldatului S. N.; la 25.07.2013 asupra soldaților Ț. I. și S. D.; la 03.08.2013 asupra soldatului C. D. [5] Într-o altă speță, M. I. a fost condamnat în baza lit. c) alin. (2) art. 368 CP RM. În fapt, acesta avea calitatea de militar în termen al unității militare 1001, deținând gradul de sergent inferior. M. I. a aplicat acte de violență asupra subalternilor săi: la 05.08.2012 și la 15.08.2012 asupra soldatului F. A.; la 08.08.2012, la 13.08.2012 și la 20.08.2012 asupra soldatului R. A.; la 11.08.2012, la 12.08.2012 și la 27.08.2012 asupra soldatului R. V.; la 17.08.2012, la 23.08.2012 și la 27.08.2012 asupra soldatului C. N.; la 18.08.2012, la 22.08.2012 și la 24.08.2012 asupra soldatului R. O.; în perioada 20.08.2012-27.08.2012 asupra soldatului P. V.; la 26.08.2012 asupra soldatului N. R.; la 28.08.2012 asupra soldaților V. R. și P. R. Dintre toate victimele doar P. V. a suferit o vătămare medie a integrității corporale sau a sănătății. Această vătămare a fost catalogată ca urmare gravă. Celelalte victime au suportat dureri fizice [6]. Într-o altă speță, I. M. a fost condamnat conform lit. a) alin. (2) art. 368 CP RM. În fapt, acesta avea calitatea de militar în termen în unitatea militară 1002, ocupând funcția de comandant de grupă a plutonului independent comendure a batalionului 3, deținând gradul de sergent inferior. I. M. a aplicat acte de violență asupra subalternilor săi: în perioada 09.06.2011-25.06.2011 asupra soldatului C. M.; la 14.06.2011 asupra soldatului P. V.; în perioada 14.06.2011-30.06.2011 asupra soldatului P. M.; la 21.06.2011 asupra soldatului U. I. [7]

În aceste trei spețe, la calificare a fost reținută o singură infracțiune. Este lipsit de transparență modul în care s-a ajuns la concluzia că cele săvârșite au la bază o singură intenție infracțională, nu două sau mai multe intenții infracționale. Se creează impresia că cei abilitați cu aplicarea legii penale nu au dorit, pur și simplu, să se complice. În contrast, într-o speță similară, M. A. a fost condamnat pentru concursul a trei infracțiuni prevăzute la alin. (1) art. 368 CP RM [8]. În acest caz nu este clar cum s-a ajuns la concluzia că cele comise de M. A. reprezintă un concurs de infracțiuni, nu o infracțiune unică prelungită. O asemenea lipsă de uniformitate a practicii judiciare vorbește despre ignorarea de către unii practicieni a prevederilor art. 30 și 33 CP RM.

BIBLIOGRAFIE:

1. Sentința Judecătorei Chișinău (sediul Buiucani) din 18.05.2017. Dosarul nr. 1-906/2017. Disponibil:

- https://jc.instante.justice.md/ro/hot?solr_document=&solr_document_2=&Tematica=368&solr_document_3=2
2. Brînză S., Stati V. Tratat de drept penal. Partea Specială. Vol. II. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2015. – 1300 p.
 3. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 16.04.2014. Dosarul nr. 1ra-753/2014. Disponibil:
http://jurisprudenta.csj.md/archive_courts/cauta/index2.php
 4. Decizia Colegiului penal lărgit al Curții Supreme de Justiție din 18.10.2011. Dosarul nr. 1ra-666/2011. Disponibil:
http://jurisprudenta.csj.md/archive_courts/cauta/index2.php
 5. Decizia Colegiului penal al Curții de Apel Chișinău din 22.01.2014. Dosarul nr. 1a-284/2014. Disponibil:
https://cac.instante.justice.md/ro/hot?solr_document=&solr_document_2=&Tematica=368&solr_document_3=2
 6. Decizia Colegiului penal al Curții de Apel Chișinău din 11.03.2013. Dosarul nr. 13-219/2013. Disponibil:
https://cac.instante.justice.md/ro/hot?solr_document=&solr_document_2=&Tematica=368&solr_document_3=2&page=1
 7. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 29.04.2015. Dosarul nr. 1ra-481/2015. Disponibil:
http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=4143
 8. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 26.10.2016. Dosarul nr. 1ra-1358/2016. Disponibil:
http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=7631

УДК 34. 347

Сагынтаева А.А., Тайшыбаева А.С.
Актюбинский юридический институт МВД Республики Казахстан
им. М. Букенбаева
(Актобе, Республика Казахстан)

ДЕЙСТВИЯ И ПРИЕМЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Аннотация. Своевременное и успешное выполнение первой задачи позволяет, исходя из обстановки, получить некоторый запас времени на проведение перегруппировки, проведение переговоров, предоставление возможности части отказавшихся от участия в беспорядках граждан покинуть данный район.

Ключевые слова: безопасность, беспорядок, задача.

Abstract. Timely and successful fulfillment of the first task allows to gain some time for regrouping, negotiating, providing the possibility for some of the citizens who refused to participate in the riots to leave the area on the basis of the situation.

Key words: security, disorder, task.

Одной из главных задач всей операции по пресечению массовых беспорядков является надежное перекрытие района активных беспорядков, недопущение пополнения хулиганствующей толпы новыми активными членами, нейтрализация и подавление фактов проявления беспорядков вне пределов локализованного района, предотвращение возможности распространения стихийных беспорядков. Не зря в своем Послании Лидер Нации Н.А. Назарбаев «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» прямо говорит: «Атмосфера нетерпимости к мелким правонарушениям - важный шаг в укреплении общественной безопасности, борьбе с преступностью. Нам нужно преодолеть правовой нигилизм и включить общество в дело охраны общественного порядка [1].

Именно в интересах этой задачи планируются и проводятся все действия и мероприятия данного этапа. Проводится предварительное и в последующем усиливается блокирование района беспорядков по обозначенным границам и рубежам. Обозначаются направления возможного выхода граждан, отказавшихся от участия в противоправных действиях. На обозначенных направлениях их выхода подготавливаются фильтрационные пункты.

Блокирование толпы, совершающей противоправные действия на ограниченной территории (например, площадь) в основном без оружия (беспорядки, стихийно возникающие из массовых шествий и демонстраций), целесообразно осуществлять непосредственно по границе района активных беспорядков в целях затруднения перемещения наиболее активных масс, общения между собой, недопущения единых массовых действий. Порядок применения специальных средств регламентировано для всех

правоохранительных органов ст. 59-61 Закона Республики Казахстан «О правоохранительной службе» [2].

При блокировании районов с неопределенными границами беспорядков и относительно небольшим количеством участников беспорядков, но наиболее активных и чаще всего вооруженных (массовые погромы, грабежи, восстания), - границы блокирования целесообразно определять на расстоянии наиболее эффективного использования группой блокирования оружия, специальных средств и техники. Обеспечивается оцепление прилегающих районов с целью недопущения пополнения толпы, пресечения беспорядков на прилегающей территории, оказания помощи фильтрационными пунктам в задержании активных участников беспорядков и рассеивании вытесняемых из блокируемого района граждан.

В интересах обеспечения надежного блокирования и всесторонней подготовки сил и средств к предстоящим действиям с представителями организаторов беспорядков осуществляются переговоры, проводятся попытки войти в контакт с толпой посредством различных обращений руководителей органов власти, ОВД и т.д. На фоне проводимых действий осуществляется разведка, вывод групп боевого порядка на исходные позиции, уточнение задач, подготовка техники к предстоящим действиям. После окончания полного блокирования района беспорядков проводится уточнение оперативной обстановки, подготовка групп к силовым действиям, более жесткое и активное убеждение, как организаторов беспорядков, так и простых их участников о необходимости прекращения противоправных действий и возможных последствиях [3, с. 87].

Своевременное и успешное выполнение первой задачи позволяет, исходя из обстановки, получить некоторый запас времени на проведение перегруппировки, проведение переговоров, предоставление возможности части отказавшихся от участия в беспорядках граждан покинуть данный район.

Только после окончательного формирования и укрепления группы блокирования, а также когда становится очевидным, что прекратить противоправные действия путем убеждений и призывов не удастся, принимается решение на проведение силовых действий. По определенным направлениям и секторам группами рассредоточения проводится параллельное или последовательное рассеивание толпы на несколько частей. В ходе рассеивания одновременно может проводиться изъятие наиболее активных членов беспорядков. Для более эффективного достижения целей и обеспечения безопасности личного состава при проведении рассеивания группы блокирования могут прикрываться применением специальных средств и обеспечиваться специальной техникой [4, с. 34].

В ходе рассеивания, в случае массового отказа граждан от участия в массовых беспорядках и попытках их выхода через направления фильтрационных пунктов, в интересах недопущения стихийного поражения личного состава группы блокирования и граждан, действия групп рассредоточения могут временно приостанавливаться на достигнутых рубежах. Рассеченные части толпы изолируются друг от друга группами блокирования, и работа в каждой из них по вытеснению и изъятию проводится индивидуально - параллельно или последовательно. Примерные размеры

рассеченных участков толпы определяются из возможностей подразделений и групп, проводящих силовые действия. В ходе вытеснения граждан через фильтрационные пункты проводится изъятие организаторов и наиболее активных членов беспорядков как самостоятельно, так и по данным оперативных служб и подразделений. Рассеивание граждан, выходящих из районов блокирования и оцепления, осуществляется группами оцепления и патрульными группами.

При пресечении беспорядков в форме массовых погромов, волнений на неопределенной территории в границах населенных пунктов или административных районов последовательность действий в целом аналогична описанной выше. Группа рассредоточения как таковая, как правило, не применяется. Вместо нее формируется маневренная группа. Блокирование отдельных бесчинствующих групп проводится по объектам, районам, улицам и кварталам. Пресечение преступных действий и подавление активного сопротивления осуществляется маневренными и огневыми группами в блокируемых районах обычно без вытеснения за его границы. В подобных случаях проводится задержание большинства участников противоправных действий. Исходя из указанных особенностей, определяются состав, экипировка и тактика действий участвующих в специальной операции групп боевого порядка.

Понятно, что в различных ситуациях одни рекомендации будут более важны, другие - менее, третьи не подойдут. В целом, однако, эти советы и рекомендации при правильном их сочетании и применении могут составить основу для повышения уровня личной безопасности сотрудника в ситуации риска и стать исходным материалом для разработки комплексов рекомендаций для различных подразделений и служб с учетом их особенностей.

Многие авторы считают, что «Массовые беспорядки представляют собой правонарушение, совершаемое одновременно большим количеством людей, на значительной территории, и сопровождающиеся погромами, поджогами, разрушениями и др. Толпа может быть как случайной, так и специально собравшейся, возглавляемой или побуждаемой к действиям группой зачинщиков» [5].

Обосновано ряд условий результативного использования рекомендаций, предложенного механизма действий по обеспечению личной профессиональной безопасности:

- важно проанализировать обстановку и приспособить материалы к специфике своей службы;
- настоящие выводы можно использовать не только полностью, но и частично, по одному из направлений работы;
- знать правила и рекомендации - мало, они должны стать профессиональным навыком, привычкой каждого сотрудника в особых условиях и при осложнении оперативной обстановки;
- отрабатывать эти навыки и привычки лучше не "отдельно", а в ходе профессиональной подготовки, тренингов, командно-штабных учений к решению различных служебных задач;
- меняется практика работы - необходимо постоянно совершенствовать механизм действий по обеспечению личной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства»: Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. - 2012. - 15 декабря.
2. О правоохранительной службе. Закон РК от 6 января 2011 года № 380-IV.
3. В.О. Руппс. Управление силами и средствами органов внутренних дел при предотвращении, пресечении и ликвидации групповых нарушений общественного порядка: Учебно-практическое пособие. Костанай, 1998. С. 34.
4. Деятельность подразделений УИС в особых условия и при осложнении оперативной обстановки. Учебно-практическое пособие под ред. Чукмаитова Д.С. Костанай, 2008. С. 87.
5. Болотников П.Д. Тактика предупреждения и пресечения групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядках. //http://myustav1.narod.ru/page20.html

УДК 342.565.2:343.36:347.962.6(478)

Stati Vitalie Anatol
Departamentul Drept penal, Universitatea de Stat din Moldova
(Chișinău, Republica Moldova)

**REFLECȚII PE MARGINEA HOTĂRÂRII CURȚII CONSTITUȚIONALE A
REPUBLICII MOLDOVA NR. 12 DIN 28.03.2017 PRIVIND EXCEPȚIA DE
NECONSTITUȚIONALITATE A ART. 307 DIN CODUL PENAL (RĂSPUNDEREA
PENALĂ A JUDECĂTORILOR)**

Adnotare. Conținutul de bază al studiului îl constituie analiza Hotărârii Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 12 din 28.03.2017 privind excepția de neconstituționalitate a art. 307 din Codul penal (răspunderea penală a judecătorilor). O atenție deosebită se acordă analizei noțiunii „bună știință”, ce caracterizează atitudinea psihică a judecătorului care pronunță o hotărâre, sentință, decizie sau încheiere contrară legii. Se identifică și se descriu trăsăturile individualizante ale bunei științe în contextul infracțiunilor prevăzute la art. 307 din Codul penal al Republicii Moldova.

Cuvinte-cheie: constituționalitate; bună știință; intenție directă; pronunțare; sentință; decizie; încheiere; hotărâre; act procedural contrar legii; judecător.

Стати Виталий Анатольевич
Департамент уголовного права Государственного университета Молдовы
(Кишинев, Республика Молдова)

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА № 12 ОТ 28 МАРТА 2017 Г. «ОБ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ СТ. 307
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА (УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ)»**

Аннотация. Основное содержание исследования составляет анализ Постановления Конституционного Суда Республики Молдова № 12 от 28 марта 2017 г. «Об исключительном случае неконституционности ст. 307 Уголовного кодекса (уголовная ответственность судей)». Особое внимание уделено анализу понятия «заведомость», характеризующего психическое отношение судьи, выносящего неправосудный приговор, определение или постановление. Выделяются и описываются характерные особенности заведомости в контексте преступлений, предусмотренных ст. 307 Уголовного кодекса Республики Молдова.

Ключевые слова: конституционность; заведомость; прямой умысел; вынесение; приговор; определение; постановление; неправосудный процессуальный акт; судья.

Stati Vitalie A.
Department of Penal Law, Moldova State University
(Chisinau, Republic of Moldova)

REFLECTIONS ON THE JUDGMENT OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF
THE REPUBLIC OF MOLDOVA NO. 12 OF 28.03.2017 CONCERNING THE
EXCEPTION OF UNCONSTITUTIONALITY OF ART. 307 OF THE CRIMINAL
CODE (CRIMINAL LIABILITY OF JUDGES)

Abstraction. *The main content of the study is the analysis of the judgment of the Constitutional Court of the Republic of Moldova no. 12 of 28.03.2017 on the exception of unconstitutionality of art. 307 of the Criminal Code (criminal liability of judges). Particular attention is focused to the analysis of the notion of „will”, which characterizes the psychic attitude of the judge who rendered a judgment, sentence, decision or ruling contrary the law. It is identified and described the particular features of will in the context of the offenses provided in art. 307 of the Criminal Code of the Republic of Moldova.*

Keywords: *constitutionality; will; direct intention; rendered; sentence; decision; ruling; judgment; procedural act contrary the law; judge.*

1. La 28.03.2017 Curtea Constituțională a Republicii Moldova a adoptat Hotărârea nr. 12 privind excepția de neconstituționalitate a articolului 307 din Codul penal (răspunderea penală a judecătorilor) (sesizarea nr. 155g/2016) [1] (în continuare – Hotărârea CC RM nr. 12/2017). Autorul excepției de neconstituționalitate a pretins că art. 307 CP RM vine în contradicție cu art. 6, 22 și alin. (1) art. 116 din Constituție. În rezultatul examinării respectivei sesizări, Curtea Constituțională a recunoscut constituțional art. 307 CP RM, în măsura în care judecătorii din cadrul judecătoriilor, curților de apel și Curții Supreme de Justiție pot fi trași la răspundere penală doar pentru pronunțarea cu intenție a unei hotărâri, sentințe, decizii sau încheieri contrare legii.

Pe această cale, s-a statuat că art. 307 CP RM nu contravine nici principiului separației și colaborării puterilor, nici principiului independenței judecătorilor instanțelor judecătorești.

În pct. 35 al Hotărârii CC RM nr. 12/2017 se menționează: „Autorul excepției susține că judecătorii trebuie să se bucure de imunitate funcțională, imunitate față de urmărirea actelor întocmite în exercițiul funcției lor, *cu excepția comiterii unei infracțiuni cu intenție* (sublinierea prin scrierea cu caractere cursive îmi aparține, în acest exemplu și, în continuare, pe tot parcursul studiului de față – *n.a.*)”. Curtea Constituțională a dezvoltat ideea conținută în teza precitată. Aceasta o demonstrează următoarele crâmpene din aprecierea Curții:

– „[...] Oricât de importantă ar fi libertatea judecătorilor în exercitarea funcțiilor lor judiciare, aceasta nu înseamnă că judecătorii nu sunt responsabili.” (pct. 58);

– „[...] Legea Supremă, potrivit articolului 116 alin.(1), nu conferă numai prerogative, ce stau la baza conceptului de independență, ci stabilește și anumite limite, care se circumscriu sintagmei „potrivit legii”.” (pct. 60);

– „[...] Articolul 116 alin. (6) din Constituție stabilește că sancționarea judecătorilor se face în conformitate cu legea.” (pct. 61);

– „[...] Curtea reține că simpla interpretare a legii, stabilire a faptelor sau apreciere a probelor de către judecători pentru a soluționa cauzele nu trebuie să genereze răspunderea civilă, penală sau disciplinară, chiar și în caz de neglijență ordinară. Judecătorii trebuie să aibă libertate neîngrădită pentru a soluționa cauzele imparțial, potrivit propriei lor convingeri și interpretări a faptelor, precum și în conformitate cu legea aplicabilă. Răspunderea civilă (sau penală) poate limita discreția unui judecător de a interpreta și de a aplica legea. Prin urmare, răspunderea judecătorilor nu trebuie să se extindă asupra interpretării legale pe care o adoptă în procesul de examinare judiciară. Doar erorile săvârșite în mod intenționat, cu abuzul deliberat sau, fără îndoială, cu neglijență repetată sau gravă ar trebui să se soldeze cu acțiuni disciplinare și sancțiuni, răspundere penală sau răspundere civilă.” (pct. 68);

– „[...] Răspunderea individuală pentru exercitarea funcțiilor judiciare nu trebuie să depindă doar de soluția pronunțată pe această cauză în instanța superioară. [...] Simplul fapt că o hotărâre judecătorească este anulată în instanța superioară nu înseamnă că judecătorul din instanța inferioară a încălcat standardele profesionale sau a încălcat legea.” (pct. 76);

– „[...] Aprecierile judecătorului care au determinat adoptarea unei hotărâri într-o anumită cauză, hotărâre judecătorească care a fost anulată sau modificată, nu pot servi în calitate de temelie decisivă pentru sancționarea judecătorului. Aplicarea actelor normative, fiind sarcina primară a instanțelor judecătorești, în cazul în care vine în contradicție cu respectarea drepturilor fundamentale ale persoanei, devine imputabilă judecătorului doar în consecința exercitării atribuțiilor cu rea-credință sau neglijență la efectuarea actului de justiție.” (pct. 86);

– „[...] Instituirea la art. 307 din Codul penal a sintagmei „pronunțarea cu bună știință” legiuitorului a stabilit expres că judecătorul poate fi tras la răspundere penală pentru această componentă de infracțiune doar exclusiv în cazul în care este demonstrată intenția acestuia de a pronunța hotărârea, sentința, decizia sau încheierea contrar prevederilor legale.” (pct. 88);

– „Curtea reține că răspunderea penală a judecătorului în temeiul articolului 307 din Codul penal poate fi compatibilă cu principiul independenței judecătorului doar în urma unei interpretări restrictive și doar în baza unor probe incontestabile, care ar demonstra intenția judecătorului în emiterea actului judecătoresc contrar legii.” (pct. 92);

– „[...] Judecătorii din cadrul judecătoriilor, curților de apel și Curții Supreme de Justiție pot fi trași la răspundere penală în temeiul art. 307 din Codul penal doar în cazul în care este probată îndoielnic, dincolo de orice îndoială rezonabilă, intenția directă în pronunțarea unei hotărâri, sentințe, decizii sau încheieri contrare legii.” (pct. 98).

2. Considerăm insuficientă concluzia Curții Constituționale, conform căreia latura subiectivă a infracțiunilor specificate la art. 307 CP RM se caracterizează prin intenție directă. Or, conform dispoziției acestui articol, la săvârșirea infracțiunilor în cauză este indispensabilă manifestarea de către făptuitor a unei științe. Buna știință nu se identifică cu intenția directă, reprezentând o condiție suplimentară.

Deducem aceasta din dispozițiile acelor norme din Codul penal în care se stabilește răspunderea pentru infracțiunile săvârșite exclusiv cu intenție directă (fiind vorba fie despre infracțiuni formale, fie despre infracțiuni materiale care presupun prezența unui scop special), dispoziții în care se recurge la sintagma „cu

bună știință”: alin. (1) art. 163, lit. c) alin. (2) art. 164, lit. c) alin. (2) art. 166, lit. b) și b¹) alin. (2) art. 171, lit. b) și b¹) alin. (2) art. 172, alin. (1) art. 177, alin. (5) art 181², lit. c) alin. (2) art. 217⁶, art. 238, lit. c) alin. (2) art. 280, art. 281, 306, 308, 311 și 312.

În art. 307 CP RM sintagma „cu bună știință” exprimă certitudinea făptuitorului că actul procedural, pe care acesta îl pronunță, nu corespunde legii. În absența unei asemenea certitudini, lipsește temeiul aplicării art. 307 CP RM. Aceasta chiar dacă făptuitorul manifestă intenție directă, adică: 1) își dă seama că pronunță o hotărâre, sentință, decizie sau încheiere contrară legii și 2) dorește să pronunțe un astfel de act procedural. Or, a avea certitudinea că actul procedural este contrar legii este mai mult decât a-ți da seama că acest act este contrar legii.

3. În pct. 6 al Hotărârii CC RM nr. 12/2017 se relevă: „[...] Curtea a solicitat opinia Comisiei Europene pentru Democrație prin Drept a Consiliului Europei (în continuare – „Comisia de la Veneția”). La 13 martie 2017, Comisia de la Veneția a comunicat Curții Constituționale Opinia sa Amicus Curiae (CDL-AD(2017)002) referitor la răspunderea penală a judecătorilor, adoptată în cadrul celei de-a 110-a sesiuni plene (Veneția, 10-11 martie 2017) [2]”.

Potrivit pct. 40 al Opiniei Comisiei de la Veneția, „este important să se distingă situațiile în care un judecător interpretează conștient o lege contrar formulării sale, a semnificației sale originale sau a jurisprudenței anterioare. Acest fapt este acceptabil, dacă judecătorul procedează în mod transparent și oferă o motivare coerentă care să demonstreze de ce se distanțează de jurisprudența anterioară. În dependență de tradiția juridică, rolul judecătorilor în sistemul judiciar și metodologia juridică existentă, interpretarea unei legi contrar formulării sale, a semnificației originale sau a jurisprudenței anterioare se poate încadra în câmpul analizei profesionale a standardelor de soluționare a litigiilor”.

În opinia noastră, în contextul analizat, jurisprudența anterioară nu poate fi plasată la același nivel cu formularea legii și cu semnificația originală a legii. Cu această ocazie, consemnăm că, în pct. 61 al Deciziei Curții Constituționale a României nr. 405 din 15.06.2016 referitoare la excepția de neconstituționalitate a dispozițiilor art. 246 din Codul penal din 1969, ale art. 297 alin. (1) din Codul penal și ale art. 132 din Legea nr.78/2000 pentru prevenirea, descoperirea și sancționarea faptelor de corupție, se menționează: „Comportamentul interzis trebuie impus de către legiuitor chiar prin lege [...] neputând fi dedus, eventual, din raționamente ale judecătorului de natură să substituie normele juridice. În acest sens, instanța de contencios constituțional a reținut că, în sistemul continental, jurisprudența nu constituie izvor de drept așa încât înțelesul unei norme să poată fi clarificat pe această cale, deoarece, într-un asemenea caz, judecătorul ar deveni legiuitor” [3].

În afară de aceasta, nu pot fi excluse cazurile când jurisprudența anterioară contravine legii și/sau Constituției. Aceasta rezultă, de exemplu, din Hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 21 din 22.07.2016 privind excepția de neconstituționalitate a articolului 125 lit. b) din Codul penal, a articolelor 7 alin. (7), 39 pct. 5), 313 alin. (6) din Codul de procedură penală și a unor prevederi din articolele 2 lit. d) și 16 lit. c) din Legea cu privire la Curtea Supremă de Justiție (faptele care constituie practicarea ilegală a activității de întreprinzător) (sesizarea nr. 37g/2016): „[...] Curtea reține că desfășurarea unei activități în lipsa licenței nu cade sub incidența prevederilor art. 125 din Codul penal, care enumeră exhaustiv

modalitățile faptei desfășurării ilegale a activității de întreprinzător.” (pct. 80); „Prin urmare, dispoziția cuprinsă la art. 125 lit. b) din Codul penal nu este una neclară. Dimpotrivă, din redacția acestui articol și a articolului 263 din Codul contravențional rezultă cu claritate că desfășurarea activității de întreprinzător fără licență nu este posibilă decât de sancțiune contravențională, și nu penală.” (pct. 81); „[...] În domeniul penal, legea este de strictă interpretare. În acest context, însăși Constituția, în articolul 22, garantează că nimeni nu va fi condamnat pentru acțiuni sau omisiuni care, în momentul comiterii, nu constituiau un act delictuos” [4] (pct. 83).

Reiese că este contrară art. 22 din Constituție jurisprudența anterioară intrării în vigoare a Hotărârii Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 21 din 22.07.2016, exprimată în aplicarea art. 241 CP RM (coroborat cu lit. b) art. 125 CP RM), deși trebuia să se aplice alin. (4) art. 263 din Codul contravențional.

4. Un aspect important, legat de sfera de aplicabilitate a art. 307 CP RM, îl constituie impactul hotărârilor explicative ale Plenului Curții Supreme de Justiție asupra procesului de interpretare de către judecători a normelor de drept.

În acest sens, de exemplu, în pct. IV din Decizia Curții Constituționale a României nr. 2 din 11.01.2012 asupra obiecției de neconstituționalitate a dispozițiilor Legii pentru modificarea și completarea Legii nr.303/2004 privind statutul judecătorilor și procurorilor și a Legii nr.317/2004 privind Consiliul Superior al Magistraturii, se arată: „Necesitatea unei jurisprudențe unitare a fost subliniată în repetate rânduri de Curtea Europeană a Drepturilor Omului, care a observat în acest sens că divergențele profunde de jurisprudență sunt susceptibile de a crea un climat general de incertitudine și insecuritate juridică. De exemplu, prin Hotărârea din 1 decembrie 2005, pronunțată în Cauza Păduraru împotriva României, această Curte, constatând că „divergențele de jurisprudență constituie, prin natura lor, consecința inerentă oricărui sistem judiciar ce se sprijină pe un ansamblu de instanțe de fond cu autoritate asupra circumscripției lor teritoriale”, a considerat ca, „în lipsa unui mecanism care să asigure coerența practicii jurisdicțiilor naționale, asemenea divergențe profunde de jurisprudență, ce persistă în timp și țin de un domeniu ce prezintă un mare interes social, sunt de natură să dea naștere unei incertitudini permanente [...] și să diminueze încrederea publicului în sistemul judiciar care reprezintă una dintre componentele fundamentale ale statului de drept” (paragraful 98). În acest context, Curtea Europeană a Drepturilor Omului a mai arătat că „rolul unei jurisdicții supreme este tocmai cel de a regla contradicțiile de jurisprudență” (Hotărârea din 28 octombrie 1999, pronunțată în Cauza Zielinski și Pradal & Gonzalez ș.a. împotriva Franței, paragraful 59)” [5].

Totuși, din aceste hotărâri ale Curții Europene a Drepturilor Omului nu rezultă că contradicțiile de jurisprudență ar urma să fie reglate prin adoptarea de către instanța supremă a unor hotărâri explicative. Considerăm că, mai degrabă, Curtea Europeană a Drepturilor Omului s-a referit la recursul în interesul legii.

Astfel, conform alin. (1) art. 465¹ din Codul de procedură penală al Republicii Moldova, „recursul în interesul legii este calea extraordinară de atac prin care se asigură interpretarea și aplicarea unitară a legii penale și de procedură penală pe întreg teritoriul țării”. Mai mult, în pct. 111 al Hotărârii Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 21 din 22.07.2016, se relevă: „Un sistem în care Curții Supreme de Justiție îi este acordată posibilitatea de a adresa instanțelor de rang inferior „recomandări/explicații” în probleme de aplicare a legislației nu este de

natură să favorizeze apariția unei puteri judecătorești cu adevărat independente. Mai mult, aceasta implică riscul ca judecătorii să se comporte ca funcționarii publici, care primesc ordine de la superiorii lor. Adoptarea de către instanța supremă sau alte instanțe superioare a unor ghiduri de practică obligatorii pentru jurisdicțiile inferioare, situația întâlnită în câteva țări post-sovietice, ridică probleme în această privință, fapt reținut și de Comisia de la Veneția în rapoartele sale. Astfel, asemenea „recomandări/explicații” în mod individual nu pot sta la baza unei hotărâri judecătorești, care urmează a fi întemeiată exclusiv pe prevederile legale. Judecătorii trebuie să beneficieze de libertate neîngrădită de a soluționa în mod imparțial cauzele, în conformitate cu legea și cu propria apreciere a faptelor”.

Pe cale de consecință, în cazul în care explicațiile din hotărârile Plenului Curții Supreme de Justiție nu se întemeiază exclusiv pe prevederile legale, instanțele judecătorești urmează să-și întemeieze soluțiile pe prevederile legale, nu pe astfel de explicații. În caz contrar, soluțiile respective vor fi contrare legii. Deci, cei, care vor pronunța cu bună știință astfel de soluții, vor deveni pasibili de răspundere în baza art. 307 CP RM.

5. În pct. 7.4 al Hotărârii Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 28 din 14.12.2010 pentru controlul constituționalității prevederilor art. 22 alin. (1) lit. b) din Legea nr. 544-XIII din 20 iulie 1995 „Cu privire la statutul judecătorului” în redacția Legii nr.247-XVI din 21 iulie 2006 „Pentru modificarea și completarea unor acte legislative”, se menționează: „[...] Interpretarea sau aplicarea neuniformă intenționată a legislației cade sub incidența prevederilor art. 307 din Codul penal (pronunțarea unei sentințe, decizii, încheieri sau hotărâri contrare legii), [...]”[6].

Considerăm că, în acest caz, se are în vedere interpretarea sau aplicarea neuniformă intenționată a legislației *de către același judecător în spețe similare*. Această supoziție își găsește confirmarea în punctul de vedere exprimat de T. Novac: „Manifestarea de rea-credință este determinată prin probarea intenției magistratului de a emite un act de justiție vădit ilegal. Este importantă menținerea că, într-un sistem juridic de origine romano-germanică, în care instanța de judecată nu este creatoare de precedente, fenomenul de rea-credință va fi foarte dificil de demonstrat. [...] Probabil, calificativul „repetat” ar demonstra prezența relei-credințe după sancționarea primei fapte prin înglobarea ei în limitele răspunderii disciplinare. Pregătirea avansată a magistratului prezumă logic că el va ține cont de perspectivele evitării comiterii unei fapte similare și atragerii la răspunderea penală” [7, p. 153, 154].

Atunci când se referă la aplicarea răspunderii disciplinare pentru prima faptă, T. Novac are în vedere, supozabil, ipoteza stabilită la lit. c) alin. (1) art. 4 al Legii nr. 178 din 25.07.2014 cu privire la răspunderea disciplinară a judecătorilor: „Constituie abatere disciplinară: [...] acțiunile judecătorului în procesul de înfăptuire a justiției care fac dovada incompetenței profesionale grave și evidente”.

În același registru, consemnăm că, în România, Curtea Constituțională a fost sesizată în legătură cu posibila neconstituționalitate a definiției noțiunii „rea-credință” formulate în alin. (1) art. 99¹ din Legea României nr. 303 din 28.06.2004 privind statutul judecătorilor și procurorilor. Potrivit acestei norme, „există rea-credință atunci când judecătorul [...] încalcă cu știință normele de drept material sau procesual, urmărind sau acceptând vătămarea unei persoane”. Examinând textul de lege criticat, Curtea Constituțională a României, în Decizia nr. 2 din 11.01.2012, a constatat că acest text este clar și precis, având în vedere destinatarul său.

Așadar, în contextul infracțiunilor prevăzute la art. 307 CP RM, manifestarea bunei științe o confirmă nu doar interpretarea sau aplicarea neuniformă intenționată a legislației de către același judecător în spețe similare. Manifestarea bunei științe o confirmă și dorința făptuitorului de a vătăma o persoană (adică de a-i cauza un prejudiciu moral, fizic sau material). Ne referim fie la persoana vizată direct de hotărârea, sentința, decizia sau încheierea contrară legii, defavorabilă acesteia, fie la o altă persoană în ipoteza în care hotărârea, sentința, decizia sau încheierea contrară legii este favorabilă celui vizat direct în respectivul act procedural.

BIBLIOGRAFIE:

1. Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – 2017. – nr. 162-170.
2. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Republic of Moldova. Amicus Curiae brief for the Constitutional Court on the criminal liability of judges adopted by the Venice Commission at its 110th plenary session (Venice, 10-11 march 2017). Disponibil: http://www.constcourt.md/public/files/file/comisia_venetia/CDL-AD2017002-e.pdf
3. Monitorul Oficial al României. – 2016. – nr. 517.
4. Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – 2016. – nr. 355-359.
5. Monitorul Oficial al României. – 2012. – nr. 131.
6. Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – 2010. – nr. 254-256.
7. Novac T. Statutul magistratului în arealul justiției / Teză de doctor în drept. – Chișinău, 2016. – 184 p.

УДК 343.9.024:336.7:343.34(478)

Stati Vitalie Anatol
Departamentul Drept penal, Universitatea de Stat din Moldova
(Chișinău, Republica Moldova)

SPĂLAREA BANILOR (ART. 243 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA) ȘI FINANȚAREA TERRORISMULUI (ART. 279 DIN CODUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA): DEOSEBIRILE DINTRE COMPONENTELE DE INFRAȚIUNI

Adnotare. *Articolul este dedicat examinării complexe a deosebirilor dintre spălarea banilor (art. 243 din Codul penal al Republicii Moldova) și finanțarea terorismului (art. 279 din Codul penal al Republicii Moldova). Premisa pentru o asemenea investigație a constituit-o completarea recentă a Codului penal al Republicii Moldova cu articolul 132¹, care conține definiția noțiunii „bunuri”. Tocmai la această definiție fac referire art. 243 și 279 din Codul penal al Republicii Moldova. În calitate de sarcină de investigare suplimentară, a fost examinată posibilitatea formării de către infracțiunile confruntate a concursului real și a concursului ideal.*

Cuvinte-cheie: *spălarea banilor; finanțarea terorismului; bunuri; venituri ilicite; scopul introducerii veniturilor ilicite în circuitul legal; concursul real de infracțiuni; concursul ideal de infracțiuni.*

Стати Виталий Анатольевич
Департамент уголовного права Государственного университета Молдовы
(Кишинев, Республика Молдова)

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ (СТ. 243 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА) И ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА (СТ. 279 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА): РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию различий между отмыванием денег (ст. 243 Уголовного кодекса Республики Молдова) и финансированием терроризма (ст. 279 Уголовного кодекса Республики Молдова). Предпосылкой для такого исследования послужило недавнее дополнение Уголовного кодекса Республики Молдова статьей 132¹, которая содержит определение понятия «имущество». Именно к этому определению отсылают ст. 243 и 279 Уголовного кодекса Республики Молдова. В качестве дополнительной исследовательской задачи рассмотрена возможность образования сравниваемыми преступлениями реальной и идеальной совокупности.*

Ключевые слова: *отмывание денег; финансирование терроризма; имущество; незаконный доход; цель введения незаконного дохода в законный оборот; реальная совокупность преступлений; идеальная совокупность преступлений.*

Stati Vitalie A.
Department of Penal Law, Moldova State University
(Chisinau, Republic of Moldova)

MONEY LAUNDERING (ART. 243 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA) AND FINANCE OF TERRORISM (ART. 279 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA): THE DIFFERENCES BETWEEN THE CONSTITUENT OFFENSES

Abstraction. *The article is dedicated to the comprehensive examination of differences between money laundering (art. 243 of the Criminal Code of the Republic of Moldova) and the finance of terrorism (art. 279 of the Criminal Code of the Republic of Moldova). The premise for such a research was the recent supplement of the Criminal Code of the Republic of Moldova with art. 132¹, which contains the definition of „goods”. This is the definition to which refer the art. 243 and 279 of the Criminal Code of the Republic of Moldova. As an additional investigative task was the possibility of formation by the compared offenses the real cumulation and ideal cumulation.*

Keywords: *money laundering; finance terrorism; goods; illicit income; the purpose of introducing illicit revenue into the legal circuit; the real cumulation of crimes; the ideal cumulation of crimes.*

Conform art. 132¹ CP RM, „prin bunuri, în sensul art. 106, 243 și 279, se înțeleg mijloace financiare, orice categorie de valori (active) corporale sau incorporale, mobile sau imobile, tangibile sau intangibile, precum și acte sau alte instrumente juridice sub orice formă, inclusiv în format electronic ori digital, care atestă un titlu ori un drept, inclusiv orice cotă (interes) cu privire la aceste valori (active)”. Reiese oare din această definiție că infracțiunile prevăzute la art. 243 și 279 CP RM au același obiect material (imaterial)?

Răspunsul la întrebarea în cauză este negativ, întrucât atestăm două deosebiri dintre obiectul material (imaterial) al infracțiunilor de spălare a banilor și obiectul material (imaterial) al infracțiunii de finanțare a terorismului: 1) obiectul material (imaterial) al infracțiunii de finanțare a terorismului îl reprezintă nu doar bunurile în sensul art. 132¹ CP RM, ci și serviciile financiare (de exemplu: acordarea de credite; împrumutarea de fonduri; cumpărarea și vânzarea banilor; leasing financiar, etc.); 2) nu oricare bunuri în sensul art. 132¹ CP RM pot reprezenta obiectul material (imaterial) al infracțiunilor de spălare a banilor. Or, pe lângă caracteristicile indicate în art. 132¹ CP RM, mai atestăm una care permite deosebirea obiectului material (imaterial) al infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM de obiectul material (imaterial) al infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM. Astfel, din dispoziția art. 243 CP RM deducem că doar bunurile, care constituie venituri ilicite, pot reprezenta obiectul material (imaterial) al infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM.

Din definiția noțiunii „venituri ilicite” formulată în art. 3 al Legii nr. 190 din 26.07.2007 cu privire la prevenirea și combaterea spălării banilor și finanțării terorismului, reiese că prin „venituri ilicite” se au în vedere bunurile de origine infracțională. Doar astfel de bunuri pot constitui obiectul material (imaterial) al infracțiunilor prevăzute la art. 243 CP RM. În contrast, în dispoziția art. 279 CP RM,

la caracterizarea obiectului (imaterial) al infracțiunii, se utilizează sintagma „bunuri de orice natură dobândite prin orice mijloc”. În opinia lui O. D. Komarov și D. S. Kosinova, pe care o susținem, în cazul infracțiunii de finanțare a terorismului, sursele unei asemenea finanțări pot avea un caracter legal sau ilegal [1]. Astfel, obiectul material (imaterial) al infracțiunii specificate la art. 279 CP RM îl pot reprezenta fie bunurile de origine ilicită (infracțională, contravențională, delictuală etc.), fie bunurile de origine licită.

Bunurile de origine licită se pot exprima în donații în numerar sau în alte active către fundații sau organizații caritabile, partide politice ori alte organizații. De asemenea, astfel de bunuri pot consta în: cotizațiile de membri de organizații; veniturile obținute din vânzarea de publicații sau din operațiunile comerciale legale ale întreprinderilor deținute de organizațiile teroriste, etc. Th. J. Biersteker și S. E. Eckert consemnează că, de exemplu, veniturile obținute din activitatea legală a întreprinderilor lui Osama bin Laden în Sudan și din comercializarea legală a mierii în Yemen au constituit surse de finanțare a unor activități teroriste [2, p. 9].

În altă ordine de idei, finanțarea terorismului presupune mult mai des decât spălarea banilor recurgerea la transportul fizic al numerarului, aurului și a altor obiecte de valoare prin intermediul traseelor de contrabandă, dar și la sistemele neformale (alternative) de transfer de bani (de exemplu, la Hawala și Hundi). Astfel de sisteme se bazează pe încredere și pe asigurarea anonimatului, deoarece toate operațiunile de transfer nu se realizează pe hârtie sau cu instrumente financiare. În cadrul acestor înțelegeri bazate pe încredere, persoana X plătește o sumă unui broker care ordonă unui alt broker din țara beneficiară să plătească aceeași sumă persoanei Y. Aceasta din urmă folosește o parolă (pe care i-a comunicat-o persoana X) pentru a demonstra că este cel îndreptățit să primească banii. Astfel, nu există nicio înregistrare scrisă privind respectiva operațiune.

În alt context, R. Durrieu menționează despre recurgerea la „murdărirea” banilor în cazul finanțării terorismului. La un asemenea procedeu se recurge în cazul în care se acumulează bunuri de origine legală în cantități semnificative, iar păstrarea lor în lipsa unei justificări plauzibile ar putea atrage atenția autorităților de supraveghere [3]. Bineînțeles, un asemenea procedeu este de neconceput în cazul spălării banilor, presupunând o aspirație cu desăvârșire opusă a făptuitorului.

După O. D. Komarov și D. S. Kosinova, în cazul în care sursele de finanțare a terorismului au o origine infracțională, spălarea banilor și finanțarea terorismului pot forma un concurs ideal [1]. Excludem posibilitatea săvârșirii unei singure acțiuni (inacțiuni) care să întrunească elementele atât ale uneia dintre infracțiunile prevăzute la art. 243 CP RM, cât și ale infracțiunii specificate la art. 279 CP RM. Această imposibilitate își are cauza în destinațiile diferite ale entităților ce reprezintă obiectul material (imaterial) al infracțiunilor pe care le comparăm. Astfel, în ipoteza infracțiunilor prevăzute la art. 243 CP RM, bunurile care constituie venituri ilicite urmează a fi introduse în circuitul legal. Cât privește bunurile sau serviciile care reprezintă obiectul material (imaterial) al infracțiunii specificate la art. 279 CP RM, destinația acestora constă nu în introducerea lor în circuitul legal, dar în utilizarea lor: a) la organizarea, pregătirea ori comiterea unei infracțiuni cu caracter terorist; b) în orice scop, de către un grup criminal organizat, o organizație criminală sau de o persoană aparte care comite ori întreprinde tentative de comitere a unei infracțiuni cu caracter terorist sau care organizează, dirijează, se asociază, se înțelege în

prealabil, instigă sau participă în calitate de complice la comiterea acestei infracțiuni.

Din punctul de vedere a lui V. L. Kudreavțev, reieșind din sensul și logica componentelor de infracțiuni reunite sub denumirea marginală de spălare a banilor, efectuarea operațiunilor financiare în procesul de legalizare a veniturilor infracționale reprezintă un proces diametral opus finanțării unor activități infracționale. De aceea, spălarea banilor și finanțarea terorismului pot forma concurs doar în ipoteza unei origini diferite a bunurilor care constituie obiectul material (imaterial) al respectivelor infracțiuni [4]. Cel mai probabil, acest autor se referă la concursul real dintre infracțiunile prevăzute la art. 243 și 279 CP RM.

Nu considerăm posibil un asemenea concurs în cazul în care: 1) bunurile de origine licită reprezintă obiectul material (imaterial) al infracțiunii specificate la art. 279 CP RM. Într-un astfel de caz, nu este cu puțință comiterea ulterioară a spălării banilor, deoarece bunurile de origine licită nu pot constitui obiectul material (imaterial) al infracțiunilor prevăzute la art. 243 CP RM; 2) bunurile de origine infracțională reprezintă obiectul material (imaterial) al infracțiunii specificate la art. 279 CP RM. Aceste bunuri pot avea doar destinația stabilită în acest articol, astfel că nici într-un asemenea caz nu este cu puțință săvârșirea ulterioară a spălării banilor.

Concursul real este posibil doar în cazul în care finanțarea terorismului succede spălarea banilor. Sub acest aspect, suntem de acord cu V. V. Kustova care afirmă: concursul de infracțiuni este posibil dacă, după legalizarea veniturilor infracționale, acestea sunt folosite în vederea finanțării terorismului [5, p. 111]. În adevăr, beneficierea de veniturile infracționale, introduse în circuitul legal, constituie scopul final al infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM. Drept urmare, nu se exclude ca de astfel de venituri legalizate să beneficieze tocmai cei care finanțează terorismul.

Prin excelență, finanțarea terorismului constituie o infracțiune care susține activități infracționale viitoare, în timp ce spălarea banilor are loc după comiterea unei infracțiuni. În dispoziția art. 243 CP RM este utilizată sintagma „infracțiunea principală”. Prin aceasta se are în vedere că situația-premisă în cazul infracțiunilor prevăzute la art. 243 CP RM constă în existența unei infracțiuni principale care constituie sursa bunurilor care urmează a fi „spălate” în procesul de săvârșire a infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM. Condiționarea existenței infracțiunilor de spălare a banilor de săvârșirea anterioară a unei alte infracțiuni, din care provin bunurile respective, este o condiție obligatorie în vederea aplicării art. 243 CP RM. Pentru comparație, infracțiunea prevăzută la art. 279 CP RM presupune săvârșirea anterioară a unei alte infracțiuni doar în cazul în care obiectul material (imaterial) al finanțării terorismului îl reprezintă bunurile de origine infracțională. Așadar, condiționarea existenței infracțiunii de finanțare a terorismului de săvârșirea anterioară a unei alte infracțiuni, din care provin bunurile sau serviciile respective, nu este o condiție obligatorie în vederea aplicării art. 279 CP RM.

În încheiere, menționăm alte criterii de delimitare a infracțiunilor prevăzute la art. 243 și 279 CP RM:

1) obiectul juridic generic și obiectul juridic special (relațiile sociale cu privire la economia națională și, respectiv, relațiile sociale cu privire la sursa și proveniența licită, precum și la circulația corectă în operațiunile financiare a mijloacelor bănești, a bunurilor sau a veniturilor – în cazul infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM;

relațiile sociale cu privire la securitatea publică și ordinea publică și, respectiv, relațiile sociale cu privire la neadmiterea punerii la dispoziție sau a colectării bunurilor ori cu privire la neadmiterea prestării unor servicii financiare în vederea finanțării terorismului – în ipoteza infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM);

2) relevanța particularizării valorii bunurilor (sau serviciilor), care constituie obiectul material (imaterial) al infracțiunii, în planul: diferențierii răspunderii penale – în cazul infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM; individualizării pedepsei – în ipoteza infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM;

3) conținutul acțiunii prejudiciabile (convertirea sau transferul bunurilor; tănuirea sau deghizarea naturii, originii, amplasării, dispunerii, transmiterii, deplasării proprietății reale a bunurilor ori a drepturilor aferente; dobândirea, deținerea sau utilizarea bunurilor; participarea la orice asociere, înțelegere, complicitate prin acordarea de asistență, ajutor sau sfaturi în vederea comiterii acțiunilor prevăzute la lit. a)-c) art. 243 CP RM – în cazul infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM; punerea la dispoziție sau colectarea, prin orice metodă, direct sau indirect, a bunurilor de orice natură dobândite prin orice mijloc, ori prestarea unor servicii financiare – în ipoteza infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM);

4) caracterul obligativității scopului infracțiunii (în cazul infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM – întotdeauna obligatoriu; în ipoteza infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM – obligatoriu doar în ipoteza în care când făptuitorul are certitudinea că bunurile de orice natură, dobândite prin orice mijloc, sau serviciile financiare vor fi utilizate, în întregime sau parțial: a) la organizarea, pregătirea ori comiterea unei infracțiuni cu caracter terorist; b) de către un grup criminal organizat, o organizație criminală sau de o persoană aparte care comite ori întreprinde tentative de comitere a unei infracțiuni cu caracter terorist sau care organizează, dirijează, se asociază, se înțelege în prealabil, instigă sau participă în calitate de complice la comiterea acestei infracțiuni);

5) lipsa sau prezența unui scop secundar (lipsa scopului secundar – în cazul infracțiunii specificate la art. 279 CP RM; prezența scopului secundar (și anume – a scopului fie de a tănui sau a deghiza originea ilicită a bunurilor, fie de a ajuta orice persoană, implicată în comiterea infracțiunii principale, de a se sustrage de la consecințele juridice ale acestor acțiuni) – în ipoteza infracțiunilor prevăzute la art. 243 CP RM);

6) abordarea rolului juridic al făptuitorului în cazul participării la orice asociere, înțelegere, complicitate prin acordarea de asistență, ajutor sau sfaturi în vederea comiterii infracțiunii (ca activitate a autorului infracțiunii – în cazul infracțiunilor specificate la art. 243 CP RM; ca activitate a unui participant secundar – în ipoteza infracțiunii prevăzute la art. 279 CP RM), etc.

BIBLIOGRAFIE:

1. Комаров О. Д., Косінова Д. С. Об'єктивна сторона фінансування тероризму // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2015. – Вип. 1. – С. 378-387.
2. Biersteker Th. J., Eckert S. E. Countering the Financing of Terrorism. – London, New York: Routledge, 2007. – 344 p.
3. Durrieu R. Redefining Money Laundering and Financing of Terrorism. Disponibil: http://www.iae.edu.ar/pi/Documentos%20Investigacin/Research%20Seminars/New%20Definition%20of%20Money%20Laundering_RD.pdf

4. Кудрявцев В. Л. Уголовно-правовая ответственность за финансирование терроризма как одно из средств обеспечения укрепления экономического правопорядка // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка. Материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 1 марта 2012 г.) / Под ред. А. В. Козлова, П. Н. Панченко. – Нижний Новгород: НИУ ВШЭ, 2012, С. 186-194.
5. Кустова В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2016. – 206 с.

УДК 334.01 (575.2)

Тагаев Нурдин Амшыбекович
Институт философии и политико-правовых исследований
Национальной Академии Наук Кыргызской Республики
(Бишкек, Кыргызская Республика)

ТАМОЖЕННЫЕ ОРГАНЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В данной статье рассмотрены понятие и сущность правоохранительной деятельности таможенных органов в современных условиях. Автор на основе ретроспективного анализа возникновения и развития правоохранительной деятельности таможенных органов раскрывает особенности реализации различных направлений правоохранительной деятельности таможенных органов Кыргызской Республики.

Автором обращается особое внимание раскрытию статуса таможенных органов, как органов наравне с др. правоохранительными органами, осуществляющих предупреждение преступлений и правонарушений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; таможенные органы; предупреждение преступлений и правонарушений; таможенная деятельность; таможенные пошлины; таможенная граница.

Tagayev Nurdin Shamshybekovich
Institute of philosophy and political and legal researches
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF BODIES EXERCISING ENFORCEMENT ACTIVITIES

Annotation: this article discusses the concept and essence of law enforcement, customs authorities in modern conditions. The author based on a retrospective analysis of the emergence and development of law enforcement, customs authorities disclose the characteristics of the implementation of the different areas of law enforcement of customs bodies of the Kyrgyz Republic. The author emphasizes disclosure of customs status as bodies on an equal basis with others. law enforcement authorities to prevent crimes and offences.

Key words: law enforcement; Customs authorities; Prevention of crimes and offences; Customs; Customs duties; customs border.

В современных условиях Кыргызская Республика, как и многие др. государства СНГ разрабатывает и внедряет механизмы влияния на различные процессы повседневной жизнедеятельности в целях их регулирования. При этом создание законодательной и иной нормативной

правовой базы является основным элементом такого регулирования, обеспечивая платформу последующих государственных властных действий.

А.М. Артемьев, рассматривая вопросы о месте государственной правоохранительной службы в системе деятельности государства, делает интересный, на наш взгляд, вывод о том, во-первых, что сущностью деятельности государства является то, что она носит правовой характер [1, с. 63 - 65]. Это значит, что правоохранительная служба является не только областью деятельности государства, но и ее имманентной и универсальной формой. И во-вторых, деятельность государства в любой форме и в любой сфере может осуществляться только посредством специально создаваемых органов, наделенных необходимой компетенцией, поэтому не только организация и функции государственных органов должны адекватно отражать специфику вида государственной деятельности, ради которой эти органы созданы, но и характер, структура, функции и организационные средства, сложившиеся в конкретном органе, в дальнейшем определяют содержание и направленность его деятельности.

Ключевым фактором, определяющим правоохранительную деятельность отдельно взятой страны является правовая концепция деятельности всего государства. Именно она предопределяет характерную, неотъемлемую и в то же время всеобъемлющую деятельность государства по обеспечению такого его состояния, которое было бы желательным и необходимым во всех проявлениях государственного регулирования в целях обеспечения качественного состояния законности и правопорядка.

Таким образом, под *правоохранительной деятельностью* следует понимать основанную на законе деятельность государства, осуществляемую через уполномоченные им несудебные государственные органы, наделенные полномочиями применения принудительных мер воздействия в отношении субъектов права, не состоящих в отношениях подчинения, направленную на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и исследование правонарушений в публично-правовой сфере и привлечение к ответственности виновных лиц, их совершивших, в установленном законом порядке. При этом критерием отделения правоохранительной деятельности от иной правовой деятельности государства является властная юридическая природа их деятельности, обусловленная невозможностью человека и гражданина, а также различных организаций самостоятельными действиями восстановить свои права, а следовательно, в таких условиях властное вмешательство уполномоченного несудебного государственного органа неизбежно.

Определение понятия «правоохранительные органы» в юридической литературе является дискуссионным, что связано, в основном, с их функциями, т.е. какие государственные и негосударственные структуры следует относить к правоохранительным органам, а какие не следует. В законодательстве нет специально сформулированного понятия «правоохранительные органы». Этот термин применяется в различных документах для обозначения государственных органов, на которых возложена обязанность осуществления правоохранной деятельности (например, «Положение о координации деятельности правоохранительных органов Кыргызской Республики» утверждено постановлением Правительства КР от 20

июля 2007 года № 276), а также в документах ненормативного характера.

Деятельность правоохранительных органов характеризуется следующими признаками:

– правоохранительные органы начинают деятельность только при наличии обращения физических и юридических лиц или иных поводов, оснований, предусмотренных в законе;

– правоохранительные органы осуществляют свою деятельность строго в соответствии с законом, а в некоторых случаях – и в определенной процессуальной форме;

– правоохранительную деятельность могут осуществлять только лица, состоящие на службе в правоохранительных органах или имеющие специальное разрешение (лицензию);

– правоохранительная деятельность осуществляется только с помощью применения юридических мер воздействия (меры государственного принуждения и взыскания);

В свою очередь *таможенный орган* - это орган исполнительной власти, уполномоченный в области таможенного дела, наделенный властными полномочиями, действующий от имени государства и реализующий возложенные на него задачи и функции в пределах таможенной территории и таможенной границы с помощью присущих ему форм и методов.

От наличия или отсутствия функции зависит наличие или отсутствие соответствующего правоохранительного органа; выполняемой функцией определяется место правоохранительных органов в системе органов власти и управления.

Научное исследование различных аспектов функционирования государственной службы представляет сегодня как теоретический, так и практический интерес [2].

Специалисты отмечают недостаточность существующего уровня теоретической и практической разработанности данной проблематики. Как отметил В.М. Манохин: «Все особенности государственной службы происходят из того, что она именно государственная, то есть создается и организуется государством, им регулируется посредством законодательства, а лица, находящиеся на государственной службе, обеспечивают выполнение государственных полномочий» [3, с. 131].

По нашему мнению, эти функции реализуются через конкретные полномочия, которые закреплены либо за конкретными органами и должностными лицами, либо за республикой в целом. При этом, как уже отмечалось выше, не все государственные служащие непосредственно реализуют указанные полномочия, а некоторые лишь обеспечивают их реализацию. Принципиально также то, что, осуществляя свою деятельность, государственные служащие выступают непосредственными представителями государства, действуют от его имени и по его поручению.

Как справедливо отмечает Ю.Н. Стариков, собственно вся деятельность органов исполнительной власти в широком смысле направлена на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. В таком случае любую государственно-служебную деятельность можно в широком смысле этого слова назвать правоохранительной службой. Однако, несмотря

на это, например, профессиональную деятельность гражданских служащих не принято относить к правоохранительной службе [4, с. 20].

Здесь надо сказать, что в отечественной правовой научной литературе нередко подчеркивается специальный (особый) характер государственной правоохранительной службы (наряду с военной службой). Так, П.П. Сергун в своем диссертационном исследовании обоснованно подчеркивает, что «государственная служба может быть общего и специального характера; общий характер служебных отношений проявляется в межотраслевом аспекте, когда государственно-служебные функции реализуются через устоявшиеся общие стандарты и подходы, имеющие отношение ко всем сферам деятельности, а служебные отношения специального характера носят выраженную отраслевую направленность, которая проявляется через профессиональную деятельность государственных служащих» [5, с. 12].

По мнению А.Ф. Ноздрачева, для всех специальных видов государственной службы, включая и правоохранительную службу, в основном характерны следующие специфические признаки: особенности функций и задач; наличие особых организационно-правовых принципов; специфика условий прохождения службы, в особенности наличие риска при исполнении должностных полномочий; наличие специфики непосредственно профессиональной деятельности; специфические служебные обязанности (например, обеспечение безопасности граждан и установленного порядка управления, защита жизни и здоровья людей, охрана общественного порядка и правопорядка и т.п.); особые дисциплинарные акты (уставы, положения), учитывающие специфику должностных обязанностей и условий прохождения службы; специфические условия и порядок приема на службу, ее прохождения, присвоения специальных званий, проведение испытательного срока, аттестации, прекращения службы; особый статус государственных служащих с четко определенным кругом прав и обязанностей, который закрепляется административно-правовыми актами; особый порядок привлечения к некоторым видам юридической ответственности (прежде всего административной и материальной); специальное обеспечение (денежное содержание, социальные льготы, форменная одежда, знаки различия и т.п.) [6, с. 53].

В.П. Иванов справедливо отмечает, что одним из действенных средств решения проблем социально-политического и экономического развития в современных условиях является регулятивно-охранительное воздействие государства на территориальные общности населения, его социальные слои и группы в целях формирования благоприятных условий их жизнедеятельности, противодействия политическому и религиозному экстремизму, этносепаратизму и их последствиям - социальным, межэтническим и религиозным конфликтам, терроризму [7, с. 13 - 14].

Функция предупреждения преступлений и иных правонарушений занимает особое место. Среди правоохранительных органов нет такого, который был бы специально создан для ее реализации. Данную функцию обязаны выполнять, по существу, все без исключения правоохранительные органы. Дело в том, что осуществление любой другой функции так или иначе, в конечном счете, служит предупреждению преступлений и иных правонарушений. Но это не исключает, а наоборот, предполагает

целенаправленные действия правоохранительных органов для реализации этой функции наряду с той функцией, которая является основной.

Таможенная правоохранительная деятельность – сложное комплексное понятие, она теснейшим образом связана с внешней и внутренней политикой Кыргызской Республики. В процессе ее осуществления реализуются две цели: экономическая и правоохранительная.

Экономические цели таможенной деятельности связаны с осуществлением фискальной и регулятивной функции таможенного дела. Фискальная функция направлена на пополнение доходной части государственного бюджета за счет взимания таможенных платежей (пошлин, налогов, сборов и т.п.), так как таможенные сборы способствуют пополнению государственного бюджета, стимулируют развитие экономики, науки, культуры, социальной сферы. По данным Министерства финансов до 35% ежегодного бюджета республики формируется за счет таможенных поступлений.

Регулятивная функция призвана посредством установления таможенных тарифов, ограничений, лицензирования, квотирования стимулировать развитие экономики страны (защищать отечественный рынок, обеспечивать привлечение иностранных инвестиций и т.д.).

Правоохранительные цели направлены на обеспечение безопасности страны (защиту ее государственной безопасности, общественного порядка, нравственности населения, жизни и здоровья людей), охрану флоры и фауны, окружающей природной среды. Защиту интересов отечественных потребителей ввозимых товаров; пресечение незаконного оборота наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2008. С. 63 – 65.
2. Спектор А.А., Туманов Э.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (постатейный) – М.: «ЮРКОМПАНИ», 2009 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. - М.: Юрист, 2002. С. 131.
4. Стариков Ю.Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 20.
5. Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: Дис.... докт. юрид. наук. - М., 1998. С. 12.
6. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учеб. для подготовки государственных служащих. - М., 1999. С. 53.
7. Иванов В.П. Юридический механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации (конституционно-правовые и организационные проблемы формирования и реализации). Автореф. дисс.... д-ра юрид. наук. - М: МосУ МВД России, 2006, С. 13-14.

УДК 343.98

Вехов Виталий Борисович
Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана
(Москва, Россия)

**КОМПЛЕКТАЦИЯ ПЕРЕДВИЖНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ ДЛЯ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ
В «ПОЛЕВЫХ» УСЛОВИЯХ**

Аннотация. В статье исследуются актуальные теоретические и прикладные проблемы, связанные с обнаружением, фиксацией, предварительным исследованием и изъятием электронных доказательств в ходе следственных действий. Для их решения предлагается использовать помощь компетентных специалистов и специализированные передвижные криминалистические лаборатории. Приводится примерный перечень криминалистических и программно-технических средств, которыми должны быть укомплектованы эти лаборатории.

Ключевые слова: передвижная криминалистическая лаборатория, электронные доказательства, автоматизированное рабочее место эксперта.

Vekhov Vitaliy B
Bauman Moscow State Technical University
(Moscow, Russia)

**COMPLETE SET OF MOBILE CRIMINALISTIC LABORATORY FOR WORK WITH
ELECTRONIC EVIDENCE IN «FIELD» CONDITIONS**

Abstract. The article explores topical theoretical and applied problems related to the detection, fixation, preliminary investigation and seizure of electronic evidence in the course of investigative actions. To solve them, it is proposed to use the help of competent specialists and specialized mobile forensic laboratories. An approximate list of forensic and software-technical means is provided, which should be completed by these laboratories.

Keywords: mobile forensic laboratory, electronic evidence, automated expert workplace.

Известно, что электронные следы – различные виды электронных носителей и содержащейся в их памяти компьютерной информации все чаще используются в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов. Наиболее важное место среди них занимают электронные мобильные устройства как по частоте встречаемости в оперативно-следственной и судебно-экспертной практике, так и по количеству и информативности сведений, на основе которых дознаватель, следователь, прокурор, суд в определенном уголовно-процессуальном законом порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1].

Постоянное увеличение числа электронных мобильных устройств, SIM-карт и карт памяти, используемых в качестве вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов [2, с. 23-24], возрастание объема и информативности содержащейся в их памяти криминалистически значимой компьютерной информации, а также наличие в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве норм, регламентирующих обязательное участие специалиста при производстве отдельных процессуальных действий, связанных с ее копированием и изъятием электронных носителей [3], обусловили возникновение в практике деятельности органов предварительного расследования ряда проблем, из которых выделим следующие.

1. Недостаточная доступность для сотрудников органов дознания, дознавателей и следователей компетентных специалистов, способных плодотворно работать с доказательствами рассматриваемой категории, по причине их малой численности.

2. В отличие от исследования традиционных объектов судебной компьютерной экспертизы, получение доказательственной информации из памяти электронных мобильных устройств, SIM-карт и карт памяти обладает определенной спецификой, связанной с конструктивными и программно-техническими особенностями их строения. Зачастую, при исследовании данных, содержащихся в их памяти, у специалистов и экспертов возникают проблемы в правильном подборе инструментальных средств, определении алгоритма исследований, формулировании вопросов и выводов [4, с. 297].

3. Недостаточная обеспеченность специалистов и экспертов современными технико-криминалистическими средствами и методическими рекомендациями по обнаружению, фиксации, изъятию, предварительному и судебно-экспертному исследованию названных электронных следов.

В условиях дефицита денежных средств, выделяемых федеральным бюджетом на технико-криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, оптимальным вариантом решения названных проблем, по нашему мнению, является создание передвижных криминалистических лабораторий (далее – ПКЛ) по работе с данными следами (по аналогии с уже существующими пожаротехническими, взрывотехническими, автотехническими и другими специализированными ПКЛ, которые уже многие десятки лет эффективно используются экспертно-криминалистическими подразделениями правоохранительных органов).

К сожалению, в настоящее время на рынке отсутствуют какие-либо предложения о продаже готовых универсальных либо о комплектовании по требованию заказчика на предоставляемой им мобильной платформе уникальных ПКЛ по работе с электронными доказательствами в «полевых» условиях. Целесообразно, чтобы они были укомплектованы следующими средствами [1, с. 15-16]:

1) автоматизированное рабочее место специалиста (эксперта) в области компьютерной информации (далее – АРМ), состоящее из персонального компьютера с установленным лицензионным программным обеспечением (общего и специального – исследовательского назначения), многофункционального устройства (принтер-сканер-копир), бесперебойного источника электропитания, а также средства связи, обеспечивающего

высокоскоростной доступ к ресурсам информационно-телекоммуникационной сети Интернет на месте производства процессуального действия;

2) приборы и комплексы для обнаружения видеокамер, в том числе скрытно установленных (в целях быстрого обнаружения места нахождения видеорегистрирующего или записывающего устройства с последующим копированием из его памяти криминалистически значимой информации либо изъятием электронного носителя, содержащего такую информацию);

3) универсальные программно-аппаратные комплексы (далее – ПАК) типа Мобильный криминалист, XRY, MOBILedit, UFED, EnCase Forensic Edition и др.;

4) специализированные программные средства [5, с. 45-47]:

– для поиска, мониторинга и анализа криминалистически значимой компьютерной информации (i2 Analyst's, REMnux, PALADIN Forensic Suite, Cooqoo Sandbox и др.), которые позволяют проводить анализ вредоносных компьютерных программ и иных нестандартных файлов, создание криминалистических копий информации из оперативной памяти запоминающих устройств и сетевого трафика;

– для создания криминалистической копии (образа) машинного носителя информации (утилиты dd и dc3dd для операционных систем (далее – ОС) UNIX; компьютерные программы FTK Imager, EnCase Forensic Imager или Redline для ОС Windows; Belkasoft Evidence Center для ОС Windows, Linux, MacOS, iOS, Android, Windows Phone, Blackberry систем; The Sleuth Kit для ОС Windows, MacOS, Linux, Solaris, OpenBSD, FreeBSD систем);

– для копирования информации из оперативной памяти компьютерных устройств (FTK Imager, Redline, MoonSols Windows Memory Toolkit и Memoryze для ОС Windows; Belkasoft Evidence Center для ОС Windows, Linux, MacOS, iOS, Android, Windows Phone, Blackberry систем; Memoryze для MacOS систем; dff для ОС Windows и Linux);

– для получения криминалистически значимых сведений об операционных системах, открытых файлах и о сетевых соединениях (набор утилит Sysinternals);

– для получения данных об атрибутах и структуре файлов операционной системы (Belkasoft Evidence Center для ОС Windows, Linux, MacOS, iOS, Android, Windows Phone, Blackberry систем; The Sleuth Kit для ОС Windows, MacOS, Linux, Solaris, OpenBSD, FreeBSD систем);

– для криминалистического анализа: исполняемых файлов (packerid, rescanner, exescan, PEiD, PeStudio, CFF Explorer); PDF-файлов (PeePDF, PDFiD, AnalyzePDF, pdfextract, pdfwalker, pyew, pdf-parser, pdf.py, pdfsh, Malzilla); файлов MS Office (OfficeMalScanner, Offvis, peOLEScanner); графических файлов (Photo Investigator, Adroit Photo Forensics, Exiftool); протоколов (журналов) регистрации Web-серверов и прокси-серверов (Log Analysis Tool Kit); сетевого трафика (tcpdump и Wireshark для ОС Windows или Linux, Network Miner и Foremost для ОС Linux); беспроводных сетей (Kismet для ОС Linux); высокопроизводительных сетей (ntop для ОС Windows, Linux и MacOS); SSL/TLS-трафика (ssldump);

– для визуализации сетевых соединений и геолокации IP-адресов – DINO;

5) бесперебойные универсальные источники электропитания с комплектом соединительных проводов для обеспечения сохранности доказательственной информации, содержащейся в энергозависимой (оперативной) памяти компьютерных устройств, находящихся во включенном состоянии на момент производства следственного действия;

6) комплект соединительных кабелей и коммутационных переходников, Bluetooth-адаптер, Wi-Fi-адаптер, ИК-адаптер, которые позволяют подключить различные виды электронных мобильных устройств к АРМу и ПАКам для исследования и извлечения криминалистически значимой компьютерной информации;

7) устройства для чтения информации с исследуемых SIM-карт и карт памяти, а также для ее записи на другие SIM-карты и карты памяти;

8) комплект SIM-карт различных операторов сотовой электросвязи, как зарегистрированных, так и незарегистрированных;

9) комплект пустых (свободных от какой-либо информации) SIM-карт, карт памяти, компакт дисков и других съемных электронных носителей информации;

10) комплект заведомо работоспособных электронных мобильных устройств различных видов;

11) ПАК для исследования информации, находящейся в памяти платежных карт (банковских, проездных, социальных, медицинского страхования), оборудованный устройствами контактного и бесконтактного считывания информации с магнитной полосы и (или) интегральной микросхемы;

12) устройства для блокирования регистрации работающих мобильных электронных устройств, подвергающихся исследованию, в сетях сотовой электросвязи и Интернет;

13) оборудование для сушки исследуемых объектов;

14) цифровая видеокамера и принадлежности к ней, в том числе позволяющие работать с ней в составе АРМ;

15) наборы для упаковки электронных носителей информации разных видов, включающие контейнеры и мешки фарадея, металлизированные полимерные пакеты для безопасного хранения магнитных носителей информации и др.;

16) наборы радио- и электромонтажных инструментов;

17) средства, материалы и химические препараты для пайки электрических проводников, в том числе контактных разъемов;

18) универсальные радиотехнические индикаторы, щупы и другие контрольно-измерительные приборы;

19) средства для работы с техническими устройствами, которые чувствительны к электростатическим разрядам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Вехов В.Б. Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств / В.Б. Вехов, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза, 2016. – № 4 (48). – С. 8-16.

2. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): метод. рекомендации. – М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. – 52 с.
3. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь, 2013. № 10. – С. 22-24.
4. Тушканова О.В. О типовой методике исследования информации в мобильных телефонах // Библиотека криминалиста, 2013. – № 5. – С. 297-299.
5. Стандарт Центрального Банка Российской Федерации СТО БР ИББС-1.3-2016 «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Сбор и анализ технических данных при реагировании на инциденты информационной безопасности при осуществлении переводов денежных средств» (принят и введен в действие с 01.01.2017 приказом Центрального Банка Российской Федерации от 30.11.2016 № ОД-4234): официальное издание. – М.: Банк России, 2017. – 49 с.

Газаев Асхат Ибрагимович, Кунтуганкызы Айнур,
Сугирбеков Серик Избасарович
Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати
(Тараз, Казахстан)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОБУЖДЕНИЯ К СУИЦИДУ

Аннотация. *Статья отражает действительный запрос общества на решение такой серьезной проблемы, как склонение к суициду несовершеннолетних, которые в силу возраста не обладают достаточно развитым критическим мышлением и не способны распознать надвигающуюся угрозу со стороны злоумышленника.*

Ключевые слова: *Преступность, суицид, склонение к суициду, призыв к совершению самоубийства, побуждение к суициду.*

*Aschat Gazayev, Ainur Kuntugankyzy, Serik Sugirbekov
M.Kh. Dulaty Taraz State University
(Taraz, Kazakhstan)*

PROBLEMS OF LEGAL ESTIMATION OF EXCITATION TO SUICIDES

Abstract. *The article reflects the public's real request to address such a serious problem as the suicide of minors who, by virtue of their age, do not have sufficiently developed critical thinking and are unable to recognize the impending threat from the attacker.*

Keywords: *Crime, suicide, decline suicide, call for suicide, inducement for suicide.*

В последнее десятилетие внимание социологов, психологов, психиатров и юристов многих стран мира привлекает проблема самоубийств.

По выражению Э. Дюркгейма, суицид демократичен и характерен для всех слоев общества. С другой стороны, суицидальный феномен представляет собой «статистически устойчивое социальное явление, распространенность которого подчиняется определенным закономерностям, связанным с социально-экономическими, культурно-историческими и этническими условиями развития как государств, так и их отдельных регионов» [1].

По ее мнению А.Г. Амбрумовой, суицид у депрессивных больных рассматривается как многофакторное явление, в генезе которого большое значение имеет взаимосвязь средовых воздействий, социально-психологических структур личности, которые составляют основы социализации индивидуума, а также психопатологических симптомов [2].

От самоубийств погибают лица разного возраста, пола, профессий, образовательного и культурного уровня. Увеличение количества суицидов и покушений на самоубийство, происходящее в большинстве стран мира, отрицательно сказывается на состоянии экономики, общественного порядка, нравственных и духовных устоях. Самоубийства являются одной из

острейших проблем современного общества. Они занимают ведущее место среди причин смертности трудоспособного населения и сохраняют тенденцию роста в ряде государств мира.

В 2017 году Центр по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной Прокуратуре обнародовал данные, согласно которым Казахстан занимает не последнее место в СНГ по количеству детских суицидов. Всего в 2016 году в Казахстане совершено 293 фактов суицида. Из них мужского пола 238 и женского пола 55. В том числе несовершеннолетними (до 18 лет): полная семья – 12, неполная семья – 5, дети, оставшиеся без попечения родителей, в том числе дети-сироты – 1. По 148 фактам неустановлены факторы, предшествовавшие суицидальному поведению [3].

Основной причиной сложившейся ситуации было официально названо пагубное влияние Интернета на сформировавшуюся подростковую психику. Чаще всего совершали самоубийства не дети, имевшие существенные социально-психологические, материальные проблемы, а именно жертвы жестокой пропаганды.

Результаты расследований подтвердили, что самоубийства среди подростков зачастую обусловлены их общением в Интернете. Множество закрытых групп в социальных сетях буквально заманивает в свои сообщества школьников, внушая им мысли о собственной никчемности, недостойности для окружающего мира и бессмысленности дальнейшего существования, а также активно освещает многочисленные случаи самоубийств среди их ровесников.

Существенной проблемой в пресечении деятельности опасных информресурсов остается весьма слабая система санкций, действующих в отношении лиц, подстрекающих к самоубийству.

Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает ответственность только за «доведение до самоубийства», совершенное путем угрозы, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. В то же время законодательство большинства стран Европейского Союза рассматривает не только «доведение до самоубийства», но и подстрекательство и пособничество в самоубийстве как уголовно-наказуемые деяния, выделенные в отдельный состав преступления.

В частности, уголовная ответственность за подстрекательство и пособничество в самоубийстве предусмотрена в Австрии, Алжире, Аргентине, Бразилии, Великобритании, Венесуэле, Испании, Италии, Канаде, Швейцарии, Франции.

На основании изложенного, мы предлагаем дополнить Уголовный кодекс Республики Казахстан новыми статьями «Склонение к самоубийству и содействие совершению самоубийства», «Организация деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства», «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Устанавливается, что склонение лица или группы лиц к самоубийству путем уговора, подкупа, обмана, предоставления информации, направленной на формирование привлекательного восприятия самоубийства, в том числе содержащейся в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, а также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением средств и орудий совершения самоубийства, а равно

совершение указанных действий в отношении неопределенного круга лиц, необходимо привлекат к уголовной ответственности.

Сказанное подтверждает актуальность данной темы, позволяющего выработать определенную концепцию, направленную на выявление и предупреждение в целом девиантных проявлений в обществе, имеющих в своей основе общие предпосылки и причины возникновения.

Таким образом, предупреждение самоубийств представляет собой весьма непростую, но выполнимую комплексную задачу, решение которой возможно при взаимодействии различных структур общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. // С-Пб.: Союз, 1978.
2. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения. // В сб.: Актуальные проблемы суицидологии.- М., 1978.
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РК. pravstat.kz

УДК 34. 00

Мәсәлімқызы Меруерт
Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы
Алматы академиясы
Жоғары оқу орнынан кейінгі және қосымша білім беру институты
(Алматы, Қазақстан)

ШЕТЕЛДЕ ЖЕҢІЛДЕТІЛГЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАЗА ИНСТИТУТЫНЫҢ ТҮСІНІГІ

Аннотация: Қылмыстық жазаны жеңілдету шет елде үлкен мағына беретін іс ретінде қарайды. Жәнеде ол істі жауапсыз қалдырмайды. Дамыған мемлекеттерде жеңілдетілген қылмыстық жаза қолданылады, себелі ол мемлекетке пайдалы.

Түйін сөздер: қылмыс, жаза, мемлекет, қоғам, тәрбие, түрме, бостандық, заң.

Massalimkyzy Meruyert
Ministry of interior of the Republic of Kazakhstan M. Ispolatov,
Almaty Academy name and postgraduate
Institute of further education
(Almaty Kazakhstan)

THE CONCEPT OF THE INSTITUTION OF SIMPLIFIED CRIMINAL PUNISHMENT ABROAD

Annotation: Great value, as abroad, is considering a criminal case in mitigation of punishment. He leaves without an answer. In developed countries apply preferential to criminal punishment, Sebel useful to the state.

Keywords: crime, punishment, state, society, education, prison, freedom, law.

Қазіргі уақытта көптеген мемлекеттер қылмыс жасаған тұлғаға жазаның жеңілдетілген түрін қолданып жатыр. Бұл қазіргі кезде ауқымды шара деп айтсақ болады. Отандық және шет елдердің зерттеушілері бас бостандығынан айыру жазасының қатал екендігін ескере отырып, оның орнына балама шара жолдарын іздестіруде және бұл мақсат бойынша сотталғандарды үнемі бақылауды іске асыра алатын кейбір жаңаша тәсілдер қолданыла бастады. Бас бостандығынан айыру жазасына балама басқа жаза шараларын: бостандығын шектеу, соның ішінде электронды бақылауды қолдану, қоғамдық жұмыстарға тарту, Англия мен Уэльстегідей «құрама бұйрық» - қоғамдық жұмыстар мен пробацияның қиюласуы қазір кеңінен қолданыла бастады және бұған көп елдердің мүмкіндігі де бар.

Батыс Европа, Австралия, Канада, Жапония елдерінде қысқа мерзімдерге бас бостандығынан айыру жазасын қолдану кеңінен етек алған. Барлық жағдайларда бас бостандығынан айыру 2-3 жылға дейін, яғни сотталғанның психикасы өзгерістерге ұшырамайтын кездерге дейін қолданылады.

АҚШ-тың сотталғандарды түзеу қызметінде қолданылатын жазалардың жаңа түрлеріне назар аударуға тұрарлық. Мемлекетте ең танымал шаралардың бірі болып жанамалы санкциялар деп аталатын шаралар қолданылады. Олардың қатарына жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру, электрондық мониторингпен үйде қамауда ұстау, қатардағы түзеу лагерлері, жеке түрмелер жатады.

Жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру – АҚШ-та ең көп қолданылатын жазаның түрі. Барлық сотталғандардың 2/3 бөлігі жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру режиміне орналастырылған. Алайда, ауыр қылмыс жасаған қылмыскерлерге және қылмыскерлердің кейбір басқа да санаттарына бұл жазаның түрін қолдану тиімсіз болып табылады. Нақтылы жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру 1982 жылы қабылданылып, сынақтан өткізіліп, практикаға кеңінен енгізілді, оны АҚШ-тың барлық жерлерінде қолдана бастады [1, б. 140].

М.Ф. Гета: «Жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру сияқты шаралар қазіргі заманғы құқық картасында кеңінен тарап, өзінің ежелгі тарихи отаны – Ұлыбританияның шегінен асып кетті. Бұл шаралар АҚШ, Франция, Германия, Скандинавия мемлекеттерінде, Польша, Чехия, Венгрияда пайдаланылуда. Сондай-ақ ол Эстония мен Латвияда белсенді дамып жатса, Қырғыз Республикасында бұл мәселе жөнінде маңызды қадамдар жасалынуда» - дейді [2, б. 109].

1951 жылы Біріккен Ұлттар Ұйымының Экономикалық және Әлеуметтік Кеңесі нақтылы жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру шарасы бас бостандығына сотталған құқық бұзушыларға қадағалау жасаумен қоса, жазаның атқарылуын шартты түрде кейінге қалдыру ретінде белгілеген. Жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстырудың негізгі мақсаты жай қадағалау және оны қадағалау қызметінде есепте тұратын сотталушының жүріс-тұрысына бақылау қоюмен ғана емес, оған жоспарлы түрде көрсетілетін әлеуметтік көмек деп санау керек.

Жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру шарасының кеңінен қолданылуы, қоғамдық санкцияларды қолдану жөніндегі Еуропалық ережеге сәйкес, қоғамдық санкцияларды және шараларды қолдану - құқық бұзушының бойында тұтас алғанда қоғам және жәбірленуші алдындағы жауапкершілік сезімінің дамуына бағытталуға тиіс. Осы ережеде қоғамдық жазалар және шаралар құқық бұзушы үшін максималды пайдалы болу керектігі, жазаланушының әлеуметтік өсуіне ықпал жасап, оның қоғамдағы өмірге ойдағыдай бейімделу сезімін қалыптастыратындай тәрбиелеу қажеттілігі көрсетілген.

М.Ф. Гета нақтылы жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру шарасы негізінде құқық бұзушының түзелуіне және бостандықтағы өмірде қолданылатын машықтарын қалпына келтіру, қылмыс құрбандарының бұзылған құқықтарын қорғау, әлеуметтік теңдікті және қоғамдағы тәртіпті қамтамасыз ету сияқты мақсаттарын бөліп шығаруға болады деп санайды [2, б. 111]. Осыған байланысты Қазақстан Республикасында да нақты жазаны қарқынды қадағалаумен ауыстыру шарасын қолдануды іске асыру үшін негізгі жағдайлары жасалды деп айтуға негіз бар. Балама жазалардың санаулы түрлерінен оларды іске асырудың тиімді механизімін көздейтін сапалы құрылымдарына өту қажет.

Электрондық мониторингпен үйде қамауда ұстау шарасы.

Үйде қамауда ұстауды қолдану практикасының тамыры терең тарих қойнауына кетеді, бұл жерде жаңалық, тек электрондық мониторинг болып табылады. Бірінші рет ол 1984 жылы Ұлыбританияда қолданылған. Қазіргі уақытта ол АҚШ-тың барлық штаттарында және федералдық деңгейде қолданылуда. Күн сайын АҚШ-та электрондық мониторингтен 12 ден 14000 дейін сотталушы қадағалаудан өтеді. Электрондық мониторинг қолданылу кезінде үйде қамауда ұсталынып отырған сотталушы жұмысына, дүкенге, емханаға және т.б. жерлерге кедергісіз бара алады. Сонымен қатар, ол белгілі бір уақытта үйіне қайтып оралуға міндетті. Сотталушының аяғына және қолына темекінің қорабындай болатын білезіктер кигізіледі, олардан берілетін сигналдар телефондық аппаратқа орнатылған арнайы жабдық арқылы бақылау пунктіне түседі. Біздің республикамыздағы қылмыстылықпен күрестің теориясы мен практикасының даму жағдайында АҚШ-та осындай қолданылып отырған жазаның жаңа түрлеріне назар аударуға болады.

Жаза жүйесін жетілдірудің келесі бір тәсілі, «қылмыскер-жәбірленуші» арасын реттеуге байланысты деп санаймыз.

Соңғы кезде «қылмыскер-жәбірленуші» қатынасын реттейтін қылмыстық юстиция емес, «қайтарымсыз юстициядан» оған баламалы, қаппына келтіретін юстицияны қалыптастыру мен дамыту жөніндегі ұсыныстар табыны түрде қойылып келуде. Бұл стратегияның мағынасы мүдделі емес делдалдың көмегімен жәбірленуші мен қылмыскердің арасындағы қатынасты реттеуден тұрады. Көптеген жағдайларда жәбірленуші кінәліні түрмеге отырғызудан гөрі, келтірілген залалдың тез арада нақты өндірілгеніне мүдделі. Ал осы қылмысты жасаған адам түрмеге барғаннан гөрі залалды тезірек өндіруге әрқашан да дайын тұрады. Мұндай «қылмыскер-жәбірленуші» арасындағы мәселені шешу практикасы ақсақалдар алқасының беделі күшті елдерде іс жүзінде қолданылады және біртіндеп басқа да мемлекеттердің тәжірибесіне енгізіліп келеді.

Бұл туралы АҚШ Ұлттық Комиссиясының қылмыстық юстиция бойынша баяндамасында нақты айтылады: күн тәртібіне қойылған қылмыстық саясаттағы «соғыстан» «бейбітшілікке» көшіп, түрмеге қамауды төмендетіп, қоғамдық ортада түзетуге көп көңіл бөлуді мәселе етіп қойған [1, б. 143].

Мұндай жәбірленуші мен қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адамның арасындағы қатынасты реттеу тәсілі қазақстандық қылмыстық жауаптылық практикасына медиация институты ретінде 28.01.2011 N 401-IV заңымен енгізілді. Медиацияны аталған заңның 1 бабы бойынша маңызы ауыр емес, орташа ауыр қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша ғана қолдануға болады және мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет мүдделеріне қарсы қылмысты әрекеттерге, сонымен қатар сыбайлас жемқорлықпен жасалған құқық бұзушылықтарға қолданылмайды.

Медиация - азаматтық, от басылық, еңбек, қылмыстық қатынастар бойынша қолданылатындықтан жаза ретінде қарастырылмайды және мағынасы бойынша қылмыстық істерде жәбірленуші мен кінәлі адамды татуластырудың мағынасын білдіреді. Ал егер қылмыстық істердегі мазмұнын ескере отырып айтатын болсақ, онда медиация қазақ дәстүрлі құқығындағы айып төлеу институтына сәйкес келеді. Айып немесе құн төлеттіру арқылы тараптарды татуластыру қазақ әдет-ғұрып құқығындағы жауаптылықты

қолданудың басты түрі ғана емес, ол билер сотының да басты мақсаты болып саналған. Бұл туралы академик С.З. Зиманов «Орта ғасырлардағы көшпелі қазақ қоғамындығы үстемдік құрған идеология бойынша билер сотының түпкі мақсаты тараптардың аралары қаншалықты шиеленіскен, күрделі болса да оларды татуластыру, бітімге келтіру болып табылады. Белгіленген мынандай норма болды «Даудың түбі біту»» дейді [3, б. 2].

Медиация арқылы татуласу немесе тараптарды бітімге келтіру, қазіргі қазақ қоғамына аса жат болмауы керек, себебі туысқаншылдықты берік ұстанатын қазақ халқы белгілі бір жақын адамы медиатордың шешімі арқылы ақшалай немесе өзгедей келтірген зардаптың орнын толтыруға міндетті болғанда оған көмектесетіндігі белгілі. Әдет-ғұрып ережелеріне халықтық менталитеттің жақын болатындығы туралы К.К. Айтхожин «Қазақ әдет-ғұрып құқығының қызмет ету тәжірибесі» қоғамның дамуы тек жалпы адамгершілік гуманитарлық құндылықтарға негізделіп қана қоймай, сонымен бірге қазақ халқына және қазақ мемлекеттілігіне тарихына тән нысан екендігін көрсетеді. Сондықтан қазақ құқықтық дәстүрінің туындау сатысында оның күрделі тарихының ең қиын жылдарында да біздің халқымыздың ұлттық рухының ең жақсы ерекшеліктерін сақтап қалған қазақ әдет-ғұрып құқығын және билер әділсотын іргелі түрде зерттеу аса маңызды» [4, б. 54].

Егер мемлекеттердің ұлттық негізде пайда болатындығын және олардың бір-бірінен айырмашылықтары осы негізде кездесетіндігін ескерсек, онда Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіне медиация институтын кеңірек енгізу қажет деуге болады және бұл институтты біздің халқымыздың дәстүрлі құқығына толық сәйкес келетіндігіне байланысты шет елден алынған «медиация» деген атаумен емес, әзірге Қазақстанның қазіргі құқықтық жүйесіне енгізіле қоймаған «айып» деген атаумен енгізген және қолданған дұрыс тәрізді.

Қазақстандағы биліктің тармақтары бойынша сот билігін тек соттар ғана атқарады. Демек адамға жаза тағайындау құзіреті тек соттарға ғана берілгін, өзге еш бір органның жаза тағайындауға өкілеттігі жоқ. Ал медиация арқылы тараптарды бітімге келтіруді медиаторлар ғана іске асыра алатындығын ескерсек, онда медиацияны еш бір жағдайда жаза түрі ретінде бағалауға болмайды.

Қорыта айтқанда, заң практикасында қалыптасқан дәстүрлі жазалар жүйесінің ескіргенін және мемлекетпен қоғам күткендей оң нәтижелерге қол жеткізе бермейтіндігін көрсетті. Сондықтан өзін-өзі ақтамаған, қылмыста әсер ету шараларынан бас тартып, болашағы бар, жазалаудың қылмыстық-құқықтық шараларын үнемдеу қағидасына сәйкес келетін ыңғайлы жүйеге көшкен дұрыс. Бұл мақсатты шешудің бір амалы, ол Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің «Жаза» деп аталатын тарауына айып жазасын аралас жаза, яғни негізгі де, қосымша да түрде қолданыла алатын жаза түрі ретінде енгізу қажет. Мұндай жағдайда «айып» жазасы медиациямен ұқсас болғанмен, қолданылу субъектісі бойынша соттарға тиесілі болады және жаза түрі ретінде бағаланады. Бұл келтіріліп отырған ұсыныстың негізділігіне аса күмәнмен қараудың керегі жоқ, себебі қазіргі қылмыстық заңда қылмыстық жауаптылықтың кей түрлерінде ұқсастық кездеседі. Айып жазасы айыппұл жазасымен де ұқсас болып табылады, айырмашылығы айыппұл мемлекетке төленсе, айып жазасында кесілген айып сомасы жәбірленушіге төленуі керек.

Ал соттылығы бойынша айып жеңіл жазалардың қатарына жатады. Осындай жеңілдетілген жаза қоғамға өз пайдасын тигізеді.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Роджерс Р. Исследование новых видов наказания в исправительной системе США. – В кн. Криминологические исследования в мире. - М., 1995 – С.141-143.
2. Гета М.Ф. Гуманизация уголовной политики Республики Казахстан. – Алматы, 2004. – С. 110-111.
3. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. – Алматы: Атамұра, 2008. – С. 2.
4. Айтхожин К.К. Суд биев как величайшая социально-политическая ценность казахского народа. //«Жаһандану кезіндегі мемлекет пен құқықтың өзекті мәселелері» атты халықаралық-тәжірбиелік конференция материалдары. 18 сәуір 2014 ж. Сулейман Демирель атындағы университеті – С. 50-55.

СЕКЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327.56

Bexultanova D.B.
Eurasian National University named after L.N. Gumilev
(Astana, Kazakhstan)

ISIS AND ITS THREATS TO THE MODERN WORLD

Abstract: *The article is devoted to the analysis of threats to the Central Asian region from the terrorist quasi-state formation of ISIS. The author reveals rigorous reasons for the actualization of this problem in the region, focuses on challenges and threats directly and indirectly related to the activities of the Islamic State.*

Key words: *terrorism, IS (Islamic State), ISIS (Islamic State of Iraq and the Levant), security system, RATS SCO (Regional Anti-Terrorism Structure established within the framework of the Shanghai Cooperation Organization), CSTO (Collective Security Treaty Organization).*

Бексұлтанова Динара Бақытжанқызы
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Қазақстан)

ИГИЛ И ЕГО УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

Аннотация: *Статья посвящена анализу угроз Центрально-азиатскому региону со стороны террористического квазигосударственного образования ИГИЛ. Автор раскрывает основные причины актуализации данной проблемы на территории региона, акцентирует внимание на вызовах и угрозах, напрямую и косвенно связанных с деятельностью Исламского государства.*

Ключевые слова: *терроризм, ИГ (исламское государство), ИГИЛ (Исламское государство Ирак и Левант), система безопасности, РАТС ШОС (Региональная антитеррористическая структура, созданная в рамках Шанхайской организации сотрудничества), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности).*

In recent years, the phenomenon of "terrorism" has changed significantly, manifesting itself in more cruel and large-scale forms. To date, terrorism is a factor of global importance that the government of any state must take into account, both in domestic and foreign policy.

Modern terrorism is characterized by *the following signs*: increasing the level of organization of terrorist activities, the creation of large terrorist groups with a developed infrastructure, as well as strengthening the relationship of terrorism and organized crime, including transnational [1].

Modern terrorism has become a multifaceted socially negative phenomenon that actively threatens the security of mankind. The appearance and activities of

such an international terrorist organization as the "Islamic State" tells us about a new source of threats emanating from terrorism.

ISIS is the Islamic state of Iraq and the Levant (the Levant is a historical region in the territory of present Syria, Lebanon and Israel), which is not recognized by the world community, which is an international association of Islamic terrorists. Territories controlled by ISIS are areas of the north-eastern part of Syria, as well as Iraq. In addition, this organization conducts its military and terrorist activities in Afghanistan, Pakistan, Africa (Nigeria, Libya) [2].

The "Islamic state" was created in fact by the hands of the US and Western countries after the destabilization of the situation in Iraq. If this was not originally planned by the West, he further emphasizes, at least now the situation has completely escaped the control of all the "interested" parties.

"The intervention of the West and, primarily, of the United States, destroyed Iraq and created the conditions for the merger of two very dangerous forces. *The first* is the radical groups that emerged right after the invasion, which Saddam Hussein once pursued in every possible way. And *the second* - a significant part of the officers of the army of Saddam and the special services merged there. Overnight, more than a hundred thousand officers were dismissed, who were ordered to travel in the army. These people merged into a radical grouping - and, thus, it really turned out that the West contributed to this process [3].

In addition to the veiled financial and material support of the United States and the satellite states that have joined them, the terrorist group ISIS in its activities relies on several Islamic ideas. The main of which is the construction of the "Caliphate", an Islamic state governed by the Caliph. Citizens of this state must live according to the Shariah - the norms fixed in the Qur'an and Sunnah (sacred texts of Muslims regulating all spheres of life). In addition, terrorists follow the idea of jihad, one of the foundations of Islam. At the same time, they understand the jihad extremely radically, relying on the interpretations of Sayyid Qutb, the Egyptian preacher of the 1960s, according to which the world is divided into "the world of Islam" (caliphate) and the "world of jahiliya" - the world of ignoramuses (or "infidels", "Gentiles") [4].

The Islamic orientation of the IS, in its perverted form, allows it to attract tens of thousands of new Muslim supporters around the world who do not know the basics of Islam. The misunderstanding of the meaning of jihad by many Muslims leads to the fact that they misunderstand this concept, which further contributes to creating a distorted view of Islam. *The main goal* of the terrorists is to maximize their ranks - they do not hesitate to resort to various methods of propaganda. It is best to conduct the tricks of militants poorly educated young people who judge the actions of ISIS on demotivators and banned propaganda videos. The more sophisticated audience of Islamists is recruited in especially dangerous religious courses or in mosques.

The IS represents a new form of terrorism that the world has never encountered before. So what is this uniqueness? One should agree with the opinion that the peculiarity of the IS is that this organization is characterized by elements inherent in modern states:

- There is a purpose of creation and tasks;
- There is a system of law and legislation based on Sharia law. Thus, the main ideological postulates of the organization are set forth in the Declaration "This

is the promise of Allah", published in five languages and proclaiming the creation of a new caliphate under the authority of Caliph Ibrahim. Its immediate goal is the creation in the territory of Syria, Iraq and Lebanon of an Islamic Sunni state living under the laws of the Shariah, as well as the conduct of the so-called holy war (jihad) with "infidels" (kafirs) throughout the world [5];

– On the basis of Shariah law, a system of public authority is being built, there is a leader, administrative and judicial bodies, the police, the armed forces. Established and functioning institutions dealing with social issues not only members of the organization, but also living in the controlled territory of the population (transport, communications, food, medicine, water, fuel, electricity, hospitals, kindergartens, schools, etc.);

– An independent financial and monetary system is formed, its own currency is introduced - the gold dinar [6];

– The availability of financial and material resources that are derived from the collection of taxes from the living population, the seizure and looting of banks, the ransom of hostages, illegal human trafficking, cultural, historical and religious artifacts, oil, drugs, the creation of slavery, the acceptance of financial donations [7];

– The presence of territory, which the representatives of the organization captured by armed means;

So, in the summer of 2014 the militants of the "Islamic state" took control of a number of major cities in the western region of Iraq and came close to Baghdad. In Syria, they occupied the northern province of Cancer, in the central city of which the headquarters of the organization was placed with the same name;

– Presence of the population, which consists of those living in the occupied territories, as well as supporters arriving to the specified territory from other countries;

– There are external attributes of state symbols in the form of a flag and a coat of arms.

The renaming in 2014 of an organization from the "Islamic State of Iraq and the Levant" to the "Islamic State" is evidence of a conscious ideological consolidation of the desire to expand the controlled territory beyond the universally recognized borders of states.

According to the international Convention on the Rights and Duties of States, signed in 1933 in Montevideo, to determine the characteristics of the state requires a permanent population, a certain territory, its own government, the ability to enter into relations with other states [8].

It should be noted that in the current situation IG lacks international recognition as an element of state sovereignty.

From the foregoing, in our opinion, it is possible to formulate a modern system of subjects of terrorist activity on the basis of *quantitative and qualitative characteristics*:

- single terrorist;
- terrorist group;
- terrorist organization;
- quasi-state terrorist education.

The spread of the influence of the ISIS organization is currently one of the main challenges facing the world community. First of all, this danger threatens the Muslim countries, as well as the states where Muslim minorities live, that is the

entire region of the Near and Middle East, Central Asia, Southeast Asia, some countries of Europe, and also the south of Russia. Since the ideologists of ISIS aim to establish an orthodox Sunni regime on the territory of the entire Islamic world, Central Asia also finds itself under the scrutiny of extremists. In this context, the provision of military, information, and religious security in the region is of particular relevance.

Challenges from the ISIS have received an adequate assessment in the political discourse of all countries in the region. The heads of state of Central Asia issued statements condemning the activities of ISIS. In particular, the President of Kazakhstan N.Nazarbayev during one of his meetings with journalists stated: "ISIS has no national or religious affiliation. The whole world is now uniting against terrorism. I do not support that terrorism is attached to Islam... In the Quran there are words: if one person was killed, it is equivalent to the murder of all mankind". Similar thoughts are expressed by other Central Asian leaders, however, the presidents of Kyrgyzstan and Uzbekistan show more concern, because these countries are close to the already existing node of instability – Afghanistan.

At this stage, the Central Asian states react to existing challenges only militarily. So, Kazakhstan this year planned joint exercises with the US - "Steppe Eagle 2015". Tajikistan and Kyrgyzstan are carrying out military modernization in the framework of cooperation with the Russian Federation (there is also noticeable some concern among neighbors - Russia's assistance to the most vulnerable states of the region, additional exercises on countering terrorism in the Chinese XUAR also talk about the materiality of the ISIS problem).

However, the main security problem in Central Asia, including in the context of threats from the Islamic state, lies within the region. The absence of regional security structures, in which all the countries of Central Asia would be involved, unresolved interstate problems, an opaque system of power, corruption, socio-economic problems, inequality and other issues create favorable conditions for spreading the ideas of extremism and terrorism.

So, the above problem is complex, but at this stage it is still not so acute, and it requires solutions in the medium term, including:

- *Conduct a large-scale information campaign directed against terrorism, as well as to explain the norms of Islam.* It is also necessary to achieve greater understanding of the problem among religious leaders, NGO and communities and actively encourage them to work with vulnerable youth. Ideally, the principles of the information policy directed against extremism and terrorism in Central Asia should be coordinated at the interstate level.

- *Establishment of a security system to prevent terrorist attacks in the territory of Central Asia.* It is necessary to conduct joint exercises, establish close border cooperation, interaction of special services. The traditional weakness of the borders of the region with Afghanistan, as well as the lack of control over those leaving for the conflict zone, make it very difficult to monitor and assess the problem of recruiting and moving the ISIS fighters in all directions.

- *Solving social and economic problems.* First of all, it is necessary to pay attention to work with vulnerable categories of the population, to deal with poverty, unemployment, fight corruption, nepotism. One of the reasons why the citizens of Central Asia so massively go over to the side of militants is disappointment in their own state, and the faith of the promise of recruiters concerning the organization of

the future caliphate: honest authorities, competent officials, management effectiveness and full transparency.

- *It is necessary to find ways to control pilgrims traveling to Mecca to identify persons recruited by ISIS.* Work should also be conducted with preachers of orthodox Islam, as well as struggle with religious sects.

- *Reforms in the political system.* To counteract both ISIS and other terrorist organizations, the Central Asian states should ensure greater openness of the political system, expand the freedoms of secular opposition, especially those who works with youth.

- *Interaction in the framework of international organizations.* In the absence of a security architecture in Central Asia, the states of the region are difficult to adequately respond to the growing threat from the Islamic state. It seems that at this stage, security functions can be implemented using existing mechanisms. These include the Regional Anti-Terrorism Structure established within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO), which unites 4 of the 5 Central Asian countries (except Turkmenistan), the Collective Security Treaty Organization, of which Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan are members. For today it is the only real version of the "security umbrella" for Central Asia, since the creation of a regional security structure is a long and time-consuming process. In the long term, it is necessary to establish cooperation on countering terrorism and extremism with Western partners, as well as with NATO.

So, the threat emanating from the Islamic state is a growing source of tension in Central Asia. It seems that in order to minimize this, it is necessary to form a common security policy for the countries of Central Asia. The regional organizations should play a central role here: the SCO and the CSTO (Collective Security Treaty Organization). In addition to the military component and border cooperation, it is also important to regularly carry out large-scale information campaigns to explain the main provisions of Islam in order to maximize the influence of extremist organizations on society [9].

In conclude with, that the countries of Central Asia in order to combat international terrorist organizations need:

- to increase the costs of ensuring the defense and security of states;
- to raise the budget for military intelligence;
- modernize military equipment and armament;
- increase the number of law enforcement agencies and special services;
- conduct antiterrorist exercises and training at the maximum level, both individually and as part of the CSTO.

REFERENCES:

1. Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 23-25.
2. www.slavculture.ru/video-voyna/901-что-такое-isis.html. Что такое ИГИЛ и чего они хотят?
3. www.nation-news.ru. С.А. Багдасаров: без наземной операции с ИГИЛ не справиться

4. www.golosislama.com/story=islamskoe-gosudarstvo-iraka-i-levanta. Все, что вы хотите узнать об ИГИЛ – Исламском государстве Ирака и Леванта, факты, события, происшествия
5. http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1223842
6. Федорченко А.В. Феномен «Исламского государства» / А. В. Федорченко, А. В. Крылов // Вестн. МГИМО-Университета. – 2015. – № 2. с. 177
7. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1393757>
8. <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-40.html> Convention on Rights and Duties of States
9. <https://www.academia.edu> ИГИЛ как угроза безопасности в Центральной Азии

Davletyarova Makpal Alibekovna
L. N. Gumilyov ENU
(Astana, Kazakhstan)

THE ROLE OF FREEDOM OF EXPRESSION, PARTICULARLY, FREEDOM OF THE MEDIA IN AUTHORITARIAN STATES

Abstract. Nowadays freedom of expression occupies quite an ambiguous position being government's menace and a weapon at the same time, especially in authoritarian states. Due to the fact that it possesses certain legal limitations in interests of national security, territorial integrity, and public safety, this provision allows public authorities somehow to speculate on such the restrictions. The research will reveal the reasons of why authoritarian states tend to violate freedom of expression, speculate on its limitations, as well as to pursue control over the means of mass media. First, the article will explain why the control over the media is beneficial for ruling parties, political elites, as well as for state authorities. Secondly, the study will describe an ability of mass media to influence the image of a state in the international arena. Finally, the research will trace the benefits of information's concealment from citizens and other cases when the media become an instrument of political regimes.

Keywords: mass media, propaganda, freedom of expression, freedom of speech, freedom of the media.

Давлетьярова Макпал Алибековна
ЕНУ им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

РОЛЬ СВОБОДЫ СЛОВА, В ЧАСТНОСТИ, СВОБОДЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРАНАХ С АВТОРИТАРНЫМ РЕЖИМОМ

Аннотация. В современное время свобода слова, особенно в государствах с авторитарным режимом правления, может являться одновременно и угрозой, и оружием для политической власти. В обществе юридически свобода слова может быть ограничена в интересах национальной и общественной безопасности, для сохранения территориальной целостности государства. В то же время такие ограничения дают возможность властным структурам использовать СМИ в своих политических целях. В статье исследуются основные причины, из-за которых государства с авторитарным режимом, как правило, нарушают свободу слова, используя СМИ в своих личных целях, а также стремятся к контролю над ними. Далее будут раскрыты роль СМИ как инструмента по манипулированию сознанием масс в руках правящей партии или правящей политической элиты, его влияние на статус государства в международном масштабе, выявляются причины сокрытия важнейшей политической информации от общества.

Ключевые слова: СМИ, пропаганда, свобода выражения, свобода слова, свобода средств массовой информации.

Introduction. Although freedom of speech and freedom of the media are essential human rights, they can be regarded as an obstacle for certain authoritarian states. According to the Preamble of the *Universal Declaration of Human Rights*, humanity aspires to create such a world order where individuals have the opportunity to express their convictions unreservedly. The Article 19 affirms, that “everyone has the right to freedom of opinion and expression; this right includes freedom to hold opinions without interference and to seek, receive and impart information and ideas through any media and regardless of frontiers” [1].

Freedom of speech and freedom of the media are seen as a way to fulfill and enjoy freedom of expression; besides, the latter is a precondition of democracy. Moreover, it is impossible to claim certain democratic principles without the resolution to express ideas and opinions freely by individuals [2, p. 1]. Therefore, states, where human rights, comprising freedom of speech and freedom of the media, are declared, but in fact, are not ensured are classified as being authoritarian – which are in transition from totalitarianism to democracy.

In fact, freedom of expression occupies quite an ambiguous position being government’s menace and a weapon at the same time, especially in authoritarian states. With the development of liberalism, the right of individuals to expression finds its legal verification: since the state authority proceeded to people, it became reasonable to provide them with the freedom of expression in order to improve rationalistic views [2, p. 1].

Furthermore, the Article 10 of the *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms* determines the right to expression, which cannot be influenced or intervened by public institutes. However, certain limitations that aim to restrict freedom of the media and freedom of speech “in the interests of national security, territorial integrity or public safety, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, for the protection of the reputation of others, for preventing the disclosure of information received in confidence, or for maintaining the authority and impartiality of the judiciary” [3] exist. This provision allows authoritarian states somehow to speculate on such the limitations.

The aim of the research is to reveal the reasons of why authoritarian states violate freedom of expression, speculate on its limitations, as well as pursue control over the mass media means.

Furthermore, various **methods**, such as case study, comparative analysis, and content analysis will be implemented in order to answer the above-mentioned research questions. Firstly, the article will explain why the control over the media is beneficial for ruling parties, political elites, as well as for state authorities. Secondly, the study will describe an ability of the mass media to influence the international community in certain rare cases. Finally, the research will reveal the benefits of presenting the information partly or in the opposite context.

Control over the mass media in authoritarian states

Since freedom of expression is perceived as an impediment for authoritarian states, they attempt to maintain control over the society through the means of mass media. Television, press, internet means as a tool of a government and political elites are able to deceive people through presenting public authorities as a beneficent power aimed at the establishment of peace and security. In fact, such the media are pro-governmental and they use all possible methods to present a state and its policy in a favorable position in comparison with other political regimes.

Furthermore, in absolute authoritarian regimes, the critique of government is banned under a threat of a punishment; hence, the existence of oppositional mass media is impossible. Radwan Ziadeh [4] describes Bashar al-Asad's presidency in Syria as an example of public control over the media, particularly the press. He states that during this period, President Bashar al-Asad had the sole right to make decisions on behalf of the state. Autonomous and uninfluenced media were prohibited. In accordance with the order of the administration, only three newspapers were allowed, which tasked to monitor and publish a variety of gratitude and accolades from the international society and the Arab world with great pomp and reverence. Ziadeh claims that press published mostly a repetition of the information, and the publications were rather aimed at the strengthening of the Bashar al-Asad's regime [4, pp. 25-26].

Simultaneously, Barry Rubin [5] reaffirms that Syrian government strictly managed the entire mass media. Thus, they could not deviate from the course imposed by the state authorities; otherwise, inquisition and confinement were implemented as punitive measures for occurred criticism in press. Moreover, the government monitored all web and telephone connections, personal dialogs, while the communication with foreign people was regarded as a mistrust [5, p. 44].

Impact of the media on the international community

The next reason of why it appears beneficial for authoritarian regimes to violate freedom of expression is that occasionally mass media can somehow influence the international community. Brazilian murder of an air force sergeant in 1971 by a teenager Teodomiro Romeiro dos Santos can serve as an important evidence.

Accused in the crime, young participant of the Brazilian Revolutionary Communist Party was condemned to capital punishment. Brazilian mass media vigorously criticized and commented the decision to apply the capital punishment to Teodomiro. Many officials such as the National Deputy Clovis Stenzel, archbishop of Salvador Dom Eugenio Sales, other defenders and lawyers expressed opposition to the death penalty for many reasons, including the defendant's age. As the result, public discontent about this case has led to the appeal of the decision in the Brazilian Superior Military Court and commuted it to life imprisonment and then, later, to thirty years sentence [6, pp. 86-87]. Although Brazil had been regarded as one of the authoritarian states with military rules at that time, mass media had and used the opportunity to express the position about the case of Teodomiro Romeiro dos Santos. It is difficult to predict an outcome of above-mentioned event without the media's interference, however, the mitigation of the death penalty, which is "incompatible with human dignity" [6], became possible.

Furthermore, the member of the Centre for Peace Research Mariano Aguirre explains that during wars, indigenous media in certain cases affected the outcome of events, warning participants of a conflict putting an end to its escalation [7, p. 159]. The mitigation of a struggle between withstanding states, the propitiation can be reached by the efforts of reporters. The pressure that mass media exert on the authorities is more connected with the state's appearance on the international arena and status. It can affect other countries' impression on human rights protection in such a state or on the level of liberty provision in it, or whether the government is committed to democracy or condones to authoritarianism.

Eventually, a country's image can prompt different effects on global cooperation, as well as on the level of support on the part of the international community.

Media as a tool of propaganda in authoritarian states

In addition, concealment of the information from citizens or its partial presentation is seen as a benefit for authoritarian states, since it can serve as an instrument of agitation and propaganda. Such the cases of manipulation occur majorly in conflict situations among different states or during civil wars. For example, during the War in Afghanistan, the television network *Al Jazeera* had a great impact on the way how the Arab world had perceived the policy of Osama Bin Laden, the founder of Al-Qaeda Islamist military organization: "... *Al Jazeera* was criticized for providing bin Laden with the opportunity to state that the war in Afghanistan was 'a religious war' and to call on Muslims throughout the world to join this 'holy war'." [8, p. 154].

In fact, *Al Jazeera* broadcasted Bin Laden's statement and exposed him as an emancipator. The message primarily included a propaganda of struggle against the United States' intervention in Afghanistan. Bin Laden underlined that attackers aimed to Muslims and Islam religion under the guise of eliminating terrorism; thereby he advocated hostilities and distorted the events of September 11, 2001 [8, p. 154], [9].

For states, the demonstration of inaccurate and ambiguous fragments of information appears more beneficial rather than the presentation of a whole situation. State authorities decide about the quantity and quality of information that should be propagated, in spite the fact that human right for the entire information is abused. In addition, mass media are subjected to the government's pressure in order to refrain people from active actions against state authorities and political regimes. Thus, press, television, and other media means misguide individuals, urge them to accept political position of a state, allowing authorities to remain secure within its borders.

Conclusion. To conclude, the states with authoritarian regimes clearly observe the benefits of violating freedom of speech and freedom of the media, which are considered one of the constituent parts of the right to expression. The benefits of such a breach imply the possibility of state control over the media and individuals in order to preserve the established regime and exclude mass discontent. Secondly, the mass media are able somehow to create an image of a state in the international arena that can contribute to cooperation and aid on the part of other countries; hence, influence on media is tied with state status and its presentation in the world. Finally, the means of the media serve as an instrument of propaganda and agitation when they present information partly or conceal it entirely from citizens. Deceiving people, media contributes to increasing in political misunderstanding among people. In addition, freedom of expression is a potential weapon in government's hands, since the public authorities can speculate on its limitations, which, in fact, are aimed at the preservation of international peace and global security, but are used for covert state objectives.

REFERENCES

1. Universal Declaration of Human Rights // United Nations Human Rights Office of the High Commissioner [Electronic resource]. - URL: http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf (accessed: 27.10.2016).
2. Gower, K. K. Liberty and Authority in Free Expression Law: The United States and Canada. — New York, USA: LFB Scholarly Publishing LLC, 2002. — 297 p.
3. European Convention on Human Rights // European Court of Human Rights [Electronic resource]. - URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (accessed: 01.11.2016).
4. Ziadeh, Radwan. Power and Policy in Syria: Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in the Modern Middle East. — (1). — London, GBR: I.B. Tauris, 2010. — 228 p.
5. Rubin, Barry. Truth About Syria. — Gordonsville, VA, USA: Palgrave Macmillan, 2007. — 304 p.
6. Pereira, A. W. Pitt Latin American Studies: Political (In)Justice: Authoritarianism and the Rule of Law in Brazil, Chile, and Argentina. — Pittsburgh, PA, USA: University of Pittsburgh Press, 2005. — 262 p.
7. Aguirre, M. The Media and the Humanitarian Spectacle // Transnational Institute: Reflections on Humanitarian Action: Principles, Ethics and Contradictions. — London, GBR: Pluto Press, 2001. — pp. 157-176.
8. Zayani, Mohamed. Al Jazeera Phenomenon: Critical Perspectives on New Arab Media. — London, GBR: Pluto Press, 2005. — 223 p.
9. Freedman, Eric. Authoritarian Regimes, Muslims' Religious Rights in Central Asia, and Lack of Foreign Press Coverage of Rights Violation [Electronic resource] // Central Asia and the Caucasus Journal of Social and Political Studies. — 2010. — Vol. 11. — No. 1. — URL: <http://www.ca-c.org/journal/2010-01-eng/00.shtml> (accessed 03.11.2016).

СЕКЦИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зубенски Екатерина
ГПУ „И. Крянгэ”
(Кишинэу, Молдова)

CONTRIBUȚIA UNOR AUTORI IN CERCETAREA INTELIGENȚEI COPIILOR CU TULBURARI INTELECTUALE

Аннотация. Дефиниция термина «интеллект» - довольно сложная процедура, так как он может иметь разные значения для каждого человека. Это вызвало противоречие в истории по единогласному определению интеллекта и разработке единых методов его измерения. В приведенной ниже статье анализируются подходы некоторых известных ученых к обсуждаемому термину в отношении детей.

Ключевые слова: интеллект, общие умственные способности, адаптивность, личность, образование.

Annotation. Intelligence is a difficult term to define, and may have different meanings for each individual. This has created controversy over history on the unanimous definition of intelligence, and the development of single methods of measuring it. The article below analyzes the approaches of some famous scientists to the term under discussion as related to children.

Keywords: intelligence, general mental ability, adaptability, personality, education.

În forma cea mai simplă, inteligența este definită și cu sensul de abilitate mentală generală de a învăța și a aplica cunoștințele pentru a manipula mediul, capacitatea de a raționa și de a avea o gândire abstractă. Alte definiții ale inteligenței includ adaptabilitatea la mediu și la schimbările noului mediu, capacitatea de a evalua și de a judeca, capacitatea de a înțelege idei complexe, capacitatea de gândire originală și de producție, capacitatea de a învăța repede și din experiența proprie, capacitatea de a înțelege relațiile [1].

Ca dimensiune majoră a personalității, inteligența a reținut atenția omului din cele mai vechi timpuri. Au manifestat interes și au formulat teorii, modele interpretative și definiții ale acestui concept personalități ca Platon, Aristotel, Toma d'Aquino, Descartes, Blaise Pascal, Adam Smith, Immanuel Kant, Charles Darwin, Hobbes, Gall, Claparède, Koehler, Bergson, Wallon și mulți alți reprezentai ai științei și culturii universale.

Primul care a realizat o abordare sistematică a acestei aptitudini a fost englezul **Sir Francis Galton** (1822-1911), savant polimat: inventator, geograf, explorator tropical, meteorolog, antropolog, eugenist, proto-genetician, psihometrician și statistician, fondator al psihologiei diferențiale, psihometriei și statisticii. Studiind un număr mare de personalități, ce aparțineau unor categorii socio-profesionale diverse, el a considerat inteligența ca fiind de natură ereditară, deosebirile dintre omul de geniu și omul de rând (normal, obișnuit) nefiind de natură (de calitate), ci doar de grad. În anul 1874 a realizat primul test standardizat de

măsurare a inteligenței. El a presupus că inteligența unei persoane depinde în mare măsură de rasă, ereditate, dimensiunea craniului, conformația mușchilor etc., fiind influențată determinativ de educația, ocupația și statutul părinților, în dezvoltarea nivelului de inteligență la copil. Galton a fost primul, care a deschis calea în studiul sistematizat al inteligenței, propunând un instrument de evaluare riguroasă a acesteia [2].

Trei decenii mai târziu, psihologul francez, doctor în medicină și drept, **Alfred Binet** (1857-1911), fondator al primului laborator experimental de psihologie din Franța, la cererea Comisiei de Instrucție Publică de a găsi modalități de selecție și triere a copiilor cu arierații mintale, pentru a fi educați în învățământul specializat, observă lipsa unui consens privind **diferitele grade de arierație** și caracterul subiectiv al evaluărilor psihiatrice. A. Binet elaborează un set de probe psihometrice pentru a cerceta la ce vârstă acestea sunt rezolvate de către copiii normali. Ca rezultat, elaborează și publică primul său test de inteligență bazat pe abilități lingvistice.

Împreună cu psihologul francez **Théodore Simon** (1873-1961), Binet construiește (1905) primul instrument psihodiagnostic practic „Scala metrică de inteligență” pentru măsurarea „proceselor superioare”, ale inteligenței, datele fiind cuantificabile. Modalitatea de examinare conținea sarcini asemănătoare celor întâlnite în viața reală a copiilor, fiind alcătuite din 30 de itemi, rezultatele cărora erau raportate la un coeficient de vârstă mentală comparate cu vârsta psihologică a subiectului investigat. **Probele testului** (revizuite în anii 1908, 1911) puteau fi **aplicate copiilor, cu probleme de învățare și de dezvoltare mentală** (cu vârsta între 3-15 ani) [3].

Psihologul și filosoful german **William Lewis Stern** (1871-1938), elaborează o versiune a scalei de inteligență Binet-Simon, publicată (1912) în cartea sa “Metode Psihologice de testare a inteligenței”, în care lansează pentru prima dată conceptul și termenul coeficient de inteligență IQ (Intelligencequotient), prezentat prin raportul dintre vârsta mentală și vârsta cronologică. În final, apare formula care s-a răspândit în toată lumea: unde $VM =$ vârsta mentală; $VC =$ vârsta cronologică. W. Stern definește intelectul, ca fiind o capacitate generală de adaptare la noile condiții de trai.

Psihologul american **Lewis Madison Terman** (1877 – 1956), de la Universitatea Stanford, traduce scala dezvoltării mentale a lui Binet - Simon", analog al testului modern IQ), **pentru diagnosticarea copiilor cu arierație mentală** și în urma unor revizuirii îmbunătățite, apare în 1908 prima versiune a „Scalei de Inteligență Stanford-Binet”. În 1916, L. Terman, este primul, care, în calitate de indicator în testarea inteligenței, introduce criteriile noi în testare, conceptul de normă statistică a inteligenței, propunând pentru coeficientul de inteligență abrevierea IQ și înmulțirea cu 100 a acestuia pentru evitarea exprimării zecimale [4]. Norma a devenit criteriul, prin care a fost posibilă compararea și evaluarea indicatorilor individuali de testare, și interpretarea psihologică a acestora. Scala de Inteligență Stanford-Binet” era destinată copiilor cu vârstele cuprinse între 2,5 – 18 ani. Scala era alcătuită din sarcini diferite după graficul de dificultate, grupate în funcție de criteriile de vârstă. Pentru fiecare vârstă, indicatorul tipic de îndeplinire a sarcinilor, a fost luată performanța medie de 100, iar măsura statistică a dispersiei, abaterea valorilor individuale de la această medie (o) a fost de 16.

Toate scorurile individuale ale testelor care se încadrau în intervalul respectiv $x \pm a$, între limitele cifrelor 84-116, erau considerate normale, în corespundere cu vârsta. Dacă scorul rezultatelor îndeplinite la test, depășeau norma de 116, copilul era considerat cu o inteligență dotată, iar dacă rezultatele erau sub 84 – deficient mental. Lewis Terman și alți psihologi americani au considerat că inteligența este o entitate fixă și ar trebui să fie măsurată parțial pentru a diferenția copiii cu inteligență scăzută, față de copiii cu inteligență normală, capabili de a obține performanțe în sistemul educațional general [5]. Testele au fost administrate nu numai copiilor, ci și respondenților infractori. Rezultatele testelor au demonstrat că jumătate dintre infractori aveau "minte slabă".

În concluzie s-a presupus, că inteligența scăzută contribuie în mod direct la formarea comportamentului infracțional. Lewis Terman, Taylor C. W., Howard Gardner, considerau supradotarea o trăsătură cu totul relativă, care nu depinde nici de perioada istorică și nici de situația culturală sau socio-economică. Ei menționau, că supradotații ca și acei cu un IQ sub medie, trebuie considerați ca fiind persoane cu nevoi speciale, tocmai pentru că sunt speciali. Pentru Terman (1925), esența inteligenței, a supradotării se găsește în gândirea logică și în judecată.

Charles Frédéric Kuhlmann (1803 – 1881) extinde versiunea: "Scala de Inteligență Stanford-Binet" de la vârsta de 3 ani la cea de 3 luni (Scala Kuhlmann-Binet).

David Wechsler (1896-1981), psihiatru, psiholog și diagnostician, faimosul autor al testelor omonime, completează bateria de teste Stanford-Binet (concentrată pe abilitățile verbale) și dezvoltă măsurarea intelectului non-verbal. D. Wechsler definește inteligența ca pe o capacitate globală a individului de a acționa în vederea atingerii unui anumit scop, de a gândi rațional, de a face față circumstanțelor vieții și de a se adapta eficient mediului în care trăiește [6].

Scala de inteligență Wechsler pentru adulți (Wechsler Adult Intelligence Scale - WAIS) a fost dezvoltată pentru prima dată în 1939 și a fost numită Wechsler-Bellevue Intelligence Test. Din acest test, în 1949, a fost extrasă scala de inteligență Wechsler pentru copii (Wechsler Intelligence Scale for Children - WISC), iar în 1967 scala de inteligență Wechsler pentru copiii preșcolari și de vârstă școlară mică (Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence - WPPSI). Scala de inteligență Wechsler-Bellevue urmărea atingerea mai multor obiective, cum ar fi: - testarea subiecților normali; - **testarea subiecților cu tulburări psihice (mentale)**, în plan lingvistic și senzo-motor; - **testarea tulburărilor clinice**; - **testarea tulburărilor de învățare**. Întâi se aplicau toate subtestele verbale și, apoi, în ordinea menționată, toate subtestele de performanță, alcătuind două scale. Metoda Wechsler, cu variantele ei, deși a fost supusă mai multor revizui, rămâne a fi cea mai actuală și populară metodă de testare IQ din Statele Unite. În 1940, David Wechsler scoate în evidență elementele intelectului și elementele non-intelectului (din care mai târziu, fiind studiate, se desprinde conceptul de inteligență emoțională – EQ Emotional Quotient sau Emotional Intelligence (EI), ambii termeni făcând referire la același lucru – gradul de inteligență emoțională sau de maturitate emoțională), sugerând ideea că existența componentelor afective ale inteligenței, determină un comportament inteligent și pot fi esențiale în atingerea succesului în viață.

Psihiatrul englez, A. F. Tredgold (1870-1952), menționa, că în diagnosticarea deficiențelor mintale, criteriul social este principal. Scopul

diagnosticării este de a evalua nivelul de capacitate al persoanei de a se adapta la mediul înconjurător și de a menține o existență independentă. El compară diferite grupe de copii cu tulburări psihice, observând diferențele dintre insuficiențe mentale a acestor copii. Ca rezultat, el deosebește două grupuri de copii cu insuficiență mintală ușoară, de natură exogenă și endogenă. Astfel, introduce dihotomia **debilitate endogenă și debilitate exogenă**. Tredgold, s-a impus prin activitatea sa, prin faptul, că: – **primul a atras atenția asupra elevilor cu stări similare** de întârzieri mentale, încercând să-i deosebească de grupurile de copii cu debilitate mintală reală; – **a identificat cauzele întârzierilor mentale și a diferitor grade de debilitate**, și în corespundere cu datelor disponibile, a încercat să determine epidemiologia acestor stări; – **a comparat, diferențiat, caracterizat diferite grupuri de copii cu tulburări mentale** (întârziați, mărginiți, proști, înapoiți mental), variantele adiacente acestor grupuri și semnificațiile terminologice atribuite lor; – **a determinat principalele direcții de lucru** cu acești copii, recomandări și perspective posibile [7].

Totodată, concepția lui Tredgold este nedesăvârșită, deoarece considerarea criteriului social, ca unic criteriu de comperență mentală, în diagnosticarea deficiențelor mentale, nu este justificată științific, deoarece persoanele cu nevroze, psihopatii etc. vor "decade" și ei în grupul celor deficienți mental. Standardele de adaptare socială sunt controverse și diferă de la o țară la alta, în perioade diferite de timp. La fel, există diferențe în definirea întârzierilor și a debilităților mentale, pe baza evaluărilor sociale (A.Clark, 1965).

Charles Edward Spearman (1863-1945), psiholog englez, autor al numeroaselor metode statistice, fondatorul teoriei bifactoriale a inteligenței și analizei factoriale. Susținând caracterul complex, multidimensional al inteligenței, el a descoperit că rezultatele testelor cognitive oglindesc un factor comun general, pe care l-a numit "factorul g" (mental energy), factor general, determinant în atingerea succesului oricărei activității intelectuale. El susținea că pe lângă factorul g, pentru fiecare activitate, ar exista și un "factor specific s", diferiți de la o sarcină la alta, în funcție de condițiile concrete ale activității (artistice, științifice, sportive).

Corelația dintre două funcții este cu atât mai mare cu cât are mai multă saturație în factorul "g", în timp ce factorul s diminuează corelațiile. Este bine cunoscut coeficientul de corelare a rangului Spearman. El susținea că abilitatea educativă și abilitatea reproductivă sunt componente distincte ale factorului "g". Deși teoretic noțiunea de inteligență este negată de Spearman (deoarece nu ar avea o semnificație strict definită), în realitate măsurarea lui "g" se face tot prin teste de inteligență (scara Binet-Simon, testele „hochepot" ș.a.), adică "g" redefinesc inteligența [8].

Primul care rupe cu concepția spearmaniană și pune bazele analizei multifactoriale (în 1928) a fost psihologul american **George Alexander Kelly** (1905-1967). El reproșează lui Spearman omiterea din cercetări a variabilelor vârstă, educație și factorul verbal, precum și insuficiențe ale metodei folosite.

J. Piaget (1896-1980), psiholog, biolog, logician și filozof elvețian, cunoscut în domeniul epistemologiei și psihologiei dezvoltării. A recunoscut corelația dintre dezvoltarea mentală și dezvoltarea inteligenței. Piaget elaborează o teorie originală asupra genezei și mecanismelor inteligenței. Conceptul de structură cognoscibilă stă la baza teoriei sale. Structurile cognoscibile sunt modele fizice sau mentale de acțiuni care subliniază acte specifice de inteligență și corespund unor stadii ale

dezvoltării copilului. Inteligența se construiește treptat, prin interiorizarea acțiunilor practice și transformarea acestora în operații [9].

De reținut, că operațiile nu sunt niciodată izolate, ci organizate în sisteme, adică, în structuri de clase și relații. În dezvoltarea inteligenței pot să apară decalaje, adică stagnări și „reveniri”, provocate atât de conținutul obiectului, cât și de particularitățile de vârstă ale copilului. În esența ei, inteligența nu este o structură izolabilă, ci mai degrabă o formă de echilibru spre care tind toate structurile acomodate și asimilate dintre organism și mediu.

Lev Semionovici Vygotsky (1896-1934), psiholog rus, cunoscut în psihologie pentru teoriile: - zona proximei dezvoltări în procesul învățării și teoria socio-culturală [10]. Lev Vygotsky diferențiază nivelul dezvoltării actuale a gândirii copilului de dezvoltarea sa potențială (necesară și posibilă). Dezvoltarea actuală a gândirii copilului îi permite să rezolve în mod independent problemele. Dezvoltarea potențială a gândirii copilului îi permite să rezolve problemele date ca sarcini numai cu sprijinul altora, deci prin colaborare. **Între cele două „dezvoltări” (actuală și potențială) se conturează activitățile de învățare, iar spațiul se numește zona proximei dezvoltări.** Psihologului rus i se atribuie conceptul de „**constructivism social**”, în sensul că elevul își construiește învățarea în colaborare cu ceilalți. Înainte de a se dezvolta gândirea copilului, are loc învățarea: „învățarea rațională construită se situează în fruntea dezvoltării și o trage după sine”, altfel spus „procesele dezvoltării merg în urma proceselor învățării, care creează zona proximei dezvoltări”. După el, psihicul uman nu acționează doar ca o suită de reflexe și de conduite de adaptare, ci presupune o interacțiune cu mediul, prin intermediul limbajului, grație căruia omul se transformă. Teoria socio-culturală: Lev Vygotsky sugerează, de asemenea, că dezvoltarea umană rezultă dintr-o interacțiune dinamică între indivizi și societate. Prin această interacțiune, copiii învață treptat și în mod continuu de la părinți și profesori. Acest studiu, cu toate acestea, poate varia de la o cultură la alta. Este important să ții cont de faptul că teoria lui Vygotsky accentuează natura dinamică a acestei interacțiuni. Nu doar societatea are un impact asupra oamenilor ci și oamenii au un impact asupra societății.

Nivelul dezvoltării mentale depinde de factorii ereditari, de factorii de mediu și de factorii sociali. Tulburările intelectuale sau dereglările activității intelectuale pot apărea în cazul diferitor boli psihice (mentale), lezări ale creierului și anomaliilor de dezvoltare.

Din cele expuse, putem concluziona, că efortul oamenilor de știință în studierea inteligenței a contribuit la dezvoltarea unui spectru larg de semnificații și etichetări terminologice aplicate în evaluarea tulburărilor psihice (mentale).

REFERINȚE BIBLIOGRAFICE:

1. Nicolescu F. I. Psihodiagnosticul și implicațiile lui pedagogice. În: Pedagogie Specială, Ed. Litera, București, 1972.
2. Galton F. Finger prints. Macmillan, London, Citat din Cummins H., Midlo V., 1982;
3. Binet A., Simon Th. Le developpement de l'intelligence chez les enfants, În: L' Année psychologique.
4. Chiva M., Rutschmann Y. Etiologia debilității mintale. În: Zazzo R. Debilitățile mintale, E.D.P., București, 2016.

5. Zazzo R. Debilitățile mintale. (coord. 1969, trad. 1979), E.D.P., București, 1979.
6. Munteanu A. Izvoarele prenatale ale psihicului uman. În: Revista de Psihologie, nr. 4, București, 1993;
7. Piaget J. Nașterea inteligenței la copil. (traducere) E.D.P., București, 1973;
8. Roșca M. Metode de psihodiagnostic. E.D.P., București, 1972.
9. Рубинштейн С. И. Психология умственного школьника. Издательство Просвещение, Москва, 1970;
10. Verza E. Psihodiagnoza și prognoza în defectologie. În: Revista de Psihologie, nr. 4, București, 1987;

Зубенски Екатерина
ГПУ „И. Крянгэ”
(Кишинэу, Молдова)

PROBLEME SOCIALE ȘI ASISTENȚIALE DE INCLUZIUNE ȘCOLARĂ A COPILOR CU TULBURĂRI PSIHICE

Аннотация. В приведенной ниже статье отражена проблема определения концепции специальных образовательных потребностей, ее импликация, категории изучаемых предметов, а также социальных и вспомогательных проблем, связанных с включением детей с психическими расстройствами в обычные школы.

Ключевые слова: образовательные потребности, социальные проблемы и проблемы поддержки, дети, психические расстройства, лечение.

Annotation. The article below reflects the problem of defining the concept of special educational needs (SEN), its implications, the category of subjects viewed, as well as the social and assistance problems associated with the inclusion of children with psychic disorders in regular schools.

Keywords: educational needs, social and assistance problems, children, psychic disorders, treatment.

Conceptul de cerințe educative speciale (CES) a fost lansat în anul 1978, în Marea Britanie, apoi noțiunea a fost preluată de alte țări (Spania, Portugalia), precum și de UNESCO. Sfera de cuprindere a conceptului, este mai amplă decât grupul copiilor cu dizabilități. Din anul 1995 conceptul CES este utilizat în Moldova, prin Legea învățământului din 1995.

Noțiunea de CES desemnează necesitățile educaționale complementare obiectivelor generale ale educației școlare, necesități care solicită o școlarizare adaptată particularităților individuale și/sau caracteristice unei dizabilități ori tulburări de învățare, precum și o intervenție specifică, prin reabilitare/recuperare corespunzătoare. CES exprimă o necesitate evidentă de a se acorda anumitor copii o atenție și o asistență educațională suplimentară, fără de care nu se poate vorbi efectiv de egalizarea șanselor, de acces și participare școlară și socială. Sintagma CES este mai relevantă în plan psihopedagogic decât cea de deficiență, incapacitate/dizabilitate sau handicap. CES desemnează un "continuum" al problemelor speciale în educație, de la dizabilitățile grave și profunde la dificultățile/tulburările ușoare de învățare.

Conceptul de CES corespunde unei abordări care: postulează ideea că fiecare copil este unic; - identifică faptul că orice copil poate învăța; - valorizează unicitatea tipului de învățare determinată de particularitățile individuale; - cultivă diversitatea copiilor ca un mijloc de învățare, care sprijină și întărește învățarea dacă este folosită adecvat (prin curriculum).

CES incită realizarea necesităților educaționale suplimentare, complementare obiectivelor generale ale educației, adaptate particularităților individuale, caracteristice unei anumite deficiențe sau tulburări, dificultăți de învățare; CES solicită și o asistență complexă (medicală, socială, educațională...),

bazată pe realizarea concomitentă și complexă a modelelor: medical, biologic, psihopedagogic și social. Deși cerințele educative speciale derivă din dizabilități, deficiențe, boli sau deprivări de ordin socio-cultural, sfera de cuprindere conceptului "CES" este cu mult mai amplă decât grupul copiilor cu dizabilități [1, p. 58].

Registrul acestora, în accepția UNESCO cuprinde: - întârziere, retard, deficiență mintală/dizabilități intelectuale, dificultăți severe de învățare/dizabilități de învățare; - deficiențe fizice/motorii; - deficiențe senzoriale (vizuale și auditive) vizuale; - tulburări comportamentale și emoționale; - tulburări (dezordini) de limbaj (UNESCO, 1995) [2, p. 37].

Dizabilitatea (incapacitatea) (engl. disability, fr. incapacite) este termen generic pentru afectări, limitări ale activității și restricții de participare (conform CIF), întâlnite la orice populație din lume. Cauzele dizabilităților sunt considerate deficiențele (fizice, senzoriale sau intelectuale), condițiile de sănătate (boli mintale neuropsihice) și factorii de mediu. Din punct de vedere statistic, copiii cu dizabilități (intelectuale, fizice, vizuale și auditive) reprezintă cam 5-10 % dintr-o populație școlară, în vreme ce copii cu CES sunt mult mai numeroși variind în unele țări (SUA, Anglia, Danemarca) între 10 și 20% din populația școlară. În unele țări (SUA, Spania etc) conceptul de CES se referă și la copiii supradotați [3, p. 89].

În Republica Moldova, Legea învățământului din 1995 și amendamentele ei ulterioare, utilizează conceptul de CES, alternativ și/sau echivalent cu cele de deficiență și handicap (la fel ca în România).

În diverse contexte, CES apare și cu notația prescurtată (aproape sinonimă) de „cerințe/nevoi speciale“. Această expresie are o semnificație mai amplă, cuprinzând pe lângă deficiențe sau tulburări și problemele educaționale puse de copiii care cresc în anumite medii defavorizate, copiii delincvenți, copiii străzii sau chiar cei aparținând unor anumite grupuri etnice minoritare, copiii bolnavi SIDA etc. (vezi "Clasificări statistice internaționale a bolilor de sănătate", Revizia a X-a, modificări australiene (CIM-10AM), ediția a treia) [4].

În această accepție, ne apropiem de semnificația, mai largă, a termenului „copii în situație de risc“ sau „copii în dificultate“, a cărui registru de cuprindere este și mai amplu. Nu este posibilă o definiție foarte precisă a cerințelor/nevoilor speciale, datorită varietății și diversității acestora. Începând cu anul 2000 a fost introdusă în legislația și practica națională a protecției copilului conceptul de „copii cu nevoi speciale“, într-un sens restrâns - echivalent celui de copii cu handicap, îndeosebi a celor cu deficiențe mintale.

UNESCO și țările membre ale Uniunii Europene acordă în ultimii ani noțiunii de CES o semnificație mai largă decât cea legată de necesitățile speciale de educație ale copiilor cu deficiențe ori cu tulburări de învățare - în formula „educația cerințelor speciale“ (ECS - engl. „special needs education“), sintagmă introdusă de UNESCO (1995). Se referă în mod general la adaptarea și completarea educației pentru anumiți copii, în vederea egalizării șanselor de participare și integrare școlară. Diferența este dată mai degrabă de accentul care se pune (pe educație și pe școală și nu pe copii). Rațiunea acestei nuanțări terminologice aspiră să înlocuiască atât educația specială cât și CES: dacă anumiți copii au cerințe/nevoi speciale, acestea pot fi satisfăcute și în medii de învățare obișnuite, incluzive - nu numai în medii școlare separate - în vreme ce educația specială sugerează o abordare "specială" și deci segregativă, doar a unor copii.

Ambele concepte (CES și ECS) circulă în prezent în paralel și sunt greu definibile și produc unele confuzii, cu atât mai mult că unii autori, în scopuri umaniste (de a nu traumatiza) au echivalat termenul de întârziere (retard) cu termenul deficiență.

În Convenția ONU privind Drepturile Persoanelor cu Dizabilități, art.1 conform căruia: "Persoanele cu dizabilități includ acele persoane care au deficiențe fizice, mentale, intelectuale sau senzoriale de durată, deficiențe care, în interacțiune cu diverse bariere, pot îngreuna participarea deplină și eficientă a persoanelor în societate, în condiții de egalitate cu ceilalți." (Convenția ONU, adoptată de Adunarea Generală a NU la 13 decembrie, 2006).

În literatura de specialitate din Republica Moldova și din România, diferențierea între deficiență-dizabilitate-handicap nu se face în mod riguros, deși sensul acestor concepte nu sunt identice. Aceste definiții incorecte au consecințe diagnostice, statistice, politico-financiare, educaționale etc., asupra soartei viitoare a copilului, deși reflectă tendințe progresiste. Ele exprimă o necesitate evidentă de a se acorda anumitor copii, mai vulnerabili, o atenție și o asistență educațională suplimentară, pentru egalizarea șanselor. Utilitatea definirii terminologiei utilizate actualmente în țara noastră este necesară pentru a stabili un limbaj comun specific incluziunii.

Mac Milan (1982), în publicațiile sale remarcă, că prezența diferitor contraversive ale specialiștilor cu privire la ce este deficiența mintală și întârzierea mintală, nu sunt simple exerciții de semantică, de a satisface sau nu specialiștii care lucrează nemijlocit cu aceste categorii de copii. O diferență aparent neglijabilă între două definiții poate marca hotărâtor soarta unui copil, în sens negativ privind integrarea în câmpul muncii, independența și bunăstarea vieții sociale [5].

E. Vrășmaș, 1998, menționa, CES derivă din boli sau depriveri de ordin socio-cultural. În categoriile de copii cu CES, se înscriu copiii cu: - dificultăți/dizabilități de învățare; - întârziere și deficiență mintală; - tulburări de limbaj; - deficiențe fizice/motorii; - deficiențe vizuale; - deficiențe auditive; - tulburări emoționale și de comportament; - delinvențele; - copiii străzii; - copiii bolnavi de boli cornice, de SIDA; - copii exploatați, maltratați sau abuzați; - grupuri etnice și religioase minoritare. Marea majoritate a acestor copii întâmpină dificultăți de învățare și sau adaptare școlară, necesitând condiții specifice de învățare, tehnologii pedagogice corecționale, atitudine empatică migălos răbdătoare, atenție sporită din partea cadrului didactic, susținerea grijulie, iubitoare a părinților, asistență multidisciplinară, protecție socială [6].

La nivel mondial, 18% din populație au probleme psiho-emoționale, care pot evolua în maladii mintale, risc de agresivitate, delinvență, viol, crimă. 1:4 dintre oameni suferă de depresie, 70% dintre ei au gânduri suicidare. Din 20 de milioane de tentative de suicid pe an în toată lumea, 1/3 sunt comise de adolescenți. Copiii cu deficiențe mintale severe și asociate, în marea majoritate a statelor sunt indicați pentru educația în sistemul special de învățământ. Aceștia, reprezintă 2,5% (Germania, Israel, Rusia, republicile Baltice) 5-10% (Franța) dintr-o populație școlară, în vreme ce copiii cu CES (indicați pentru sistemul general de învățământ) variază între 10-20% din populația școlară (SUA, Marea Britanie, Danemarca), în dependență de politicile educaționale față de problema dată. Circa 20% din copiii cu deficit de atenție/ hiperactivitate prezintă și o formă de dizabilitate de învățare. Circa

33% din copiii cu deficit de atenție/hiperactivitate prezintă și o anumită formă de tulburare comportamentală [7, p. 90].

Depistarea tulburării comportamentale și emoționale este dificilă. Marea majoritate a acestor copii nu au o tulburare organică sau asociată cu alte tulburări. Sunt copii obișnuiți, care în anumite împrejurări necunoscute sau tensionate, de stres, se exteriorizează prin excese de emoții și comportamente neadecvate. Comportamentele copiilor sunt în continuă schimbare și nu există nici o linie de demarcație clară, care să separe tulburările de comportament de problemele emoționale grave. Se consideră că un copil poate fi diagnosticat cu „tulburare” dacă respectivul comportament se repetă des și este grav. Noțiunea „tulburare comportamentală sau emoțională” semnifică o dizabilitate care este caracterizată prin reacții comportamentale sau emoționale în timpul programului școlar, într-atât de nepotrivite normelor de vârstă, culturale sau de etică, încât afectează negativ reușita școlară, inclusiv abilitățile academice, sociale, profesionale și sociale (Steven R. Forness și Jane Knitzer, 1992) [8].

Conform opiniei personalului didactic din instituțiile generale de învățământ, o problemă majoră cu care se confruntă în desfășurarea procesului didactic o prezintă, anume copiii cu tulburări comportamentale și emoționale, care le distorsionează întreg procesul de predare-învățare.

Cele mai principale probleme sociale, evidențiate de către cadrele didactice, în procesul de lucru sunt: - excesul neașteptat al emoțiilor; - furia; - agresivitatea; - încăpățânarea; - mânia; - distrugerea obiectelor; - aruncarea lucrurilor; - bolborosirea sub nas; - plimbatul prin clasă; - trântirea ușii; - vorbirea nepoliticoasă; - jignirea sau bătaia colegilor etc., toate aceste emoții comportamentale necontrolate distorsionează procesul didactic. Programa școlară supraîncărcată și numărul prea mare de copii din clasă, reduce din timpul necesar pentru a lucra individual cu această categorie de copii. Adeseori, apelarea la părinții acestor copii nu aduce rezultate. De multe ori părinții au un comportament needucațional sau se confruntă cu neascultarea copiilor săi în familie. Excesele emoționale și comportamentale ale acestor elevi prezintă unele modele de imitație pentru elevii din clasă, îndeosebi pentru acei elevi care au o însușire academică mai slabă la disciplinele școlare.

Netratarea la timp a exceselor necontrolate înrăutățește starea sănătății psihice a acestor copii, porniți spre chiul și abandon școlar. Tratamentul psihoterapeutic și consilierea psihologică este anevoioasă, de lungă durată, adeseori cu puține rezultate, deoarece, în majoritatea cazurilor persistă modelul învățării din familie. Școlile generale întâmpină dificultăți financiare în crearea condițiilor necesare pentru organizarea procesului de incluziune: edificii, săli de clasă suplimentare, instrumente, întreținerea personalului specializat în oferirea diferitor servicii multidisciplinare copiilor cu tulburări comportamentale și emoționale [9].

În concluzie, tulburările comportamentale și emoționale reprezintă procentul cel mai mare din toate tulburările psihologice caracteristice copiilor. Tulburările comportamentale și emoționale nu au aceeași valoare pentru indicarea unui diagnostic precis. Multe dintre aceste tulburări pot fi observate în perioadele de trecere de la un ciclu de învățământ la altul. Tulburările de comportament sunt forme de dezechilibru psihic, cu tulburări în sfera emoțional-volitivă, ca urmare a unei leziuni cerebrale pre- sau post-natale, a unor structuri psihice morbide de

natură sociogenă. Aceste tulburări sunt abateri de la normele stării de sănătate și de la normele morale, constituind probleme majore pentru societate, cu daune resimțite în raporturile sociale normale.

Criteriile de diferențiere ale unui comportament normal față de un comportament deviant diferă foarte mult de la o cultură la alta. În literatura de specialitate, în afara termenului de "tulburare de comportament" (adoptat de Comisia de Nomenclatură a Congresului Mondial de Psihiatrie Infantilă din 1950), există numeroase alte denumiri folosite pentru a desemna aceeași realitate. Yonbrel vorbește despre "copilul rău", Wallon "copilul turbulent", Beaujean "copilul revoltat", Lafon "inadaptare juvenilă", "sindrom comportamental" sau "comportamentism" etc. În literatura de specialitate din Republica Moldova și din România, tulburările comportamentale și emoționale sau tulburările psihologice emoționale și comportamentale sunt prezentate cu același sens. Lor le sunt atribuite și tulburările afective și cele de dispoziție, necătând la faptul, că în DSM-IV, aceste tulburări sunt clasate în alte compartimente de boli psihice.

Diferențierea între deficiență-dizabilitate-handicap, nu se face în mod riguros, deși sensul acestor concepte nu sunt identice. În unele cazuri, unitățile abilitare utilizează termeni diferiți pentru a defini elevii cu tulburări comportamentale și emoționale. Îmbinând fiecare cuvânt, se poate obține o listă a celor mai răspândiți termeni aplicați de specialiști: tulburați comportamental; inadaptați, instabili, deviați, handicapați, cu deficiențe, cu dizabilitate. Aceste definiții incorecte au consecințe diagnostice, statistice, politico-financiare, educaționale etc., asupra soartei viitoare a copilului, deși reflectă tendințe progresiste.

Tulburările comportamentale se referă la afecțiunile caracterizate prin comportament agresiv antisocial. Tulburările emoționale se referă la problemele cauzate de deficiențele de educație și de îngrijire, de abilitățile subdezvoltate de depășire a problemelor, precum și de stres, în timp ce elevii cu dizabilități comportamentale sunt deseori mai greu de controlat în clasă, cei afectați de tulburări emoționale în general se supun intervenției și se tratează mai greu.

În accepția UNESCO, copiii cu tulburări comportamentale și emoționale fac parte din categoria copiilor cu CES, necesitând servicii asistențiale multidisciplinare, acordându-li-se o atenție și o asistență educațională suplimentară, pentru egalizarea șanselor.

REFERINȚE BIBLIOGRAFICE:

1. Ionescu Gh. Psihologie clinică. Ed. Academiei, București, 2015.
2. Gorgos C. (sub red.), Dicționar enciclopedic de psihiatrie. Ed. Medicală, București, 1988, 2014;
3. Ajuriaguerra J. De Manuel de psychiatrie. «Maison», Paris, 197.
4. Wechsler 1958, citat din Waplan și Sacuzzo, p. 256;
<https://andreeauta.files.wordpress.com/2012/06/inteligenta-emotionala-recrutori.pdf>.
5. Bândilă A., Rusu C. Dicționar selectiv - Psihopedagogie specială. Defectologie medico-socială. Ed. «Pro-Humanitate», București, 1999, 2009.
6. Lungu-Nicolae S. Pseudodebilitatea mintală la copil. (teză de doctorat), Universitatea din București, 1980.
7. Lewis E.O. (1933), „Types of mental deficiency and their special signifiante”, în: //«J.Ment. Sci.», 1979.

8. Моргачёва Е.Н. Отграничение умственной отсталости от сходных состояний. (по работе а.Ф. Тредголда «тупые и отсталые дети»), стр. 116-123 //Вестник РГГУ № 1 (3) Научный журнал, 2017.
9. Dupre Ernest. Pathologie de l'imagination et l'emotivite. Editura Librairie J-B. Bailliere et Fils, Paris, 1890, 2009

УДК 159.923

Белановская Ольга Викторовна
Белорусский государственный педагогический университет
(Минск, Беларусь)

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ У ЖЕНЩИН ВОЗРАСТА РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Жизненный путь женщины, ее ценности и планы – это те проблемы женщины в современном обществе, которые являются одним из важнейших аспектов осмысления качества жизни. В результате исследования выявлена динамика жизненных планов и жизненных ценностей у женщин в период ранней и средней зрелости. Отмечено, что с возрастом женщины перестают активно планировать свою жизнь, изменяется спектр значимых жизненных ценностей.

Ключевые слова: *жизненные ценности, жизненные планы, возраст ранней зрелости, возраст средней зрелости.*

Belanovskaya O.V.
Belarusian State Pedagogical University
(Minsk, Belarus)

LIFE PLANS AND LIFE VALUES IN WOMEN AGE EARLY AND MIDDLE ADULTHOOD

The life path a woman, her values, and plans - these are the problems of women in modern society, which are one of the most important aspects of understanding of quality of life. A result of research is revealed the dynamics of life plans and values in women in the the early and middle adulthood. Been noted that with age, women are no longer actively plan your life, is changed spectrum of relevant of life values.

Keywords: *the life values, the life plans, the age of early adulthood, middle age of adulthood.*

Жизненный путь личности – это целостный, непрерывный, динамический процесс гармонизации отношений индивида и общества, представленного его социальными институтами. Динамику этого процесса можно представить как постоянное изменение индивида в непрерывно изменяющемся мире. И это изменение должно идти в направлении конструирования личностью своего жизненного пути, к личности, творящей себя и свой жизненный мир.

Конструирование жизненного пути личности можно представить как совокупность средств, форм и методов достижения человеком своих жизненных целей, при помощи которой человек может оптимально сформировать и эффективно реализовать личную жизненную стратегию. Формирования жизненного пути личности можно представить как процесс, в основе которого лежат социальные потребности индивида, служащие формированию системы ценностных ориентации. Ценностные приоритеты и

жизненные планы, в конечном итоге, будут определять последовательность событий жизненного пути личности.

Жизненный путь женщины, ее ценности и планы – это те проблемы женщины в современном обществе, которые являются одним из важнейших аспектов осмысления качества жизнедеятельности цивилизованных обществ.

В отечественной психологической науке жизненные планы личности рассматривались в связи с выделением: категории субъекта жизнедеятельности (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн), психологического анализа жизненного пути личности (Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова), проблемы самоопределения молодежи (И.С. Кон), сохранения мотивации поведения во временной перспективе (В.Г. Асеев, В.К. Вилюнас, Б.Ф. Ломов, Б.М. Теплов), обобщающего механизма жизненного целеполагания (И.С. Кон, Б.Ф. Ломов, Н.Ф. Наумова), диспозиционной концепции личности (В.А. Ядов), а также в связи с проблемами направленности личности (В.Г. Деев, В.Ф. Пирожков) [1; 4].

Общая идея, объединяющая различные подходы, выражается в том, что жизненные планы в общем виде понимаются как активность личности, направленная к будущим событиям, которые уже в настоящем определяют поведение и деятельность человека, обуславливают изменение и развитие его отношений с окружающей действительностью, в чем человек и проявляет себя как субъект своего жизненного пути.

Основной функцией жизненных планов является формирование отношения человека к будущему. В планировании отражается субъективное активно-творческое отношение к будущему. Жизненный план – это внутренне осознанная система отношений к обществу, к другим людям, к самому себе.

Мы понимаем жизненные планы личности как совокупность путей, средств и методов достижения жизненных целей, выдвигаемых на будущее в процессе жизнетворчества. Эти пути и средства определяются, с одной стороны, объективными условиями, с другой – ценностными ориентациями личности, лежащими в основе формирования содержательно и хронологически согласованных жизненных планов.

Внутренней основой возрастной динамики жизненных планов являются изменения в системе субъективных ценностей личности, которые складываются в результате усвоения, интериоризации общественных ценностей и собственной социальной активности.

Не только жизненные планы, но и духовное развитие личности в целом имеет своим центром освоение, переживание и свое произведение ценностей жизни. Условно эти ценности можно разделить на материальные, социально-политические и духовные. К материальным ценностям относят технику и материальные блага. К общественно-политическим ценностям – свободу, братство, справедливость, равенство. К духовным - образование, науку, искусство. Чувство патриотизма, труд, общение с людьми являются своего рода синтетическими ценностями. Направленность личности на те или иные ценности составляет ее ценностные ориентации. Проявлениями внутренней активности личности в связи с ее ценностными ориентациями выступают также такие характеристики, как совокупность сознательных отношений к обществу, труду, группе, к самой личности нравственные позиции и мотивы поведения формирующейся личности [2, с. 94; 49, с. 83].

Ценностные ориентации личности, связывающие её внутренний мир с окружающей действительностью, образуют сложную многоуровневую иерархическую систему, занимая пограничное положение между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов. Соответственно, ценностные ориентации личности выполняют двойственные функции. С одной стороны, система ценностных ориентаций выступает в качестве высшего контрольного органа регуляции всех побудителей активности человека, определяя приемлемые способы их реализации. С другой – в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом. Система ценностных ориентаций, тем самым, является важнейшим психологическим органом саморазвития и личностного роста, определяя одновременно его направление и способы его осуществления.

Ценностные ориентации - это элементы структуры личности, которые характеризуют содержательную сторону ее направленности. В форме ценностных ориентаций в результате обретения ценностей фиксируется существенное, наиболее важное для человека. Содержание их изменчиво и подвижно. Система ценностных ориентаций выступает «свернутой» программой жизнедеятельности и служит основанием для реализации определенной модели личности [4, с. 112].

Как справедливо замечает Д.А. Леонтьев, личностные ценности являются одновременно и источниками, и носителями значимых для человека смыслов. По словам Ф.Е. Василюка, «ценность внутренне освещает всю жизнь человека, наполняя её простотой и подлинной свободой». В этой связи, ценности приобретают качества реально действующих мотивов и источников осмысленности бытия, ведущих к росту и совершенствованию личности в процессе собственного последовательного развития. Являясь, таким образом, психологическим органом, механизмом личностного роста и саморазвития, ценностные ориентации сами носят развивающийся характер и представляют собой динамическую систему [3, с. 69].

В составе жизненного плана различают два типа целей: конечные (идеальные) и вспомогательные (реальные, конкретные). Конечные цели представляют собой идеалы, понимаемые как ценности; эти цели стабильны. Реальные же цели характеризуются конкретностью и достигаемостью, они могут изменяться в зависимости от успехов или неудач. Таким образом, можно говорить о связи жизненного плана с ценностями, представление о собственном будущем связано с ценностями.

Изучение ценностной сферы личности представляет особый интерес для современной психологии. Во-первых, потому, что рассмотрение ценностей позволяет проследить закономерности развития общества, государства, а во-вторых, исследование этих феноменов предполагает выяснение их влияния на многие сферы жизнедеятельности человека (профессиональное и личностное самоопределение, отношения в семье, детско-родительские взаимодействия и многие другие). Ценности человека определяют содержательную сторону направленности личности и составляют основу его отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе, основу мировоззрения и ядро жизненной активности человека [5]. Поэтому, целью

нашего исследования было изучение динамики жизненных ценностей и жизненных планов женщин в период зрелости.

В исследовании приняли участие 70 женщин (35 женщин в возрасте ранней зрелости: от 20 до 30 лет и 35 женщин в возрасте средней зрелости: от 30 до 40 лет) имеющих различный образовательный и профессиональный статус. Для решения задач исследования использованы следующие методики: «Морфологический тест жизненных ценностей» (в модификации И. Г. Сенина), Экспресс-диагностика социальных ценностей личности, Методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова), свободные тексты «Мои жизненные планы».

Полученные результаты позволяют утверждать, что сфера семейной жизни является приоритетной для женщин первой (возраст ранней зрелости) и второй (возраст средней зрелости) групп испытуемых. Наиболее значимыми явились сфера профессиональной жизни (для испытуемых первой группы) и сфера физической активности (для испытуемых второй группы). Сфера образования занимает третье место в рейтинге значимости по обеим выборкам. Четвертое место у первой группы занимает сфера физической активности, у второй группы – общественная сфера, которая у первой группы находится на пятом месте. Сфера увлечений находится на пятом месте у второй группы и на шестом, последнем у первой группы. У второй группы на последнем месте разместилась профессиональная сфера.

Значимость сфер образования и обучения, семейной жизни у двух групп женщин одинакова. Почти одинаковую значимость имеют сферы общественной активности и увлечений, но значимость отдельных сфер различна. Так у первой группы профессиональная сфера находится на втором месте, а у второй группы – на последнем. Скорее всего, это связано с тем, что в возрасте 20 - 30 лет женщина только начинает свою профессиональную деятельность, в то время как после 30 она чаще всего достигает определенного профессионального статуса. Высокое значение для второй группы сферы физической активности можно объяснить стремлением женщин сохранить свою молодость и здоровье на фоне тех биологических изменений, которые начинаются в период средней зрелости.

По выборке женщин возраста ранней зрелости была выявлена следующая иерархия ценностей: материальное положение, развитие себя, достижения, сохранение индивидуальности, собственный престиж, креативность, социальные контакты и духовное удовлетворение.

По выборке женщин средней зрелости ценности имели такой порядок: сохранение индивидуальности, материальное положение, собственный престиж, достижения, духовное удовлетворение, развитие себя, социальные контакты и креативность.

«Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» позволила выявить, что выборкам наибольшую ценность представляют семейные ценностные направления и предпочтения. Финансовое направление занимает второе место у первой группы и третье у второй. Профессиональное направление - третье место у первой группы и четвертое у второй группы. У всех пятое место занимают социальные ценности. Физическое направление находится на шестом месте у первой группы и на седьмом месте у второй

группы. На последнем месте во второй группе общественное направление, в первой группе оно предпоследнее.

Относительно значимые различия наблюдаются в расположении двух направлений. Для второй группы более важными, чем для первой группы, являются интеллектуальное (2 место) и духовное (6 место) направления. В первой группе это четвертое и восьмое места соответственно.

Изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности позволило выявить степень выраженности ценностных ориентаций (табл.1).

Таблица 1 – Ценностные ориентации женщин (по убыванию значимости)

Женщины возраста ранней взрослости	Женщины возраста средней взрослости
1. Приятное времяпрепровождение, отдых	1. Помощь и милосердие
2. Помощь и милосердие	2. Любовь
3. Признание и уважение	3. Приятное времяпрепровождение, отдых
4. Любовь	4. Признание и уважение
5. Поиск и наслаждение прекрасным	5. Поиск и наслаждении прекрасным
6. Здоровье	6. Здоровье
7. Материальное благосостояние	7. Материальное благосостояние
8. Познание нового в мире, природе, человеке	8. Познание нового в мире, природе, человеке
9. Высокий социальный статус	9. Общение
10. Общение	10. Высокий социальный статус
11. Социальная активность	11. Социальная активность

Относительно значимые различия наблюдаются в важности следующих ценностных ориентаций: чуть менее значимы для второй группы женщин отдых и приятное времяпрепровождение, но более значима любовь. В целом по всем методикам прослеживается большая значимость для женщин возраста средней взрослости их духовного состояния и развития.

Для исследования жизненных планов женщин были использованы свободные тексты «Мои жизненные планы». Женщинам предлагалось провести планирование их жизни на ближайшие пять лет с интервалом в один год.

В целом планы женщин возраста ранней взрослости отличаются разнообразием и насыщенностью. Так 87,5 % женщин планируют отдых за рубежом или на море, путешествия. Покупку квартиру, строительство своего дома и улучшение жилищно-бытовых условий в целом запланировало 87% участниц. На покупку автомобиля рассчитывают 31% женщин. 50% женщин видят неотъемлемой частью своей жизни интересные дела, хобби. При этом они не забывают об образовании и повышении квалификации. Так 86,3% женщин планируют получение второго образования, дополнительной специальности или посещение различных курсов. Повышение квалификации отмечено у 43% женщин первой группы и только у 11,4 % женщин второй группы.

По данной группе респондентов можно выделить три приоритетных направления планирования жизни: образование, профессия и семья. Причем прослеживается закономерность. В основном первые четыре года женщины планируют окончание первого образования, получение второго образования, профессиональное становление и только потом создание семьи, рождение ребенка.

Основные планы женщин после 30 лет связаны с жизнью их детей: поступление в школу, выбор кружков и занятий по интересам, помощь в становлении, определение их дальнейшего будущего, лечение и отдых детей. Об этом в своих планах упомянуло 34 % женщин.

Отметим, что жизненное планирование женщинами возраста ранней зрелости является более разнообразным и насыщенным жизненными событиями. В первую очередь касается вопросов семьи, профессии и образования. Жизненные планы женщин возраста средней зрелости более всего сосредоточены на вопросах воспитания детей и менее всего на собственном профессиональном и личностном развитии.

Полученные в исследовании результаты позволяют утверждать, что ценностные ориентации женщин в современных условиях претерпели изменения. Для женщин стало важным достижение высокого материального положения своим трудом, стремление иметь высокий социальный статус, признание и уважение женщины как равной мужчине. Направленными планами женщин в период ранней зрелости являются образование, профессиональное становление и семья. При планировании ребенка современные женщины придерживаются модели: получение образования – начало профессиональной карьеры, становление как специалиста – рождение ребенка (1-2 года) – продолжение карьеры, продвижение по служебной лестнице, собственное дело. С возрастом женщины перестают активно планировать свою жизнь, что вероятно связано с особенностями психосоциального развития в период средней зрелости, когда женщина в основном достигла многого из того, что планировала ранее, и теперь главной задачей для нее является сохранение и стабилизация достигнутых результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. - М.: Мысль, 1991. - 299 с.
2. Будинайте, Г.Л., Корнилова, Т.В. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта / Г.Л. Будинайте // Вопросы психологии. - 1993. - № 5. - С. 99-105.
3. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике/ Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. - СПб.: Питер, 1999. - 528 с.
4. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн; отв. ред. Е.В. Шорохова. - Изд. 2. - М.: Педагогика, 1976. - 415 с.
5. Строгая, Ю.В. Проблема кризисов зрелого возраста / Ю.В. Строгая, О.В. Белановская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. Т.3. – Выпуск 4 (12). – С. 333 – 339

УДК 376.58=512.122

Жуматова Гульзат Мухаметкаримовна, Жумаканова Улпан Сериккановна
Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті
(Қарағанды, Қазақстан)

ЖАСӨСПІРІМДЕР АРАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аннотация. Қазіргі таңдағы жасөспірім құқық бұзушылардың психологиясын зерделеу әдістеріне жалпы шолу. Кәмелет жасына толмаған жасөспірімдер арасындағы құқық бұзушылықтың алдын алу шаралары.

Түйінді сөздер: Құқық, құқық бұзушылық, қоғам, психология, жасөспірім, мәселелер, отбасылық құқықтық қатынастар.

Қазіргі таңда жасөспірімдер арасындағы құқық бұзушылықтың көрінісі қай қайсысымызды болса да, алаңдатпай қоймайды. «Жарқын болашақ – жарқын да жалынды жастардың қолында», - демекші Қазақстан Республикасының президенті Н.Ә. Назарбаев жарқын жастарды демеу саясатын үздіксіз жүргізіп отыр. Жасөспірімдердің ертеңгі күні білімдар, зерек, алғыр болып өсуіне көп жағдай жасалған. Алайда осы жасалып отырған жағдайларды қазіргі жастар тиімді пайдалана алды ма? Тиімді пайдаланса жасөспірімдер арасында құқық бұзушылыққа неге жол беріледі? Бұл мақалада сіздер осы сұрақтарға жауап ала аласыздар [2, б. 211].

Бүгінгі қоғамымыздың алдында тұрған маңызды әрі өзекті мәселелердің бірі – жасөспірімдер арасындағы құқық бұзушылықтың алдын алу болып табылады. Жасөспірімдердің осындай қылмысқа жол беруі мемлекетіміздің өркендеп дамуына, алдыңғы қатарлы ел болуына қайшы келеді. Жалпы жасөспірімдік кезең – жеткіншек кезеңнен ересек кезеңге өту периоды. Бұл кезеңде жасөспірімнің сана сезімінің дамуы, тұлға болып қалыптасуы жүзеге асады және өзінің күрделілігімен есте қалады.

Жасөспірімдер мәселесін зерттеуші ғалым, педагог В.А. Сухомлинский баланы тәрбиелеудің екі жолын ұсынған. Бірі - тәрбиеленушіге саналы әсер ету, екіншісі – қоршаған әлеуметтік ортаның оқушыға әсері. Әлеуметтік орта ретінде алғаш ойға келетіні жасөспірімнің отбасы. Отбасы өскелең жасөспірімнің қай жағынан болмасын дамуына тікелей әсер етеді. Жасөспірімнің көзінше отбасының материалдың жағдайы, ұрыс – жанжал, айқай - шу туралы сөз болмағаны абзал.

Осы тақырыпты зерттей келе, жасөспірімдер арасында құқық бұзушылыққа жол берілуінің бірнеше себептерін ұсынғым келеді:

- өз пайдасын ойлау;
- қатарластарының айтқанына еру;
- отбасының материалдық жағдайына көңілі толмау;
- күнделікті қызықсыз әрекеттерден шаршау нәтижесінде неғұрлым қызық өмірге талпыныс;
- ата – ананың жасөспірімге көңіл бөлмеуі;
- мектептегі оқу – тәрбиелік жұмыстардың кемшілігі;
- өзгермелі психологиялық мінез – құлық.

Аталған себептердің барлығы өскелең жасөспірімнің қылмысқа баруына әкеліп соқтырады. Бұл айтылған жағдайлар жасөспірімдердің психологиясына да әсер етпей қоймайды. Құқық бұзушыларда көп жағдайда эмоционалды мінез – құлықтың әлсіреуін, басқалармен тығыз қарым – қатынастан қашақтауын байқаймыз. Өз – өзіне және айналасындағыларға деген құрмет жоғалады, психикалық жай – күйін түсінуден қалады. «Мен кіммін?» және «Кім болғым келеді?» секілді сұрақтардың жауабы олар үшін беймәлім. Сондай – ақ құқық бұзушы ішімдікке әуестену, есірткі шегу, төбелеске бейім болады, ал жүрегі қатігездік пен мейірімсіздікке тез ұрынады. Өзінен үлкен аға – буындарды сыйлаудан қалады. Жалпы айтқанда өмірге деген көзқарасы толықтай әлсіз тұстарға өзгереді [1, б. 56].

Жасөспірімдер арасындағы құқық бұзушылықтың топтасқан түрі де кездеседі. Ғалымдардың дәлелдеуі бойынша, жалғыз адамның құқық бұзушылығына қарағанда, топтасқан түрдегі құқық бұзушылық әлдеқайда көп байқалған. Топтасқан түрде әрекет ету жасөспірімдер үшін қалыпты жағдай. Осыған орай енді ғана дамып, өсіп келе жатқан жасөспірімдеріміздің рухани тұрғыда төмен деңгейге түсіп қалуына жол бермеуіміз қажет.

Кәмелет жасына толмаған жасөспірімдер арасындағы құқық бұзушылықтың алдын алу мүмкін бе?

Менің ойымша ең бірінші кезекте өнегелі отбасы құрудан бастау керек. Себебі өскелең жас ұрпақ өзіне ең жақын деп санайтын адамдарына қарап өнеге, тәлім – тәрбие көзін алады. Ата – ана мен бала арасындағы сүйіспеншілік жалынды жастарды тәрбиелеп шығаратынын сеніммен айта аламын. Алайда кәмелет жасына толмаған құқық бұзушыны дұрыс жолға салып, тәрбиелеу жұмыстары тек қана ата – ана тарапынан болуы да аздық етеді. Сонымен қатар сауалнамамен жұмыс жүргізу арқылы пікір алмасу да өзінің оң нәтижесін береді деп ойлаймын. Айта кету керек, сауалнама жүргізу әдістемесін жасөспірімдерге таныс емес адамдардың жүргізгені дұрыс. Сауалнамамен жұмыс жүргізе отырып, жасөспірімдер өздерінің көкейтесті сұрақтарына жауап ала алады. Және де құқық бұзушылықты тудыратын себептерді, көздерді зерттеу арқылы құқық бұзушылық деңгейін бір сатыға төмендете аламыз. Оқушыларды өз құқықтарымен жіті таныстырып, керек кезінде пайдалану әдістерін үйрету - көздеген мақсатымызға жетудің бір тәсілі. Дау туып жатқан жағдайда құқықтық жолмен шешу жолдарын үйренуіне көмектесу қажет [2, б. 95];

Әрине құқық бұзушылықты болдырмау жөнінде жүргізілетін іс – әрекеттер аз уақыт аралығында өз нәтижесін бермеуі мүмкін, бірақ бұл айтылған жұмыстар жүргізілуі қажет және осы проблемаларды шешудің үздік әрі айқын жолы деп білемін.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Дулатбеков Н.О. Қылмыстық жазаны жеке даралау. Оқу құралы. Қарағанды 1996 ж.
2. Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы: Оқулық. – Алматы: Дәнекер, 2000ж.
3. Ағыбаев А. Қылмыстық құқық. Оқулық. Ерекше бөлім. Алматы, 2000 ж.

УДК 159.9.07, 321.64

Карачевцев Ярослав Николаевич
Национальный союз журналистов Украины
(Харьков, Украина)

ВЛИЯНИЕ НОВОСТЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В настоящей статье выдвинута гипотеза о том, что современные новости украинских СМИ, а в особенности новости об антитеррористической операции на востоке Украины негативно влияют на психологическое здоровье слушателей телевидения и лиц, читающих новости в интернете или в печатных газетах и журналах. Данная гипотеза была подтверждена в лонгитюдном исследовании, длившемся с декабря 2015 г. по октябрь 2017 г. на серии психодиагностических методик. Было выявлено, что с увеличением времени, потраченного на ознакомление с новостями, возрастают показатели по шкалам ситуативной тревожности, страха, гнева, печали, уменьшает показатели по шкале «радость».

Ключевые слова: новости, новости об АТО, психологическое здоровье, эмоции, ситуативная тревожность, страх, гнев, печаль, радость.

*Karachevtsev Yaroslav Mykolaiovych
National Union of Journalists of Ukraine
(Kharkiv, Ukraine)*

THE INFLUENCE OF NEWS ON PSYCHOLOGICAL HEALTH OF THE UKRAINIAN POPULATION

In this paper, a hypothesis has been put forward that the current news of the Ukrainian media, and in particular, news about the antiterrorist operation in the east of Ukraine negatively affects upon the psychological health of TV listeners and those who read news on the Internet or in the printed newspapers and magazines. This hypothesis was confirmed in a longitudinal study which lasted from December 2015 till October 2017 on a series of psychodiagnostic techniques. It was revealed that with increase of time, spent on familiarizing with the news, the indicators on the scales of situational anxiety, fear, anger, sadness became to increase while the indicators on the "joy" scale – to decrease.

Keywords: news, news about ATO, psychological health, emotions, situational anxiety, fear, anger, sadness, joy.

Для проверки данной гипотезы была выбрана группа молодых людей в количестве 30 человек, представляющая различные слои украинского общества. Возраст испытуемых находился в пределах от 25 до 35 лет. Среди респондентов были молодые ученые, работники государственных учреждений и вузов, самозанятые лица. Для проверки гипотезы было выбрано лонгитюдное исследование, которое проводилось в два этапа: в декабре

2015 г. – марте 2016 г. (первый этап), сентябре – октябре 2017 г. (второй этап). В качестве методов исследования были выбраны следующие психодиагностические методики: Четырехмодальный эмоциональный вопросник Л.А. Рабинович по шкалами радость, гнев, страх, печаль; шкала тревоги Спилбергера, шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (РН), шкала (Тест-опросник) депрессии Бека [1]. Для оценки объема прослушанных / прочитанных новостей были заданы вопросы: сколько минут в неделю вы уделяете ознакомлению с новостями в различных СМИ (телевидение, интернет, газеты и пр.), а также какой процент из них составляют новости о войне в Украине, и связанные с нею темы? Полученные данные составляли переменные Новости, Новости об АТО (измеряемые в минутах в неделю).

Для шкал радость, гнев, страх, печаль при использовании четырехмодального эмоционального вопросника Л.А. Рабинович использовались следующие преобразования: Радость (в балах) / 48 * 100 = Радость (в %) = Радость, и далее по аналогии со шкалами Гнев, Страх, Печаль. При использовании Шкалы тревоги Спилбергера были сделаны следующие преобразования. (СТ (б) - 20) / 60 * 100 = СТ (%) = СТ - уровень ситуативной тревожности в процентах, (ЛТ (б) - 20) / 60 * 100 = ЛТ (%) = ЛТ – уровень личностной тревожности в процентах. При использовании уровня невротизации по Шкале для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации была введена переменная Невротизация, соответствующей вероятности наличия невротизации, которая исчислялась в процентах в соответствии с ключом к вышеуказанной шкале. При использовании Шкалы (теста-вопросника) депрессии Бека была введена и использовалась при расчетах переменная Депр., выраженная в процентах, определялась по следующей формуле: Депр = Депр (%) = Депр (б) * 100/63.

В результате проведенного исследования было установлено отрицательное воздействие новостей на состояние здоровья и эмоциональную сферу реципиентов информации. С увеличением количества времени, потраченного на просмотр, прочитывание новостей, в том числе новостей о войне на Донбассе и связанных с нею тем, у человека возрастали показатели по шкалам уровень невротизации, страха, печали, гнева, ситуативной тревожности, уменьшались показатели по шкале радость. причем влияние новостей о вооруженном конфликте практически вдвое было пагубнее обычных новостей.

Так, для возникновения повышенного уровня невротизации человеку достаточно было 1,5 часа в неделю уделять внимание новостям об АТО, высокого уровня невротизации – 3 часа, очень высокого – 4,5 часа (при коэффициенте корреляции $r = 0,53$). А, как известно, при высоком уровне невротизации может наблюдаться выраженная эмоциональная возбудимость, продуцирующая различные негативные переживания (тревожность, напряженность, беспокойство, растерянность, раздражительность) и легкая фрустрируемость различными «внешними» и «внутренними» обстоятельствами. Сама же методика определения уровня невротизации используется как клиническая скрининговая методика, предназначенная для предварительной диагностики расстройств невротического уровня. Некоторые психологи трактуют невротизацию как склонность к появлению заболеваний

вследствие влияния негативных эмоциональных и психологических факторов. При просмотре новостей вообще для появления повышенного уровня невротизации телевидению, интернет и другим СМИ необходимо уделить 3 часа времени в неделю, для высокого уровня – 5 часов, для очень высокого – 7 часов (при коэффициенте корреляции $r = 0,72$).

Также была выявлена довольно сильная корреляция между просмотренными / прочитанными новостями и уровнем ситуативной тревожности ($r = 0,93$). Так, при просмотре новостей вообще для достижения высокого показателя тревожности новостям необходимо было уделить 40 минут времени в неделю. Для очень высокого уровня тревожности (мы условно ввели эту шкалу при достижении показателя тревожности в баллах = 73), новостям вообще необходимо было уделять 7 часов в неделю, а для максимального показателя по шкале ситуативная тревога – 14 часов. Для зависимости ситуативной тревожности от новостей об АТО была выявлена зависимость с коэффициентом корреляции $r = 0,74$. При анализе полученной формулы следовало, что уровень высокой тревожности возникает у слушателей новостей об АТО при затрате времени в объеме 20 минут в неделю, для достижения очень высокого показателя необходимо было затратить 4 часа в неделю, а для максимального показателя по шкале – 8 часов в неделю. При диагностики личной тревожности не было выявлено зависимостей с просмотром / прослушиванием как новостей вообще, так и новостей об АТО (коэффициенты корреляции – 0,21 и 0,14, соответственно). Данные результаты совпадают с научным определением личной тревожности как индивидуальное свойство человека воспринимать угрозу в стрессовой ситуации. Состояние реактивной (ситуационной) тревоги, наоборот, возникает при попадании в стрессовую ситуацию и характеризуется субъективным дискомфортом, напряженностью, беспокойством и вегетативным возбуждением. В данном случае было выявлено стрессовое состояние – способ предоставления новостей вообще, и новостей об войне на Донбассе, в частности, такой, какой он используется в настоящее время большинством украинских теле и интернет СМИ. По нашему мнению, объяснение негативного воздействия новостей на психику человека в Украине связано с тем, что подача новостного материала, в большинстве случаев связано с негативом: новостям о криминальной хронике, ДТП, судебным тяжбам, бытовым несчастным случаям, последствиям природных катаклизмов, вооруженным и политическим конфликтам в мире, - т.е., в основном, негативу, а не достижениям науки и техники, социально-экономическому развитию, или другим позитивным моментам жизни.

Кроме того, в ходе дальнейшей интерпретации полученных результатов нами было выявлено, что для появления повышенного показателя страха, новостям о войне на Юге Украины достаточно уделять 3 часа в неделю, а для высокого уровня страха – 6 часов в неделю (при коэффициенте корреляции $r = 0,75$). Кроме того, ознакомление с новостями об АТО способствует появлению печали (2 часа новостей для проявления повышенного показателя, 5 часов новостей – для высокого показателя, при коэффициенте корреляции $r = 0,46$). Просмотр новостей о вооруженном конфликте также влияет на появление чувства гнева (1,5 часа для повышенного показателя, 6 часов – для высокого, при коэффициенте корреляции $r = 0,35$). Для появления таких же показателей

при получении новостей вообще, как правило, нужно потратить времени в два раза больше, указанного выше.

Также было выявлено отрицательное воздействие новостей на показатели по шкале «Радость». Так 3 часа новостей в неделю вызывают пониженный показатель радости, а 6 часов в неделю – низкий показатель. Новости об АТО воздействуют на эмоциональное состояние человека в два раза пагубнее обычных новостей – 75 минут новостей в неделю вызывают пониженный показатель радости, 3 часа в неделю – низкий показатель радости.

При статистическом анализе были выявлены следующие закономерности, которые можно представить в виде формул:

Ситуативная тревожность = $38,5 + 0,075 * \text{Новости}$,

Ситуативная тревожность = $42,5 + 0,12 * \text{Новости об АТО}$,

Невротизация = $45 + 0,13 * \text{Новости}$,

Невротизация = $52 + 0,18 * \text{Новости об АТО}$,

Страх = $41 + 0,05 \text{Новости}$,

Страх = $42 + 0,11 * \text{Новости об АТО}$,

Печаль = $39 + 0,077 * \text{Новости}$,

Печаль = $42 + 0,14 \text{Новости об АТО}$,

Гнев = $52 + 0,04 * \text{Новости}$,

Гнев = $53 + 0,076 * \text{Новости об АТО}$,

Радость = $58 - 0,097 * \text{Новости}$,

Радость = $54 - 0,19 * \text{Новости об АТО}$,

где психологические показатели измеряются в %, а Новости – в минутах времени в неделю.

В тоже время не было выявлено зависимости между уровнем депрессии и временем, потраченным на просмотр новостей, однако, ранее, как сообщалось в [2], нами была выявлена зависимость между уровнем депрессии от величины получаемого дохода на одного человека. Так, $\text{Депр} (\%) = 42 - 0,0088 \text{ доход}$, или $\text{доход} = 4770 - 114 \text{ Депр} (\%)$, где показатель депрессии рассчитывался по методике «Шкалы депрессии Бека». Уровень депрессии в процентах $\text{Депр} (\%) = \text{Депр} (\text{в баллах}) * 100 / 63$.

В ценах на октябрь 2017 г., на основании собственных расчетов, мы пришли к выводу, что отсутствие депрессивных симптомов связано с получением дохода, равного более 3300 грн. в мес. на одного человека (численность населения с доходом менее 3300 грн. составляет 73 % украинского населения) [3]. Уровень легкой депрессии диагностировался у лиц, получающих доход от 2130 грн. до 3300 грн. (численность населения с доходом в этом диапазоне – 45 % украинского населения). Если размер дохода находится в пределах от 1420 грн. до 2130 грн. (численность населения с доходом в этом диапазоне – 22,8 % украинского населения), то у испытуемого чаще всего диагностировалась умеренная депрессия. Выраженная депрессия определялась у лиц, имеющих доход меньше 1420 грн. (численность населения с доходом в этом диапазоне – 4,9 % украинского населения) при коэффициенте корреляции – 0,77. Среди лиц, участвующих в опросе депрессивные отклонения наблюдались у 60% опрошенных. Это связано с тем, что опрос проходил среди лиц, с относительно большим достатком.

При опросе лиц, участвующих в лонгитюдном исследовании было установлено, что многие из них впоследствии стали меньше уделять времени новостям, так как интуитивно чувствовали их отрицательное воздействие, а некоторые, как ранее, так и сейчас стараются новостям вообще не уделять внимания, и смотрят их случайно, когда по бытовым причинам заходят в комнату к своим родственникам, просматривающим в это время новости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2001. — 752 с. — (Серия «Мастера психологии»).
2. Карачевцев Я. Н. Взаимосвязь особенностей эмоционально-волевой сферы взрослых людей с выбором ими стратегий поведения в конфликтных ситуациях [Текст] / Я. Н. Карачевцев // Вестник ХНПУ им. Г.С. Сковороды. Психология. – Вып. 54. – Х.: ХНПУ, 2016. – С. 73 – 82.
3. Распределение населения по уровню среднедушевых эквивалентных общих доходов [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственного комитета статистики Украины. Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/gdvdg_rik/dvdg_u/rozpodil2010_u.htm

СЕКЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.43

Альжанова Гульзада Бахыткалиевна
Карагандинский государственный технический университет
(Караганда, Казахстан)

ИСТИНА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема истины. Проблема истины всегда интересовала философов различных эпох. Каждая эпоха приносила свое понимание о сущности истины. Философские теории XX века не удовлетворялись предшествующими критериями истины. Поэтому различные философские течения и направления выдвигали свои критерии истины, соответствующие их воззрениям.

Ключевые слова: Истина, знания, познание, прагматизм, философия, эпистемология.

Alzhanova Gulzada Bakhytkalievna
Karaganda state technical university
(Karaganda, Kazakhstan)

TRUTH AS THE CENTRAL PROBLEM OF KNOWLEDGE

Abstract. This article deals with the problem of truth. The problem of truth has always interested philosophers of different eras. Each epoch introduced its understanding of the essence of truth. Philosophical theories of the twentieth century were not satisfied with the previous criteria of truth. Therefore, various philosophical trends and trends put forward their criteria of truth, corresponding to their views.

Key words: truth, knowledge, cognition, pragmatism, philosophy, epistemology.

The truth is the central problem of the theory of knowledge. Traditionally, it is solved through the notion of truth and error. It is enough to think over the words of Rabindranath Tagore: "If you close your door for all delusions, then the truth will remain outside" [1, p. 29].

Usually, truth is defined as the correspondence of knowledge to an object, as information obtained through the sensual or intellectual comprehension of it. And already in the senses there are the rudiments of the opposite of truth and error, where the subjective is still inseparable from the objective. A man is mistaken when he seeks, and every search presupposes a certain freedom of action. In sensations and perceptions, there is no such freedom, because they are the result of direct interaction of the senses with things. Nevertheless, the term "truth" as a synonym for the term "adequacy" is legitimate to use when characterizing the content of sensations corresponding to objective reality [2, p. 95].

To a certain extent, it is already possible to subdivide the subjective and the objective in representations. But only in thinking the objective can be removed from the subjective, and thus the truth from error. In order to separate the false from the true in the concept, it is necessary to compare this concept with others. Therefore, strictly speaking, only a judgment in which the concepts are related can be completely false or completely true, that is, to concentrate in one or another side of the opposite. That is why sometimes the opinion is expressed that the theory of truth is limited to a field of judgments and inferences. This idea is one-sided. The fact is that the concepts of truth and falsity are applicable to the ideal images on both the sensory and rational stages of cognition. Nevertheless, it is through the connection of all forms of cognition with judgment that we are able to assess the correlation of the true and the false in terms, and then in the perceptions, perceptions, sensations.

The concept that truth is the correspondence of the thoughts of reality is called classical. It is the oldest of all concepts of truth. It is with her that the theoretical investigation of truth begins. The classical concept always stood closer to the material than to the ideal. Only within the framework of materialism, it has received its full development.

The central concept of the classical concept is the concept of the correspondence of the thoughts of reality. When they say that a thought corresponds to reality, they mean the following: what is affirmed by thought really does take place. The concept of correspondence coincides with the concept of "reproduction", "adequacy" [3, p. 127].

Another important concept of the classical concept is the concept of reality, or reality. When cognition is oriented toward the external world, this concept is identified with the concept of the objective world. However, in the context of the theory of truth, such an interpretation is really narrow. This concept claims to be universal, to accept the notion of truth not only to thoughts directed to the objective world, but also to thoughts relating to objects of any nature, including to mental objects.

There are two versions of the coherent theory of truth. One of them introduces a new concept of truth, as the coherence of knowledge, which is supposed to replace the former concept of truth, as the correspondence of knowledge of reality. Another option asserts that the correspondence of knowledge of reality can be established only through coherence, which acts as a criterion of truth. One of the founders of the first version of coherent theory is considered to be Kant. According to Kant, there is mutual coherence, unity of the sensory and logical, which determine the content and thoughts of truth [4, p. 48].

In the XX century a coherent theory of truth is revived by some representatives of neo-positivism, for example O. Neurath. This version proceeds from the premise that only metaphysics can try to compare sentences with the real world. The truth of scientific knowledge is, according to Neurath, not that knowledge corresponds to reality, but that all knowledge is a self-consistent system. It is this property of self-consistency that is the referent to which the concept of truth belongs.

From the point of view of Polish logic and philosopher K. Aiduchevich, all so-called non-classical truths see the essence of truth not in accordance with reality, but in accordance with the "ultimate criterion". To the concept of truth as utility,

pragmatism comes on the basis of the following argument: "... our beliefs are not independent of our practical activities. Our beliefs influence our actions, give those directions, and indicate the means that lead to the achievement of the intended goal "Ulyov AI Truth and the ways of its knowledge [5, p. 67].

According to pragmatism, utility is neither a criterion nor a corrector of truth. In other words, it cannot be asserted that knowledge possessing utility properties is also appropriate to reality. The only thing a person can establish is a discrepancy between knowledge of reality, and efficiency, the practical usefulness of knowledge. It is utility and is the basic value of human knowledge, which deserves to be called true.

In the system of diverse forms of the relationship of man to the world, knowledge or the acquisition of knowledge about the world around the human being, its nature and structure, the laws of development, as well as about man himself and human society occupy an important place.

Cognition is the process of getting a person new knowledge, the discovery of an unknown earlier. The effectiveness of cognition is achieved primarily by the active role of man in this process, which causes the need for his philosophical consideration. In other words, we are talking about clarifying the prerequisites and circumstances, the conditions for progress toward truth, mastering for this purpose the necessary methods and concepts.

The main goal of knowledge is the achievement of scientific truth. Applied to philosophy, truth is not only the goal of cognition, but also the subject of research. We can say that the concept of truth expresses the essence of science. Philosophers have long been trying to develop a theory of knowledge that would allow us to consider it as a process of obtaining scientific truths. The main contradictions on this path arose in the course of contrasting the activity of the subject and the possibility of developing knowledge corresponding to the objective real world.

Truth is the process of an adequate (correct, correct) reflection of reality in the mind of man. The truth is one, but in it the objective, absolute and relative aspects are distinguished, which in turn can be regarded as relatively independent truths.

The truth is rightly associated with the noblest, most exalted and significant in the process of cognizing the world, man, society.

REFERENCES:

1. R. Tagore. Rabindranath Tagore. Poems. Stories. Mountain. M.: Fiction, 1989. P. 361
2. Blinov AL An analytical philosophy. Ufa: Gilem, 2000
3. Vakhtomin N.K. The theory of scientific knowledge of Immanuel Kant. Moscow: Nauka, 1995.
4. Danilyan O.G. Philosophy. Moscow: EKSMO, 2006.
5. Zharikov E.S. Scientific Search. The logic of scientific research. M.: Infra-M, 2000

УДК:165.612:159.923.2(045)

Рахимжанова С.К.
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва
(Астана, Казахстан)

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

В данной статье всесторонне, философский раскрывается роль и значение традиции в развитии индивида и личности, этноса и нации, общества и государства, а также всего человечества. Традиционные ценности, сложившиеся, возникшие и сформировавшиеся в процессе жизнедеятельности наших предков, их взглядов и мировоззрения, передаваемые из поколения в поколение имеет огромное значение в жизни любого народа.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, традиция, обычай, сущность, ценность, человек, нравственность, нация.

This article deals with disclosure of tradition's role and meaning in the development of person and personality, nation and ethnos, society and country, the whole humanity from a philosophical point of view. Traditional values which came from the generations, views, living type and experience of our nation, have a great concern to the people's life

Words templates: philosophy, world outlook, tradition, custom, existence, value, person, humaneness, nation.

Традиция (лат.traditio– предание, обычай) – наследие, исторически сложившееся в обществе, народе, передаваемое из поколения в поколение, обычаи, ритуалы и обряды, нравы и нравственные ценности, общественный порядок, закон, цели, **достоинства** [1, с. 135]. Традиция – это философское понятие и имеет глубочайший смысл. Человек оставляет после себя духовные, нравственные ценности, и это наследие передается дальше, от одного поколения к другому поколению. С точки зрения философии, основной особенностью традиции является её вечность, бесконечность, то есть традиция не исчезает, она существовала в прошлом, продолжает существовать в настоящем, и будет существовать в будущем. В чем причина её вечности? Почему эта передача от поколения к поколению бесконечна? Потому что, особенно, отличительные черты каждого народа, нравственные и духовные ценности, составляющие саму суть этих народов, основываются на древних традициях. Народ, утративший свои традиции теряет себя, исчезает как народ. Человек, не знающий своих традиций – манкурт, т.е. человек, утративший свое человеческое достоинство.

Признание традиции как философское понятие заключается в её вечности, бесконечности, это бесценное наследие, озаряющее сознание каждого человека и формирующее в обществе определенные взгляды.

Традиция – передающиеся от поколения к поколению, продолжающиеся и развивающиеся исторические, социальные, культурно-бытовые, профессиональные, нравственные ценности, обычаи и обряды, нормы поведения, воспитание и духовные наставления. С философской точки

зрения традиция играет огромную роль в формировании у человека нравственных и духовных ценностей. В казахской традиции до сих пор особенно важным является уважительное и почтительное отношение к старшим. У казахского народа принято считать своим долгом – знать всех своих предков до седьмого колена. Недаром старинная поговорка гласит о том, что «Глуп тот, кто не знает своих предков до седьмого колена». Тот, кто не знает своего происхождения, не знает и о других ценностях. Другой обычай казахского народа – это обычай, связанный с гостинцами. По традиции тот, кто возвращается домой из путешествия, привозит своим родным и близким гостинцы. Это свидетельствует об его чувствах, заботе и преданности к своим родным и близким. Можно привести очень много различных примеров, обычаев и обрядов, дошедших до наших дней из древних времен, но суть их заключается в том, что традиция имеет огромное значение в воспитании будущих поколений, в сохранении нации не утрачивая его исконных особенностей, отличий от других народов и народностей.

Приведем мнения некоторых зарубежных авторов о традициях: французский философ Жан Жорес говорил, что не согласен с теми, кто считает традиции пережитками прошлого. По его мнению **«Традиция – это не сохранение пепла, а раздувание огня»**. Поистине, традиция – это ценность, которая ведет к совершенствованию, развитию, а не к угасанию. **Майкл Скэлон**: «Традиции можно описать как клей, скрепляющий наше общество». Традиция связывает поколения между собой, помогает помнить прошлое, и в то же время размышлять о будущем, строить будущее. Русский культуролог **Петр Савицкий** писал: «Утрачивающий традиции скатывается вниз». Действительно, утратив традиции, человек теряет свой исконный облик, свою изначальную сущность. А по мнению **Герольда Бельгера**: «Незнание глубоких корней, языка, обычаев и обрядов своего народа свидетельствует об исчезновении национальных чувств. Небрежное отношение к истории национальной культуры неизбежно приведет к невосполнимой утрате, трагедии». **Семенов-Тянь-Шанский**: «Они не нуждаются в обучении. Традиции оседают во всем образовании!» Действительно, традиции казахского народа – это неиссякаемая кладезь, бескрайний океан нравственных ценностей. Воспитывая детей в духе национальных традиций можно вырастить любящее свой народ поколение. И необходимо прилагать все усилия для того, чтобы пропагандировать, распространять среди молодежи традиционные ценности. Традиции играют решающую роль в привитии подрастающему поколению таких качеств, как милосердие, терпимость, гордость за свой народ [2, с. 253].

Религия и традиция: Религия стала духовной опорой нашего народа с тех самых времен, когда она появилась в казахских степях. Традиция и религия – родственные понятия. Традиции и обычаи казахского народа тесно связаны с религиозными обрядами. Например: обрезание, бракосочетание, Курбан айт, Ураза айт, пожертвование, благословение и другие. Религиозные обряды ислама, обычаи и традиции в полной мере отражают сущность национального характера казахского народа – добродушного, гостеприимного и стремящегося жить в гармонии с окружающим миром.

Искусство и традиция: искусство является формой общественного сознания и сущности человека, отображающая мировоззрение, внутренние

чувства человека через систему художественных образов. Искусство – эстетическое явление, которое не стремится воспроизводить происходящие в жизни события как есть. Цель искусства – отображение мира, человеческой жизни, окружающей действительности с художественно-эстетической точки зрения. Искусство и традиции занимают значительное место в жизни человека и они очень тесно связано между собой. Существуют различные виды искусства: художественная литература, музыка, скульптура, живопись, театр, кино, архитектура и др. Искусство имеет огромное значение в развитии личности. Оно находит путь к сознанию человека через систему символов, художественных образов, через литературно-художественный язык. Искусство слова разделяется на письменную и устную литературу, а музыкальное искусство – на вокальную и инструментальную музыку. В изобразительном искусстве существуют такие направления, как портрет, пейзаж, натюрморт. Сценическое искусство включает в себя жанры комедии и трагедии, трагикомедии и драмы и т.д. Термин «искусство» можно рассматривать в двух смыслах. Искусство в широком понимании означает созидание, воспроизведение, создание, творение. У древних греков искусство означало «мир предметов, вещей, созданных, воспроизведенных руками человека».

Традиция и история: История – наука, изучающая прошлое человечества. История – наука, которая развивается непрерывно. Не зная прошлого невозможно осмыслить настоящее. Через изучение истории формируется сознание, культура, традиция, преемственность поколений. История в древнегреческом языке означало «расспрашивание, узнавание, установление, добывание знаний». Благодаря истории мы знаем и помним о важных событиях прошлых лет, прошлых веков и целых эпох. Взаимосвязанность истории и традиции очень важна для человечества. Изучая историю своего народа, а также других народов, мы узнаем о предыдущих поколениях, предках, об особенностях и ценностях, присущих тому или иному народу.

История и традиция имеют огромное значение в сохранении и передачи национальных ценностей от одного поколения к другому поколению. Поколение, которое знает традицию и историю своего народа в будущем будет любить свой народ, свою землю. История и традиция не только помогают узнать о прошлом, но и помогают выбрать правильный путь в будущее. Традиция всегда была основой порядка, норм и правил в жизни общества, а сознание, воспитание составляли основу духовного богатства. Традиция в жизни казахов воспринимается как завет, наказ предков. Известно, что уважение и почет оказывали старшим невзирая на их род или джуз, на состоятельность или бедность. Старших всегда уважали, на празднествах и тоях их всегда усаживали на самое почетное место, при решении насущных вопросов всегда прислушивались к их мнению, а молодежь всегда стремилась выполнять их наказы. Решение, принятое старшими при решении всевозможных споров и разногласий всегда исполнялось беспрекословно. Молодые никогда не должны были переходить дорогу старшим, повышать голос на старших считалось как невоспитанность, вопиющее неуважение к старшим. Отправляясь в далекий путь, обращались к аксакалам, чтобы получить их благословения, напутствия. Все эти и многие другие исторически

сложившиеся обычаи и традиции, сохранились до наших дней, передаваясь из поколения в поколение.

Традиция, в нашем понимании, это закон жизни, исторически сложившийся в ходе становления целого народа, представляющего конкретную нацию, который на протяжении многих веков накапливался, систематизировался, формировался и совершенствовался, иными словами, это конституция, утвержденная самим временем. Она присуща конкретно и отдельно взятому народу, и в этом её уникальность, и именно поэтому мы называем это «национальной традицией».

Развитие отдельно взятого народа, приобщение его к достояниям цивилизации, и достижениям современной науки, или наоборот его деградация и даже исчезновение как народ, напрямую связано с сохранением или утратой национальных традиций. Народ, утратив свои традиции начинает утрачивать свои особенности, в итоге перестает существовать.

Мы должны всеми силами стремиться сохранять свою традицию, свои обычаи, чтобы не допустить нарушения целостности своей страны, единства своего народа, преемственности поколений. Для этого нам необходимо бережно относиться к национальным традициям своего народа и передавать их будущим поколениям. Дерево, лишенное своих корней обречено на гибель, независимо от того, тополь это или дуб, сосна или береза. Также и народ, утративший свою традицию, не важно, казах или русский, либо любой другой народ – если утрачены традиции, то это неминуемо приведет к разрушению. Народ, сохранивший свои традиции, может стать сильным, развитым. В качестве яркого примера достаточно привести наших восточных соседей – китайский и японский народы, которые сохранив древние традиции своих предков до сегодняшних дней, достигли больших успехов в современном мире, в мире науки и технологий.

Казахский народ очень богат на обычаи и обряды. Однако, некоторые традиции и обряды не совсем распространены среди нынешней молодежи. Например, при стрижке у мальчика на макушке оставляли длинные волосы. Это продолжалось от стрижки к стрижке, и когда этот локон достигал определенной длины, его сплетали и украшали бусами. Это называется «айдар» (гребень). Существует поверье, что «айдар» оберегает мальчика от глаза и порчи.

Если в дом случайно заползала змея, на нее выливали молоко или кумыс, шубат или айран. Таким образом выводили из жилища и только потом уничтожали. Смысл данного обряда заключается в миролюбивости казахского народа [3, с 124]. Традиция является главным фактором поддержания целостности общественного организма в тех обществах, где в качестве внутреннего доминирующего основания общественного целого выступает живой труд. Следовательно, преобладание традиции как способа социальной связи происходит в тех сферах общественной жизни, где первостепенное значение имеет творческо-преобразующая деятельность человека. В настоящее время роль человека в процессе производства в своем существенном виде увеличивается за счет науки. В связи с этим все более значимой становится традиция в сфере научной деятельности, которая фиксирует пути и способы теоретического освоения действительности, пути воплощения достижений науки в производство.

Традиции – это совокупность поверий, представлений народа о каких-либо явлениях. Казахские обряды в зависимости от своих функций, применимости можно разделить на две основные группы. К семейно-бытовым можно отнести различные обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка, женитьбой сына, выданьем дочери замуж, похоронные ритуалы и т.д. К другой группе относятся общественные, такие как Наурыз мейрамы, курбан айт, ораза айт, и другие события, которые отмечаются на общественном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Kazakh traditions and cusroms. - Almaty, 2010. - 42 p
2. Сарсенбаев Н. Обычай традиций и общественная жизнь. - А., 1994. - 253 с.
3. Кенжеахметов С. Жеті қазына. - А.,1997. - 124 с.

ИНФОРМАЦИЯ О СЛЕДУЮЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые научно-педагогические работники учебных заведений, аспиранты, соискатели и студенты. Приглашаем Вас принять участие в

**XXXI Международной научной конференции
«Актуальные научные исследования в современном мире».**
(26-27 ноября 2017 г.)

Для участия в конференции необходимо до **25 ноября 2017 г. (включительно)** отправить статью на электронную почту оргкомитета: iscience.in.ua@gmail.com.

Рабочие языки конференции: *українська, русский, english, polski, беларуская, казахша, o'zbek, limba română, кыргыз тили, ჯայըրէն*

Планируется работа следующих секций:

1. АРХИТЕКТУРА	16. СОВРЕМЕННЫЕ
2. БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
3. ВЕТЕРИНАРНЫЕ НАУКИ	17. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
4. ВОЕННЫЕ НАУКИ	18. ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
5. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ	19. ТУРИЗМ И РЕКРЕАЦИЯ
6. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	20. ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ
7. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	21. ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ
8. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	22. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СПОРТ
9. МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ	23. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10. МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ	24. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
11. НАУКИ О ЗЕМЛЕ	25. ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ
12. ПЕДАГОГИКА	26. ЭКОЛОГИЯ
13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	27. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
14. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	28. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
15. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ	

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ

Для участия в конференции необходимо до **25.11.2017 г. (включительно)** отправить на электронный адрес: iscience.in.ua@gmail.com:

1. Текст статьи (оформлен в соответствии с нижеприведенными требованиями);

2. заявку участника;

3. копию документа об оплате орг. вноса в электронном виде или (СНГ.

Отправить на email № перевода и название системы перевода. Украина (сума, дата, время и ФИО плательщика);

4. личную фотографию в формате .jpeg (по желанию).

В теме письма необходимо указать Вашу фамилию и.о., например: **(Федоренко О.Е.)**

Обратите внимание информационный отдел обязательно отправляет подтверждение о получении материалов к публикации в течении

суток после Вашего отправления материалов. В случае отсутствия уведомления продублируйте Ваше письмо или уточните за номером телефона (Viber) +38 (096) 5399899

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Объем материала от 3 до 8 страниц набранного текста (каждая следующая полная или неполная страница оплачивается дополнительно) оформленного в текстовом редакторе Microsoft Word, файл в формате.doc или.docx (шрифт 14, Times New Roman, интервал 1,5). Все поля – 20 мм;

2. В верхнем правом углу указывается название секции и подсекции;

3. Во втором ряду в правом углу фамилия имя;

4. В третьем ряду в правом углу указывается город и страна;

5. Следующий абзац – название статьи указывается по центру (шрифт **16 полужирный БОЛЬШИМИ БУКВАМИ**);

6. Дальше через строку изложение основного текста (шрифт 14);

7. После основного текста указывается список литературы (ЛИТЕРАТУРА). Список литературы оформляется не за алфавитом, а по мере того, как она встречается в тексте статьи. В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием в них порядкового номера источника по списку и через запятую – номера страницы (страниц), например: [3, с. 173];

8. Рисунки и таблицы набираются шрифтом Times New Roman 12 с одинарным междустрочным интервалом. Рисунки, диаграммы и таблицы создаются с использованием черно-белой гаммы. Использование цвета и заливок не допускается! Все рисунки и таблицы должны иметь название.

9. Формулы следует набирать с помощью редактора формул Microsoft Equation и нумеровать в круглых скобках (2).

Отдельным файлом подаются сведения об авторе.

Для участия в XXXI Международной научной конференции «Актуальные научные исследования в современном мире» необходимо до **25.11.2017 г. (включительно)** отправить статью на электронную почту оргкомитета: iscience.in.ua@gmail.com.

За достоверность фактов, цитат, имен, названий и других сведений отвечают авторы статей.

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Октябрь 2017 г.

ВЫПУСК 10(30)

Часть 3

Ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования несут авторы

Ответственный за выпуск: Подворная А.А.
Дизайн и верстка: Вовкодав А.М.

Учредитель: ОО "Институт социальной трансформации"
свидетельство о государственной регистрации №1453789 от 17.02.2016 г.

Подписано к печати 5.11.2017.
Формат 60x84 1/16.
Тираж 300 шт. Заказ №042
Изготовитель: ФЛП "Кравченко Я.О."
свидетельство о государственной регистрации В01 №560015
Адрес: 03039, Украина, Киев, просп. В. Лобановского, 119
тел. +38 (044) 561-95-31

Адрес ред. коллегии:
08400, Украина, Киевская обл., г. Переяслав-Хмельницкий,
ул. Богдана Хмельницкого, 18
тел.: +38 (063) 5881858
сайт: <http://iscience.in.ua>
e-mail: iscience.in.ua@gmail.com

